

Михаил Заплатин, Феликс Вибе

Самый красивый Урал

Книга оцифрована и предоставлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:

Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта: <https://book.exje.ru>

Пермский кинооператор и журналист Михаил Заплатин и свердловский писатель Феликс Вибе — авторы этих очерков об уральской природе, о путешествиях по родному краю — ни разу не встретились в своих горных и таежных странствиях, хотя маршруты их порой пересекались, например, на знаменитой горе каменных идолов, где они побывали в разное время. Встретились наши авторы только теперь, на страницах книги, как бы передавая здесь друг другу эстафету странствий. С севера на юг, от хребтов Заполярного Урала до истоков Печоры, пролегли многолетние маршруты М. Заплатина. А дальше к югу — по печорским верховьям и порожистому Тыпылу, по Чусовой и горам Башкирии — путешествовал со своими товарищами Ф. Вибе.

«Самый красивый Урал» — давая книге это название, авторы, конечно же, не собирались утверждать, что наш край красивее других. Смысл названия в ином: места, где побывали наши путешественники, кажутся им самыми живописными уголками Урала. Впрочем, многие уральцы могут возразить, что и их родные места не менее живописны, и мы охотно с ними согласимся. Ибо неохватна ширь наших лесов, гор и полей, величава и прекрасна уральская природа, по-хозяйски беречь и охранять которую призывает эта книга.

Михаил Заплатин
Феликс Вибе

Самый красивый Урал

Очерки

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1983

Уральские путешествия

Книгу «Самый красивый Урал» составили очерки двух авторов — Михаила Заплатина и Феликса Вибе, — но это именно цельная книга, а не сборник случайных материалов, где порой пронаведения «тащат» читателя, подобно крыловским раку, лебедю и щуке, в разные стороны. Здесь все бьет в одну цель: общая тема — природа Урала, место действия — опять же Урал во всей его протяженности от Заполярья до юга Башкирии, единодушный подход к материалу — трепетно-любовный, взволнованный, хозяйски озабоченный и требовательный. При всех различиях стиля одинаков и метод создания очерков. Сначала — дело, потом — слово. Сначала долгие нелегкие путешествия где вертолетом, где на лошадаках и оленях, а чаще всего пешком или на лодке в труднодоступные, но оттого еще более прекрасные уголки Урала, и лишь потом — осмысленные увиденного и узнанного. Зато уж, будьте уверены, в очерках все натуральное, все из первых рук, никакого суррогата. Каждый причудливый камень, всякий благоуханный цветок, прежде чем попасть сюда, не один раз был ощупан, обнюхан и осмотрен со всех сторон нашими следопытами.

Но еще больше, на мой взгляд, пошло на пользу книге то, что ее авторы всем своим жизненным опытом, складом мышления и литературной манерой — люди совершенно разные, не похожие друг на друга.

Феликс Вибе — писатель-юморист. Он никогда не упустит случая посмеяться, поиронизировать над собой либо своими спутниками. Поводов для улыбки в тайге, в горах всегда предостаточно, ибо сама природа любит пошутить над человеком, особенно непривычным горожанином: то вывороченный пенёк явит ему медведем, то упавшим деревом подставит подножку, то ночью шумом близкого речного переката, уханьем филина, плачем болотной выпи нагонит в палатке такие страхи, что утром при мирном солнечном блеске без смеха никак не обойтись. Право, юмор в рассказах о таяжных путешествиях очень уместен, придает им особый колорит и, я бы еще добавил, психологическую достоверность. С удовольствием, например, читаешь описание ночных страхов в очерке «На Тыпыле». Не только потому, что это весело, но и потому, что чертовски точно. Кто в тайге полервости не переживал подобные страхи? Только не всякий признавался в них. А вот Феликс Вибе признался, посмеялся над самим собой — тем самым и над нашими страхами, — и спасибо ему за это.

Михаил Заплатин — другой. Он серьезный, неторопливый, обстоятельный. К тому же еще и страстный охотник. Но охотится не с ружьем, а с кинокамерой за всем прекрасным, редкостным, неповторимым, что сотворено природой. То подавай ему самую высокую вершину в горах, то вынь да положь глухариные и тетеревиные свадьбы. Такие «охот-

ничьи» цели придают его очеркам напряжение и увлекательность, а накопленные за десятилетия кочевой кинооператорской работы знания об Урале, его людях и природе выливаются яркими, выразительными картинами и подробностями.

[6] В общем, своей непохожестью авторы взаимно дополняют друг друга, а воссозданные «с двух фокусных расстояний» явления, пейзажи, будни горных и лесных странствий приобретают большую глубину и объемность. Книга получилась цельной и в то же время многоликой, как многолик Урал, встающий на ее страницах.

Очерки М. Заплата и Ф. Вибе адресованы самому широкому читателю. Уверен, что их с интересом прочтут не только школьники, краеведы, туристы, но и все, кто любит природу, кто хочет больше узнать о нашем родном Урале.

Владислав Николаев

Михаил Заплатин

К северным ледникам

На Народную

У королевы альпийского Урала

В хрустальных погребах Пушвы

На гору каменных идолов

В зауральской тайге

Весенние турниры

К северным ледникам

Где-то в верховьях Кары

Для съемки кинокартин о природе надо обязательно куда-то идти, ехать, плыть, лететь. В поисках географического кино-материала мы невольно становимся путешественниками. И конечно, интереснее всего долгий путь туда, где вы чувствуете себя первооткрывателем. Ваша кинокамера зажуужит там впервые, опти-

ческий глаз ее первым увидит сокровенный пейзаж.

...В последних числах июля вертолет высадил нас на правом берегу реки Большая Кара. И скоро улетел, оставив трех человек с кучей снаряжения и аппаратуры среди пустынной горной тундры. Трое — это мы с моим постоянным товарищем по многочисленным путешествиям Юрием и Нина Петровна Аигина — доцент кафедры картографии Ленинградского университета.

Из полутора сотен зарегистрированных на Урале ледников более шестидесяти находится в северном секторе Полярного Урала. Нас влекло именно в эту часть Уральских гор, лежащую всего в 100—130 километрах от берега Ледовитого океана. Это хребет Оченырды, вдающийся своим громадным массивом в Большеземельскую тундру.

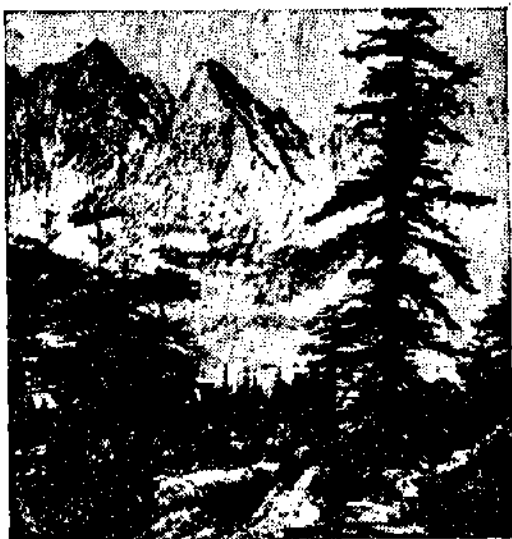
Вертолет улетел, и мы огляделись. Вдали стеной возвышался заснеженный хребет. Рядом шумела Кара на перекатах. Голубели озера в прибрежных низинах. Берега — в мелких зарослях ивняка.

— Перед нами Оченырды, — сказал я спутникам. — Через день-другой пойдем к ледникам... Но сперва надо устроить лагерь. Место возле озера неплохое. Ручей протекает чистый. Пожалуй, здесь натянем тент с пологам. Иначе комарики не дадут спать.

Однако я еще не познакомил читателей с моими спутниками.

Мой «пом Юргенс», как я называл в шутку своего помощника Юрия, многие годы работал со мной на съемках в горах и тайге Северного Зауралья. Он был моложе меня ровно на двадцать лет. Небольшого роста, худощавый, как юноша, шатен с выющимися волосами.

В первые годы наших путешествий Юргенс был совершенно неподходящим для походной жизни человеком: не умел разжигать костер, готовить пищу, ловить рыбу, не разбирался в грибах и ягодах, ружье боялся брать в руки — выглядел смешным и неуклюжим. Мне было в пору отказаться от такого спутника, но я оставил его в своей группе: что-то мне в нем понравилось. И вот результат — с ним мы провели уже четырнадцать киноэкспедиций! Целая жизнь!

Теперь я торжествую — моя школа не пропала даром. За время экспедиций в тайгу и горы Юргенс научился многому. И хотя в его внешности почти ничего не изменилось — такое же детское и доверчивое лицо, юношеская фигура, но штормовка на нем теперь сидела ладно, голенища резиновых сапог были подвернуты лихо, на ремне постоянно висел охотничий нож, и спички, как он говорил сам, имелись у него всегда «на кармане». За годы наших походов он окреп, возмужал.

[9]

Нина Петровна — особый человек в нашей мужской компании. Раньше мы не брали женщин в киногруппу по простой причине: в северных горно-таежных походах нелегко и нам, мужчинам, им же будет еще труднее. Кроме того, мы всегда опасались любителей мнимой романтики. Но Нина Петровна оказалась человеком опытным, бывалым, она участвовала во многих памирских и тьянь-шаньских ледниковых экспедициях от своего университета. Трудно было отказать этой необыкновенной женщине. И вот мы путешествуем с ней уже четвертый раз.

В сущности, необыкновенная женщина имела самый обыкновенный облик. Ростом ниже нас, спортивная фигура не по возрасту, аккуратная походная курточка, брюки, вязаная синяя шапочка.

Нина Петровна первой заметила, что в озере плещется крупная рыба.

— Ребята, там гольцы плавают! Эта рыба — из породы лососевых. Я подходила к самому берегу — они на меня не обращают внимания, не боятся!..

— Вас можно считать крупным специалистом по рыбам? — улыбаясь, спросил Юргенс.

— Особенно малосолевым... — рассмеялась Нина Петровна.

— Так кем же вы числитесь в нашей группе? — сказал я, продолжая шутку.

— У вас я согласна быть даже «постоянным исполнителем подсобных работ»...

— И вас это не смущает?..

— Нисколько! В моих прошлых экспедициях на Памире рабочими были даже аспиранты. Знаю кандидата философских наук, который свой отпуск проводит в геологической партии шофером...

— Здесь вас ожидает одно непривычное обстоятельство — непрерывный полярный день.

— Ночью не заснете... — уточнил Юргенс.

— Белые ночи? Знакомо! — отмахнулась Нина Петровна.

— Ваши ленинградские белые ночи — это далеко не то, что здесь...

Поздно вечером наша спутница убедилась в этом. Сумерек не наступало совершенно. Солнце только слегка спускалось к горизонту, стояло некоторое время и снова поднималось к зениту. День — круглые сутки. Ночь с солнцем. Ни восходов, ни закатов...

Юргенс, лежа в спальном мешке, предложил:

— К леднику надо выходить ночью. Весь день там снимать, а к вечеру, в прохладе, возвращаться...

Нина Петровна поддержала:

— Ночные часы, пожалуй, лучшее время для походов. От комаров избавимся. Читать, писать и снимать — можно. Еду с собой возьмем...

[10]

— Последнее — очень важное обстоятельство! — заметил многозначительно Юргенс.

Перед походом к ледникам знакомимся с научными записками о местах наших будущих маршрутов. В них сказано, что хребет Оченырда является самым северным очагом оледенения на Урале. Ледники на нем открыл в 1957 году гляциолог А. О. Кеммерих. Он обнаружил и обследовал шесть основных скопищ льда, которые получили названия: ледник Боча, ледник Долгушина, ледник МИИГАиКа (Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии), ледник МГГ (Международного геофизического года), ледник Парус, ледник Терентьева. Последний носит имя оленевода Егора Терентьева, жителя села Бакур под Ижмой. Наука не забыла человека, впервые сообщившего о ледниках на Урале.

Небезынтересно вспомнить, как это произошло.

Исследователь Урала профессор Санкт-Петербургского университета Э. К. Гофман в 1850 году писал, что ледников в этой части земли не может быть в силу незначительной высоты Уральского хребта и континентальности его климата. Эта точка зрения долгое время считалась общепризнанной. Ее придерживались многие ученые вплоть до 20-х годов нашего века. Верили Гофману, лично проехавшему вдоль всей осевой линии хребта до берегов Ледовитого океана.

Однако еще в 1911 году появилось первое противоречащее сообщение, на которое не обратили тогда должного внимания. И может быть, потому, что автор его был ветеринарный врач — лицо в географической науке неизвестное и неавторитетное.

История этого сообщения такова. В 1908 году, а затем и в 1909-м Архангельское губернское управление командировало в Большеземельскую тундру для выяснения причин падежа оленей ветеринара С. В. Керцелли, человека бывалого, опытного в трудных путешествиях, до этого прошедшего несколько походов по ледниковым областям Кавказа.

Керцелли четыре раза пересек Большеземельскую тундру. Около двенадцати месяцев провел он с оленеводами-кочевниками. Сполна испытал их обыденную жизнь на долгих трассах оленьих перегонов.

Достаточно взглянуть на походную фотографию самого Керцелли — поверишь, что человек этот прошел тундру собственными ногами, а не в кибитке с мягким сиденьем: на нем телогрейка, патронташ, ружье, полевая сумка, бинокль, фотографический аппарат, сапоги с высокими голенищами.

Оказавшись вблизи хребта Пай-Хой, где некогда проходил Э. К. Гофман, ветеринар имел любопытный разговор с одним спутником

из местных. В своей книге «По Большеземельской тундре с кочевниками» он об этом писал так:

Служивший у меня рабочим житель села Бакур Егор Терентьев прекрасно знает весь Северный Урал, на котором он много лет то кочевал с оленями, то промышлял зверя и птицу. Когда мы шли от океана в 1908 году к берегам Адъзвы, в длинные осенние вечера Егор, поэт в душе и страстный любитель северного простора и кочевой жизни, рассказывал мне различные эпизоды из своих охотничьих скитаний. Между прочим он однажды сказал следующее: «Так что есть у нас на Камне места, где снег никогда не тает, и там уже не снег, а такой твердый лед, что его только топор берет, а снега и льда не видно, потому что сверху завалены мелкими камнями, а внизу, где кончается лед, в нем большая дыра, как пещера, и оттуда течет речка. Длинною такие места бывают больше версты, и я знаю несколько таких мест и одно не меньше полторы версты длиною».

[11]

Описание это настолько характерно, что не оставляет, казалось бы, сомнений в существовании мелких ледничков на Урале. Егор предлагал провести меня на такой ледник, но недостаток оленей, замученных экскурсией к Югорскому Шару, не позволил мне предпринять этой поездки, несмотря на соблазнительность предложения.

В книге Керцелли, посвященной проблемам оленеводства, этот текст появляется на единственной странице, «между прочим». Книга ветеринара долгое время не попадала в руки географа. Обнаружение в ней абзаца о ледниках было, вероятно, делом случайным. Между тем если бы Керцелли с помощью Егора Терентьева посетил эти ледники, то честь открытия их принадлежала бы ему.

Однако впервые ледники на Каменном Поясе были открыты только в 1929 году. Их обнаружил в массиве хребта Сабля геолог Александр Николаевич Алешков. Он писал:

Обнаруженные теперь на Сабле ледники... придают силу приведенному С. В. Керцелли рассказу. Согласно последнему, следует ожидать нахождения на Полярном Урале нескольких ледников.

Как теперь выяснилось, рассказ Егора Терентьева относился к ледникам в самой северной оконечности Уральского хребта. В его честь назван, вероятно, тот самый ледник, о котором он и рассказывал. Вблизи хребта, как и во времена Егора Терентьева, по-прежнему проходит постоянная трасса перегона оленьих стад к весенним пастбищам в горах.

Ближайший к нашему лагерю — ледник Боча. К нему будем готовить наш первый выход. А пока знакомимся с природой этих мест.

Нас окружают два замечательных земных творения: скалистый хребет Оченырда и бурная река Кара. Ее кристально чистая вода — прюот особой рыбы. При соблюдении осторожности в тихих и глубоких ямах можно увидеть важно плавающих хариусов, кумж и гольцов. Кулички-плавунчики с криком летают вокруг лагеря, снуют в ручьях. Комаров

хватает. От них спасение только на ветру. К тому же стоит почти тропическая жара — невиданный случай в Заполярье в этом году.

[12] На береговых галечниках краснеют массивные букеты низкорослого кипрея. Ближе к ивнякам — густой ковер луговой гвоздики и дикого лука. Холмистая тундра в стороне от реки в сплошном голубичнике: крохотные кустики с большими молочно-голубыми ягодами. Всюду жизнь. Не верьте тем, кто говорит, что горная тундра — пустыня.

К леднику Боча

Через два дня в светлую полночь мы вышли в поход. Оглядывая стену хребта, мой пом спросил:

— Куда пойдем? Где ледник Боча?..

По карте этот ледник расположен на западном краю массива. Кажется, в том распадке, где на склонах лежат еще не стаявшие снежники. Туда и направимся.

— Километров на семь готовьте силы, — сказал я спутникам. — Туда и обратно будет четырнадцать...

— Не пугайте щуку рекой! — бодро ответила Нина Петровна.

Поднялись на первый плосковерхий выступ, своеобразной террасой возвышающийся над долиной Кары. Его плато в сплошных зарослях желтых цветов.

— Это кульбаба копьелистная! — склонилась над ними Нина Петровна. — Эти цветы имеют способность закрываться в три часа дня и открываться в семь утра...

Нас окружали удивительные контрасты. Среди полей желтых цветов белели снежники, которые вряд ли станут к осени: до нее не так уж далеко. А над цветочными зарослями высились хмурые гребни скал. Там хаос разрушения, страшные фигуры выветривания, там ужас и красота смешаны без разбора.

Повсюду следы недавнего пребывания оленьего стада: отпечатки копыт, помет. Привольные места для выпаса. Немудрено, что первым человеком, сообщившим о ледниках Урала, был именно оленевод.

Юргенсу дорога нравится:

— По таким лугам шагать-то можно!..

— Не торопись радоваться. Впереди морена — каменный ад.

И вот перед нами морена. Внешне это гигантский обвал. Он круто обрывался хаотически раскиданными глыбами, кубами, плитами. Размер многих с нашу четырехместную палатку, если не больше. Кажется, совсем не пройти человеку.

Посидели на камнях возле бьющего из-под морены ручья, порасуждали.

— Откуда может браться этот поток, как не от ледника! За моренным валом должно находиться озеро, а за ним ледник. Туда и идти.

— Надё сперва подняться на морену. С нее будет видно, — согласилась Нина Петровна.

— Легкого подъема не ждите. Морену придется атаковать в лоб. Осилим?.. — Я с сомнением поглядел на спутницу.

— Идите вперед и обо мне не беспокойтесь! — обиделась она. — Я не отстану.

Скорость продвижения была ничтожной. Цепляясь руками за края камней, осторожно, ощупью обходили большие глыбы. Иногда забирались на их вершины. Спускались, чтобы так же подняться на другой камень и снова спуститься.

После десяти минут подъема я оглянулся на Юргенса. Он шел с лицом тихого страдальца: хмурый, усталый.

— Как дорожка?..

— Ну и нагромождено тут!.. — услышал я в ответ.

На морене — адский хаос беспорядочно, в несколько валов, раскиданных камней, перепаханных таинственными силами.

Через каждые двадцать — тридцать метров останавливались, чтобы отдышаться. Нина Петровна старалась просвещать нас:

— Эта морена очень древняя. К ней ледник своим телом переносил миллионы камней, от камешка с кулак до глыбы с дом...

Юргенс заинтересовался:

— Сколько же надо тысячелетий, чтобы по камешку соорудить такую гигантскую насыпь?

— Если учесть, что ледяная масса перемещается со скоростью до трех — пяти метров в год, — добавил я.

Мы передвигались медленно, осторожно: на плечах у каждого висела аппаратура. С трудом преодолевали вал за валом. Каждый следующий был выше предыдущего. А ледник не показывался.

На очередном перекуре Юргенс вспомнил Манси-Нёр под горой Народной, где мы все трое бывали.

— Там было куда легче!.. А тут землетрясение, что ли, произошло.

Нина Петровна сделала свое заключение:

— Не думала я встретить здесь такие сложные морены. Оказывается, уральские ледники маленькие, да удаленькие... Эта морена кажется бесконечной потому, что ширина ее больше длины.

Мы с Юргенсом задержались на очередном перекуре. Нина Петровна вырвалась вперед. Взобралась на вершину одного из валов.

— Вижу ледник! — услышали мы ее голос оттуда. — Какой крохотный! А озеро под ним громадное.

Вскоре стояли все вместе на высоте, с которой был виден ледник. Действительно, он выглядел маленьким. Оглянулись — позади, внизу, была впечатляющая картина: мы преодолели труднейший каменный барьер. Времени на него было затрачено почти два часа.

Последний и самый высокий вал морены круто спускался к озеру, заполненному плавающими льдинами. А вдаль, за ним, у стены горного массива, вырисовывался сам ледник Боча. Трещины и поперечные поло-

сы на его голубовато-грязном теле выглядели лентами рек, как на контурной карте. У нашей спутницы тут же сработало профессиональное воображение.

— Вглядитесь, ледник в плане похож на карту Советского Союза! Спустились к озеру. Сбросили рюкзаки.

[14] — Пришли!.. — вздохнул с облегчением Юргенс. — На дорогу от лагеря ушло 4 часа 40 минут...

— У Кеммериха это озеро называется озером мертвых комаров, — напомнила Нина Петровна.

Чему обязано это название — мы не знаем. Помнится, на ледниках Кодара в Северном Забайкалье я видел вяло ползающих по снегу комаров. Возможно, и здесь они, попадая на снег и лед озера, от холода ослабевают, становятся неактивными, «мертвыми». Вероятно, это и заметил исследователь и дал имя озеру.

Обошли озеро, чтобы приблизиться к самому телу ледника. Путь к нему — тоже среди каменного хаоса. Поминутно вверх-вниз. И вот мы уже на краю ледника Боча. Какие жалкие остатки от того глетчера, каким он был по описаниям и фотографиям лет восемнадцать назад! Тогда лед высокой отвесной стеной обрывался в озеро. Теперь же он далеко отступил от водоема и жалкой поляной прижался к задней стенке кара. Этому леднику ученые пророчат незавидную судьбу — в ближайшие десятилетия он исчезнет совсем.

И удивительное дело — здесь летали комары! На высоте, у стены хребта, откуда начинался ледник! Название озера звучало теперь для нас злой усмешкой. Отмахиваясь от комаров, Нина Петровна ворчала:

— Самые живые здесь комары! Никакие не мертвые!..

Мимо пропорхала мелкая пичужка. Юргенс заметил:

— А вот и трясогузка! Чего бы ей тут без комаров делать!..

Мы увидели, как с гребней гор к леднику сползали живописные языки облаков. Скалы вокруг одевались в красивую белую накидку. Едва успели заснять панораму ледника и озера, как оказались в густом непроглядном тумане, в облаках.

— Надо сидеть и ждать, пока облака не разойдутся, — предупредил я.

— Конечно, идти нельзя: заблудимся в каменоломнях, — согласился Юргенс.

Наши штормовки быстро покрылись едва видимыми водяными пузырьками. Ощутился сырой холод. Продрогли. И ждать казалось почти безнадежно. Но внезапно влажный туман растворился, открылась даль внизу.

И мы поспешили в обратный путь к лагерю на Каре.

Летим на Хадату

Время промчалось быстро. Успели мы подняться к озеру Очки под ледником Долгушина. Побродили вдоль берегов Кары. Девятые уже

сутки гостили возле хребта Оченырда. В конце дня услышали гул вертолета.

— Не рановато ли за нами? — озадачился Юргенс.

Удивилась и Нина Петровна:

— Обещали же быть только завтра..

Нежданная машина сделала круг над нашим станом и пошла на посадку. Приземлилась недалеко. Четверо парней в форме вышли из вертолета и направились к нам. [15]

— Как дела, киношники? — приветствовал старший из летчиков. Мы узнали командира вертолета, доставившего нас сюда.

Гостей пригласили к походному столу. Юргенс почти продекламировал:

— Чаёк... Малосоленный харюзок... Красная рыбка... Копченое сало и голубика... Чего изволите подавать?..

— Ого! — только и произнес командир, выслушав предложение.

— От чая возле костра не откажемся! — радостно сказал молодой пилот с фотоаппаратом на груди.

— Чаёк... Чаёк... — произнес командир, потирая руки, и уселся у костра.

Нина Петровна улыбнулась:

— Как приятно вы говорите: «чаёк»...

— Здесь, на Севере, чай всегда называют так ласково, — ответил летчик.

Наша тихая обитель стала многоголосой. Кулички-плавунчики устроили переполох, с криками залетали вокруг нас. Девять дней мы были их незаметными соседями, а тут прилетело что-то непривычно шумное.

Гостям подали полные кружки крепко заваренного чая. Они с удовольствием отхлебнули. Командир заговорил:

— А мы пролетали стороной по спецзаданию. Дай, думаю, заглянем к путешественникам! Здоровы ли?..

— Здоровы!.. — ответила за нас с Юргенсом неутомимая спутница.

— Интересно на ледниках? Трудно до них добираться?..

— Не легко. Но там — замечательно!..

Командир внимательно оглядел горку наших грузов.

— И как только вы справляетесь с таким багажом!..

— Справляемся! — продолжала председательствовать Нина Петровна в нашей мужской компании.

— И все это таскаете на себе?

— Ну зачем же все! Частично.

— А загружать и разгружать? Кто это делает?

— Вот это мы делаем часто сами, — рассмеялся мой пом: в основном именно ему приходится руководить операцией «загружай-разгружай».

— И так всегда?

— Каждый год. Вот уже четырнадцать лет подряд, — уточнил я.

— Не надоело еще?

— Нисколько!

На лицах у летчиков удивление. Командир продолжал:

— Я могу понять геологов, у них много груза, но и самих много. А вас только трое. И столько аппаратуры! И с вами женщина!..

Нина Петровна терпеть не могла мужского снисхождения.

— Ничего особенного, что женщина! Я тоже таскаю аппаратуру. И не отстаю от своих мужчин!..

[16]

Летчики улыбались. Я наблюдал за ними. Симпатичны мне эти летающие парни. Благодаря вертолетчикам мы теперь быстро попадаем в самые глухие уголки. Даже с громоздким снаряжением.

— Готовы ли вы на Хадату? — спросил командир. — Мы сейчас пойдем туда. А завтра может не быть хорошей погоды, не прилетим..

Наша группа переглянулась.

— Готовы! — сказал Юргенс. — Осталось только убрать тент и сложить посуду.

— Вот и хорошо. Там все-таки люди. Радиосвязь имеется. Вам будет легче.

Экипаж помог нам погрузиться. И через какие-то минуты мы парили над горами Полярного Урала, удаляясь от гостеприимного Оченырда.

Штаб гляциологов на Хадате

Полярно-уральская база гляциологов Института географии Академии наук СССР расположена на берегу живописного озера Большого Хадата Юган-Лор в окружении скалистых заснеженных гор. Пять домов с красными крышами. Среди них метеостанция, хозяйственные постройки.

К вертолету, доставившему нас сюда, собралось почти все население Хадаты. Молодые парни, девчата, седые мужчины и женщины.

— Вы из Перми? — спросил один из пожилых, с проседью в бороде. — Ждем вас давно.

Признаться, приятно было такое начало. Мы познакомились. Оказалось, это исследователь ледников Полярного Урала — Цветков Дмитрий Георгиевич. Наша Нина Петровна встретила с ним как с однокашником. Еще до войны они учились в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

Нам предложили для жилья помещение. Но мы, как всегда, предпочли свою палатку с костром на высоком берегу бурного ручья. И кажется, этим заслужили некоторые симпатии.

Долго любовались мы дивной панорамой заснеженных вершин, опоясывающих голубое озеро. Было удивительно, что красота эта, альпийская и кавказская, запряталась далеко за Полярным кругом.

— Чем не озеро Рица!.. — говорила Нина Петровна. — Даже не верится, что на Урале может быть такое...

Каждое лето здесь многолюдно. Съезжаются научные работники. Проходят практику студенты. Частыми гостями Хадаты бывают туристы.

Народ здесь собирается замечательный. Особенно молодежь. Едва начинают жить, а уже умеют строить дом, справляются с лодочными моторами, водят гусеничный вездеход, пекут хлеб и многое другое умеют, чему учит Север. Некоторых из них мы с Юргенсом знаем по прошлому посещению Хадаты.

Второй год знаем мы Сашу — студента Воронежского университета. Симпатичный белокурый юноша. Мечтает поехать на БАМ. Не мыслит себе жизни без гор и тайги.

Другой парень — Валерий. Маловат ростом, чернявый, подвижный. Командир студенческого отряда, проходящего здесь преддипломную практику.

Ну и самый опытный из них — Юрий. Высокий, с черной бородой и усами, с пышной копной длинных волос. Он провел на станции более трех зимовок. Отличный горнолыжник, слаломист. Рассказывают, что он бесстрашно носится на лыжах по ледникам. Очень вынослив и опытен в сложнейших горных походах.

Трудная у этих ребят вахта. Требуется регулярно совершать много-часовые броски к ледникам, где установлены приборы, следящие за подвижкой льда, накоплением и таянием снега.

Постоянная база для наблюдений за ледниками создана здесь не случайно: вокруг озера на разных удалениях сосредоточены самые крупные и примечательные ледники Урала.

Ледник Иган (назван в честь Института географии Академии наук СССР) — самый большой по площади из всех уральских ледников. Длина — 1800 м. Ширина — 1500 м. Расположен вблизи стационара на Хадате. Второй по площади и самый длинный — ледник МГУ (назван в честь Московского университета). Длина — 2200 м. Ширина — 1200 м. Дает сток в Малое Щучье озеро.

Особого разговора заслуживает ледник Обручева. Самый красивый из всех, он приютился в углублении под опоясывающим его островерхим гребнем с характерным останцем в виде шпиля. Типичный каровый ледник. Образован в глубокой впадине округлой формы, окружен полукругом высоких и крутых скалистых стен, создающих своеобразный амфитеатр.

Размеры ледника Обручева невелики: длина 1000 м, ширина 500 м. Но заинтересовал он ученых тем, что является самым доступным — связан с базой на Хадате удобной дорогой, позволяющей гусеничному вездеходу приближаться почти вплотную к ледяному языку. За этим ледником легче вести наблюдение, чем за другими, более отдаленными.

А для чего, собственно, надо вести наблюдения за ледяной поляной, затерянной в скалистых гребнях северных гор? Какая польза от этих наблюдений?.. Оказывается, немалая!

В связи с промышленным освоением северных приуральских районов — угольных, нефтяных и газовых — возникает проблема снабжения их водой. Живет и давнишняя идея переброски части вод северных рек в Каспийское море и засушливые места Средней Азии. А ледники — это

резервуары замороженной воды, дающие начало многим рекам страны. И ученым важно знать, как ведут себя уральские ледники: убывают или нарастают?

Исчезает ледник МГУ

[18]

— Завтра я со своей группой отправлюсь к леднику МГУ,— сказал на другой день Дмитрий Георгиевич.— К сожалению, не могу пригласить вас: вездеход перегружен. Пока задержитесь здесь. Дня через три Мишин привезет вас к нам. Увидите замечательный ледник! Согласны?..

Наша троица ответила одновременной улыбкой.

— Мы не будем терять времени. Посетим ближайшие ледники. Съездим и к леднику Обручева,— заверил я Цветкова.

На следующее утро мы мчались на моторных лодках по изумрудной глади озера Хадата, сжатого безлесными снежными горами. На дальнем конце озера, на берегу, стоял вездеход. Один из сопровождавших нас студентов сел за руль.

В реве мотора и грохоте гусениц о камни приблизились к огромному валу морены. Круто взобрались на его вершину. Открылся ледник и три маленьких домика под ним. Ватага парней и девушек в штормовках высыпала из ближайшей хижины. Мы услышали эстонскую речь. Это были студенты Таллинского университета, закончившие практику на леднике. Вместо нашей аппаратуры загрузили вездеход тяжелыми рюкзаками. Шумная ватага уселась в машину. Вездеход взревел и укатил с морены вниз.

Не буду занимать читателя рассказом о наших ледниковых буднях. Тем более, мы с Юргенсом в прошлую экспедицию уже снимали большой киноматериал о леднике Обручева. Но хочется отметить одну интересную особенность фауны этого горного уголка. По соседству и почти на уровне с ледником находится длинное узкое озеро, в котором водится карликовая порода гольца — лососевой рыбки, похожей на форель, величиной не более 12—15 сантиметров. Удивительно, каким образом поселилась она в столь высокогорном озере! Гляциологи высказывают два предположения: рыба занесена утками — икринками на лапках, или когда-то гольцы поднялись к этим кручам по ручью из озера Хадаты, где их собратья достигают полуметра. Прижилась рыба, приспособилась к суровым условиям, но потомство ее сильно измельчало.

В походах и съемках прошло три дня. Вездеход прибыл за нами и увез на базу. И в тот же день мы снова ехали в гусеничной машине по дорогам горной тундры. Часа через полтора остановились на берегу огромного озера, окруженного хребтами высотой до тысячи метров. Склоны круто спускались к воде. Берега местами были отвесными.

— Вот вам наш уральский Байкал,— сказал сопровождавший нас Алексей Мишин, выходя из кабины вездехода.— Самое глубокое на Урале озеро. Глубина 136 метров! Называется — Большое Щучье.

На озере тишина. Вода чистая, зеленовато-голубоватого цвета. Совершенно неподвижна, словно застыла. Из озера вытекало много больших ручьев. Мы находились возле истока одной из рек Полярного Урала — Щучьей, несущей свои воды в Обь.

Стоянка была короткой. Через час подъезжали к другому озеру, поменьше, тоже в красивом окружении вершин — Малому Щучьему. От него свернули вверх по руслу большого ручья в горы. И вскоре увидели палаточный лагерь группы Цветкова. Лагерь пополнился нашей палаткой и вездеходом: на нем же мы завтра вернемся на базу.

Цветков встретил нас любезно:

— Рад, что прибыли. Этот ледник вам надо заснять обязательно — он исчезает...

И на другой же день, утром, в сопровождении Дмитрия Георгиевича мы шли к леднику МГУ. Нужно было пройти пять километров по руслу бурного, широко разлившегося ручья.

Сказать по правде, я не ожидал увидеть здесь какой-то особенный ледник. Казалось, все ледники в основном одинаковы. На снимках, виденных мной раньше, ледник МГУ не производил большого впечатления.

Но когда мы преодолели конечную морену, своим хаосом похожую на морену под ледником Боча, неожиданно увидели внушительную картину. Ледник своим гигантским бугристым телом начинался высоко, почти на самой вершине опоясывающего его горного массива. Очень широкой лавиной он спускался в большое озеро, подпруженное мореной и боковой горой с отвесной стеной. Силой и мощью веяло от этого ледника. Трудно было поверить, что этому ледяному колоссу грозит исчезновение.

— Как много еще здесь льда! — с удивлением сказал Юргенс.

— Что-то не верится, что ледник этот на грани исчезновения... — усмехнулась Нина Петровна.

Цветков пригласил нас забраться выше по боковому склону, откуда он с помощником проводил фототеодолитную съемку ледника. И здесь наглядно убедил нас в прискорбной судьбе ледяного гиганта.

— Вот смотрите, — показал он на гору над озером. — Видите, на каменной стене горизонтальная полоса?..

Высоко над озером на плоском утесе горы мы заметили светлую полосу. Гора как будто разделялась пополам.

— Видите, нижние светлые камни словно вымыты, а верхние черные заросли лишайниками. Это граница былой массы льда...

— Это что же? — удивилась Нина Петровна. — Так ледник стоял?

— Да... Двадцать лет назад, в 1957 году, я сделал первую съемку этого ледника. Верхняя граница льда проходила именно по той полосе. Тогда это был колоссальный ледник. На скале осталась его теневая фотография. И никакого озера под ним не было. Лед подходил почти к самой конечной морене...

Мы призадумались. Один из ледяных гигантов Полярного Урала за двадцать лет убавился ровно наполовину. Наполовину растаял, пре-

вратился в озеро, в которое сползала теперь оставшаяся часть ледника. Да, тут было над чем призадуматься...

— Исчезает ледник совсем, — с грустью сказал Дмитрий Георгиевич. — Жаль. Он нравился мне больше других полярных глетчеров. Это действительно было гигантское скопище льда, огромный запас воды.

Заговорили о судьбе ледников Урала.

[20]

— Если ближайшие десятилетия климат не изменится, если летом жара будет сохраняться такой, как нынче, многие каровые ледники значительно сократятся в размерах, — подвел итог Цветков. — Вдвое уменьшится ледник Обручева. Исчезнет совсем ледник Боча. Как уже исчезли ледники во многих малых карах, оставив вместо льда только крохотные озера...

— И что, не возникнут больше никогда?

— В современных климатических условиях они уже не могут возникнуть... Правда, на фоне деградации каровых ледников довольно устойчиво ведут себя приклонные. Их, к счастью, много. Некоторые из них имеют тенденцию наращиваться...

Мы с Юргенсом надели на сапоги кошки и вышли на ледяное поле, круто спускавшееся к озеру. На его поверхности текло множество ручьев. Глубокие трещины исполосовали лед. Ледник МГУ интенсивно таял, подтверждая все сказанное Цветковым.

Голубой пастью разверзлась во льду большая трещина. В ней клокотал водопад. Кидающимся из стороны в сторону потоком бешено мчалась вода в озеро. Невдалеке трое парней из бригады Цветкова забивали в лед металлические штыри. По их положениям потом можно будет судить о движении ледника: вместе с ним передвигаются и штыри.

Не один год будут гляциологи приезжать сюда и следить за поведением ледника.

На Народную

В 1961 году отмечалось столетие журнала «Вокруг света». Этой знаменательной дате была посвящена организованная редакцией журнала экспедиция вдоль уральского шестидесятого меридиана. В состав ее вошел и я, тогда кинооператор студии Центрнаучфильм, с моим ассистентом Юрой (тезкой того «пома Юргенса», который позже стал моим многолетним спутником).

В июне наша группа следовала на поезде из Москвы в Воркуту. За городом Печорой, к удивлению моих московских товарищей, в окне вагона справа показалась цепь заснеженных гор. Снежные грани вершин с острыми гребнями блестели на солнце. Их белые громады поднимались

над зеленеющей лиственничной тайгой. Зрелище чем-то напоминало картины художника Рокуэлла Кента.

Спутники мои приникли к окну.

— Это что?.. Такой Урал здесь?!

— А мы думали — только лесистые горки на нем!

— Я не ждал увидеть такое!..

Что касается меня, уральца, такого и мне не приходилось видеть на моей родине.

...Самолет доставил нас за хребет, в старинное село Саранпауль.

Саранпауль в переводе с мансийского означает «Зырянская деревня». Река с прозрачной горной водой широко разливается у поселка. Вдали по всему горизонту тянется зубчатая полоса снежных гор. И здесь нас не покидает ощущение, словно мы видим далекий Кавказский хребет. Красиво выглядит запорошенный снегом Урал над зеленой тайгой!

На берегу стоит несколько ветхих амбаров. От них веет стариной. А старина у села интересная.

Когда-то на этом месте был городок Ляпин. Тот самый Ляпин, о котором в разрядных книгах, описывающих поход князя Курбского, записано:

«От Камени шли неделю до первого городка Ляпина. Из Ляпина встретили с Одора на оленях югорские князи, а от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках».

После похода Курбского зауральские жители стали данниками князя московского. Пушные богатства Уральского Севера потекли в руки предприимчивых русских купцов. Но труднодоступные североуральские горы всегда представляли преграду на пути передвижения с Печоры на Обь. Позже более удобными оказались другие пути — через Средний Урал. Постепенно северный путь забылся.

Мы временно обосновались в доме, который обычно занимают пилоты.

— Для гор нужна отличная погода, — сказали нам. — Придется подождать...

День нашего отлета в горы выдался исключительно безоблачным. Снежная зубчатая стена хребта белела на горизонте. В такие дни пилоты стараются вылетать пораньше.

— Кинооператоры! Подъем! — разбудили нас.

Сборы были недолгими. Посадочная площадка находилась рядом. Летчики опробовали мотор, погоняли его на разных оборотах. Когда все было готово к взлету, пилот Дима сказал:

— Поехали!..

Пробежав немного по земле, АН-2 повис в воздухе. Дима поманил меня к себе и указал на подвесное сиденье. Я устроился между пилотами.

— Летим к Народной?

— Сначала к Сабле...

Пилот, прищурясь, посмотрел на небо.

— Ну что ж, погода отменная. Пожалуй, можно заглянуть и к Сабле...
Еще раз уточнили маршрут: подлетаем к восточному склону Сабли, идем вдоль него, потом направляемся к горе Народной, облетаем ее вершину и садимся в поселке геологов.

— Согласен! — кивнул головой пилот.

[22] Я с восхищением смотрел на Диму, крепко державшего обеими руками штурвал. Сколько воли и бесстрашия выражало это серьезное лицо! Он заметил мой взгляд, улыбнулся, подмигнул, и лицо его снова приняло серьезное выражение.

Впереди по горизонту тянулась заснеженная стена Каменного Пояса. В южной стороне хребта снежный покров исчезал, в сизой дымке виднелись очертания пологих вершин. К северу же горы становились мощнее, скалистее, зелень тайги под ними подчеркивала белизну снегов.

Подлетаем к величественному конусу горы Неройки, изрезанному снежными прожилками. У подножия этой горы растекались березовые рощи. Среди них темнели шапки кедров и торчали острые пики елей. От узких и длинных снежников на склонах водопадами спускались потоки.

За вершиной Неройки отчетливо виднелся Саблинский хребет с характерными зазубринами. С воздуха гребень Сабли представлял собой внушительный горный массив и поднимался в небо несколькими острыми вершинами.

Вскоре мы приблизились к островерхой горе. Ассистент Юра подал мне готовую к съемке камеру. Дима передал управление второму пилоту Толе, усадил меня на свое сиденье, и через открытую форточку я приготовился к съемке. Толя изменил курс, мы полетели вдоль восточного склона Сабли.

В перерывах между съемкой я любовался Саблинским хребтом. Пики, острые гребни, отвесные скалы — все это запорошено снегом, а внизу — тайга. Как не похожа красавица Сабля на своих далеких родственниц — на горы Среднего Урала!..

— Жаль, что мы не на вертолете. Сели бы на часок! — сказал я пилотам.

Дима наклонился к моему уху:

— Мечтаю летать на винтокрылой машине... Переучусь, тогда приезжайте. Слетаем сюда еще!..

В этот момент самолет сильно подбросило восходящим потоком. Дима схватил штурвал и стал помогать второму пилоту. Резкими рывками самолет стало бросать то вверх, то вниз. Он вдрагивал, словно по нему ударили чем-то тяжелым. Выровняв машину, Дима снова наклонился ко мне:

— Здесь всегда сильно бросает: гнездо ветров!.. Полетим к Народной!..

Сверху было хорошо видно, как от Сабли Уральский хребет изменял меридиональное направление и всей своей горной лавиной разворачивал на северо-восток. В месте изгиба громоздились самые высокие точки Урала — горы Народная, Манарага, Колокольня и другие.

Между ними извивались зеленые долины рек, врезавшиеся в самую гущу снежных массивов. Среди гребней особенно выделялись шпиль Колокольни и Манараги. По мере нашего перемещения шпиль Манараги заметно изменял свои очертания и приобретал вид медвежьей лапы. За это гора и получила название «Манарага», что по-ненецки означает «медвежья лапа».

Впереди снежные горы застилали весь горизонт. Вершины их принимали все более неприступный вид. Мы подлетали к высокогорной зоне, образующей костяк Приполярного Урала.

Я наклонился к Диме:

— Не верится, что это Урал!..

— Да, почти Кавказ!

Наш АН-2 парил над хребтами, напоминавшими спины доисторических гигантских ящеров. Кое-где на дне котловин виднелись озера, наполненные бирюзовой водой.

— Народная близко!.. — показал пилот на куполовидную вершину.

Я, признаться, был даже разочарован — столь невыразительно выглядела самая главная гора Урала. С нашего направления вид на нее был самый невыгодный: лобовой, как говорят кинооператоры, свет скрадывал рельеф вершины.

— Облетим ее!.. — попросил я пилота и показал на приготовленную кинокамеру.

Когда мы оказались почти над Народной, нашим глазам предстал совершенно иной рельеф: на юго-запад гора обрывалась отвесной, не освещенной солнцем стеной, выявился четкий острый гребень, тянувшийся к вершине.

Закончив облет, направились к горе с длинным гребнем, удивительно похожим на перевернутую вверх дном лодку. Пронеслись над ней и сели в долине между гор, вблизи геологической базы.

Поселились в поселке. (Для сведения читателей: ныне уже не существующем.) Надеемся непременно совершить восхождение на гору Народную. Расстояние до нее всего восемнадцать километров.

Туристам осуществить этот поход легче: сговорились, рюкзаки на плечи — и пошли. Нам труднее: у нас киноаппаратура, снаряжение, все это нужно везти на оленях или конях. Нужны для съемки и люди. Одним словом, наше восхождение имеет отнюдь не экскурсионный характер. Мы обязаны заснять сердце уральских снежных гор.

Однако на нашу просьбу начальник геологической базы раздраженно отвечает:

— Да нет у нас для этого дела коней! Не хватает транспорта, а тут еще вы со своей киносъемкой!..

Мы, конечно, огорчены таким ответом, хотя понимаем, что начальник по-своему прав. Стараемся его убедить:

— Вы понимаете, сто лет журналу «Вокруг света»!.. Этой дате мы посвящаем свое восхождение...

Терпеливо ждем: должен же начальник сменить гнев на милость! Чтобы не терять времени, знакомимся с местностью, снимаем пейзажи, животных, птиц.

[24]

База находится в котловине, защищенной от северных ветров каменной стеной вершины. Над поселком с запада высится длинная гора Малый Чендер. С севера дома заслонены грядой, в которой особенно выделяется остроконечная вершина Лезвие. С востока базу прикрывает один из отрогов горы Гранитной.

Изменяя свое меридиональное направление на северо-восточное, горная гряда Приполярного Урала образует здесь дугу — гигантский амфитеатр. Благодаря этому район, простирающийся к востоку от Народной, защищен высокими горными цепями от приносящих плохую погоду северо-западных ветров.

Здесь можно часто наблюдать такую картину: над северо-западными хребтами водораздела клубятся мощные валы темных туч, а в котловине Северной Народы стоит теплая солнечная погода. Хребет в этом месте является своеобразной климатической границей.

Наше терпеливое ожидание наконец сломило упрямство начальника. Совершенно неожиданно он приводит к нам молодого парня и объявляет:

— Знакомьтесь: это Володя! Он поведет вас к Народной. Четырех лошадей вам хватит? Больше дать не могу!..

— Хватит, хватит!.. — поспешили ответить мы.

К нам охотно присоединяются два молодых парня из Сыктывкара, приехавшие сюда на полевой сезон, — петрограф Генрих и лаборант Володя. Один черный, низкого роста, другой высокий, блондин. Они согласились стать нашими проводниками на вершину Народной: район их геологических исследований расположен как раз под самой горой, в верховьях ручья Карпин-Шор.

Мы педантично запасаемся продуктами — тушенкой, сгущенным молоком, кашами, макаронами, маслом, сахаром, чаем, сухарями, хлебом. Наши друзья из Сыктывкара, кроме сахара, чая и хлеба, ничего не берут. Настроены оптимистически.

— Грибов и ягод под Народной навалом! А в озере полно хариусов!..

Во второй половине дня выходим. Четыре километра идем вдоль речки Северная Народы. Потом сворачиваем вправо, на речку Народы, которая прокладывает себе дорогу между двух гор — Большого и Малого Чендера.

Большой Чендер особо привлекателен. Обращенный к реке его бок странным образом походит на каску пожарного. Закругленная вершина обрывается скалой в несколько десятков метров. От этой скалы к самой реке спускается крутая осыпь хаотически нагроможденных камней.

Народы, сжатая крутыми берегами, бушует и ревет между глыбами, лежащими в русле. Мы шли вдоль ее берегов то по каменным россыпям, то среди высокой сочной травы, то углублялись в тайгу.

Чендерские ворота остались позади. Опустившееся к горам солнце светило в лицо. Тайга заметно редела, лиственницы становились низкорослыми. Редкие кедры между ними выглядели богатырями.

Перешли почти высохший ручей Карпин-Шор, и впереди блеснула гладь озер. Наш караван направлялся к ним. Солнечные лучи в последний раз сверкнули в воде, и дневное светило скрылось за горы. Наступили сумерки.

Шли молча. Впереди идущий коногон Володя неожиданно крикнул: — Медведь!..

Первая естественная реакция у всех — схватились за ружья. — Где? Где? Где? — раздалось несколько голосов.

Володя показал на склон. Там поспешно удирал в гору крупный зверь. У большого камня он остановился и повернул к нам свою лобастую голову. Задержался только на секунду и еще поспешнее стал взбираться в гору. Скоро скрылся за перевалом.

Появление медведя оживило нашу группу. Начались разговоры, шутки.

На привал остановились у подножия плато, над которым возвышается Народная. Перед нашей стоянкой большое озеро. Река Народа шумными каскадами спускается в него. Вдали вздымается стеной заснеженный кряж с вершинами Манси-Нер и Югра.

Сыктывкарец Володя готовит удочки.

— Я от тушенки отказываюсь. Она у меня вот здесь застряла. — Он провел рукой по горлу.

Володя повел нас туда, где река широкой бурлящей лентой спускалась в озеро. Кристально чистая и холодная вода — стихия хариусов. Другой рыбы здесь нет. То и дело слышались всплески — это хариусы ловили в воздухе комаров.

Нам потребовалось совсем немного времени, чтобы выловить несколько десятков рыб. Вскоре над костром висел котелок с ухой. На небе сверкнули звезды. В темноте лишь белела снежная громада горы Манси-Нер.

Я проснулся, когда весь лагерь еще спал. Открыл полог палатки и замер от удивления: снег на горе Манси-Нер был малиновым. Снежная вершина первой встречала восход. Долина Народы была еще в сизоватой дымке. От потухшего костра поднималась слабая струйка дыма.

Малиновый тон снега сменился светло-оранжевым. Солнечный свет медленно скользил по снежникам и опускался в долину. Вот он уже заиграл на верхушках лиственниц. Внезапно осветилась вся речная низина и наш лагерь.

Стали вылезать из палаток ребята. Перед походом прежде всего завтрак. Плотный, сытный: вернемся с горы поздно.

Проводник Володя остается в лагере стеречь коней. К вершине поведут нас геологи.

— С таким грузом тяжело будет, — сказал мой ассистент Юра, поглаживая живот после завтрака.

— Ничего, в пути быстро рассосется!.. — успокоил Володя.

Пошли в гору. От лагеря сразу начался крутой подъем. У камня, где вчера остановился медведь, задержались. Нам ведь показалось тогда, что зверь был величиной именно с эту глыбу: у страха глаза велики.

[26]

Вышли на горную террасу. Она возвышалась над ручьем Карпин-Шор, текущим в узкой теснине со склона Народной. Это был роскошный горный луг.

— Смотрите-ка, кто это стоит там?! — показал вперед Юра. — Это же лось!..

— Не лось, а корова, — сострил кто-то.

Там, куда удрал вчера медведь, стоял безрогий лось — матка. Поспешно приготовив камеру, мы с Юрой вырвались вперед. Какое-то время животное стояло и смотрело на нас. Неожиданно развернулось и умчалось в распадок к ручью. На этот раз киноохота не состоялась.

Продолжаем подъем. Вскоре выходим на горное плато с курумами — нагромождениями каменных глыб. Из-за россыпей показалась белая шапка куполообразной горы.

— Вот она, Народная!.. — показал геологическим молотком Генрих.

Кажется, до горы рукой подать. Но Володя разочаровывает нас:

— Еще пять километров!..

Только к полудню мы преодолели плато с курумами. Начался подъем к вершине. Чем выше, тем круче. Прошел, вероятно, не один час, прежде чем мы приблизились к макушке горы.

В несколько этапов, с частыми остановками для отдыха и съемки, наконец подошли к деревянной вышке, установленной геодезистами на вершине. «Ура» не кричим, потому что устали. Но на душе радость. Мы — на высшей точке Урала! Весь Каменный Пояс у нас под ногами!

Сидели молча на камнях и наслаждались зрелищем.

Немного ниже нас гордо поднималась вершина горы Манси-Нер с ледником. Под ним голубело продолговатое озеро. Много заснеженных вершин влево и вправо — сплошное снежное всклокоченное море до самого горизонта.

Внизу, в широкой долине, среди снега отчетливо была видна дорожка реки Народы, вытекающей, как нам показалось, из-под самой горы. Русло реки поворачивало за гребень, где остался наш лагерь.

Возможно, этой долине и обязана гора своим названием. Вообще же о происхождении названия Народной существует две легенды. Первая, довольно прозаического характера, говорит о том, что в долину реки под горой часто сгоняли многочисленные стада оленей. Оленеводы со своими семьями перекочевывали сюда на лето и осень. Многолюдно было под горой, оттого и пошло название «Народная».

Другая легенда более поэтична. Она объясняет название горы от слова «народить». На языке коми гора называется Народа, с ударением на первое «а». И считается, что она «народила» весь Урал, так как она выше всех.

С запада к нам приближалась непогода. Уже тонула в темной

дымке «медвежья лапа» на вершине Манараги. Над горой Карпинского, находящейся рядом с Народной, нависли свинцовые тучи. Похолодало. Засвистел ветер. Заметно стало темнеть.

По крутому снежному склону начали спуск. Два часа мучительного пути по глубокому снегу, среди сплошных каменных россыпей. Взбираться на гору куда легче!

Долго еще шли по снежникам нагорного плато, пока не вышли к сухим каменным россыпям с зелеными лужайками между ними. Неожиданно из-за камней выбежала стая куропаток. Выводок был уже подросшим. Птенцов можно было отличить от куропатки-мамаши только по голосу. Она «объяснялась» густым контральто, а птенцы пищали.

Вся стая отбежала от нас не более чем на пять метров. Птицы, вытянув шеи, следили за нами.

— А что, если это самое... перебить их всех? — тихо спросил мой помощник.

— Мы будем их снимать, — твердо заявил я, возмущенный приступом браконьерства у своего спутника. Достал из рюкзака кинокамеру.

Было темно, но я снимал куропаток. Пусть ничего не получится на пленке, но птицы должны остаться живыми! Наступая на них вплотную, я умышленно разогнал выводок.

Уже совсем стемнело, когда мы подошли к обрыву плато. Внизу, у озера, горели три костра. Среди наших палаток белели еще две. Когда спустились, узнали, что по соседству с нами разместились ленинградские туристы.

Этой ночью в лагере было многолюдно и весело. Внезапно закрапал дождь. Разбежались по палаткам. До рассвета было слышно, как ударяли капли о брезент. Народа ревела на каскадах перед озером.

Дождь не перестал и на следующий день. Накрывшись целлофановыми накидками, туристы гуськом уходили вниз по реке. Вслед за туристами уходили и мы со своими навьюченными конягами.

У королевы альпийского Урала

Дорога к Сабле

Гора Сабля находится в той части Каменного Пояса, где он круто поворачивает на северо-восток. Она стоит особняком на внешнем углу поворота уральской горной дуги, на западной ее стороне. Следуя по железной дороге от Сыктывкара на Воркуту, вы прежде всего видите Саблю. Загораживая собой Уральский хребет, она притягивает взоры своими альпийскими очертаниями.

Собираясь в поход к Сабле, я прежде всего посетил библиотеки Перми и Чердыни, познакомился с книгами авторов, которые более ста

лет назад проходили мимо знаменитой горы. Без этого не начинают серьезного путешествия. И я узнал о Сабле много.

[28]

Русский ученый А. А. Кейзерлинг осенью 1843 года первым совершил к этой горе пешую экскурсию из печорского села Аранца. Поднимался он на одну из вершин Сабли. Через семь лет, в июне 1850 года к востоку от горы проезжал на оленях уже упоминавшийся нами исследователь Э. К. Гофман. Он оставил описание вида саблинского гребня. Сопровождавший его художник Бермелеев зарисовал главный шпиль горы.

О своих исследованиях и путешествии Гофман рассказал в увлекательной и богато иллюстрированной книге «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой». В ней и находим мы отрицание существования ледников на Урале.

Первооткрыватель уральских ледников А. Н. Алешков назвал самый большой саблинский ледник именем Э. К. Гофмана. Это прозвучало с определенной долей иронии — назвать ледник именем человека, который, проходя вблизи, не заметил его и вообще отрицал наличие ледников на Урале...

В середине июня мы с моим спутником Валерием вылетели из Перми в город Печору. Валерий — молодой парень выше меня ростом, косая сажень в плечах, крепкие рабочие руки, волевое лицо.

От города Печоры до села Аранца мы плыли на теплоходе. Этот путь не отличается особыми красотами. Берега довольно однообразны. Но ближе к Аранцу ландшафт неожиданно преобразился: у пристани Кедровый Шор на горизонте выросла стена острозубых заснеженных гор. Это Сабля открыла себя взорам плывущих по реке. На теплоходе заговорили, что скоро Аранец. Обогнули высокий бугристый мыс. Показалось село — цепочка деревянных изб.

И вот мы у начала предстоящего путешествия. С высокого, зеленоющего пихтачом бугра на краю села открывался вид на долину Печоры, хребет Сабли и на весь заснеженный Урал, уходящий в синюющую даль юга. В селе обращали на себя внимание огромные деревянные дома, вероятно столетней давности. Это были широкие приземистые хоромы, которые под одной крышей вмещали и дом, и скотные помещения, и сеновал, и горенку, маленькие окошечки которой чернели почти у самой земли. С тыльной стороны этой «крепости» поднимался широкий бревенчатый въезд под самую крышу — на сеновал.

В селе, разумеется, были и новые строения — светлые, только что поставленные деревянные дома. И в этом контрастном сочетании новых изб и старинных хоромин заключалась своеобразная прелесть Аранца. Я говорю о прошедшем времени, так как путешествие наше состоялось в 1966 году и с тех пор многое изменилось.

Жители Аранца сыграли определенную роль в истории создания пути через Уральский хребет. Это связано с активной деятельностью А. М. Сибирякова, который в 1884 году прошел через хребет мимо Сабли. Вдоль этого пути вскоре была прорублена просека. По ней велись интен-

сивные зимние перевозки товаров на оленях из Ляпина (теперь Саранпауль) и обратно. Дорога получила название Сибиряковской.

Вечером в отведенный для нас дом явился председатель сельсовета в сопровождении проводника.

— Знакомьтесь: Николай Рокин. Дорогу к Сабле знает лучше всех.

Перед нами стоял черноволосый низенького роста парень.

— Манси? — спросил я.

— Ненец... — застенчиво ответил Николай.

— О, житель тундры! Как попал сюда, к горам?..

— Оленеводом работал в Саранпауле. Потом перебрался в Аранец. Два дня ушло на сборы. Проглядывавший из облаков хребет Сабли манил нас.

В назначенный для выхода день возле дома появился Николай Рокин. Он привел шесть лошадей. На плече у Николая висела мелкокалиберная винтовка и кожаная сумочка с патронами. На поясе болтался охотничий нож в деревянных ножнах.

— Вьючить будем? — спросил он.

Как ни стараешься ускорить выход с базы — не получается. Минимум три часа ушло у нас на кропотливый подбор вьюков, подгонку их на шесть лошадей, проверку всего, что нужно для похода. Завершающие хлопоты, последние волнения: не забыть бы чего!

Но вот последний вьюк водружен на коня. Проводник вопросительно смотрит на меня.

— Пойдем?..

— Пойдем, пойдем! — отвечаю скороговоркой.

Наконец-то мы в седлах. У каждого из нас пристяжная лошадь с вьюками. Рядом бежит собака Николая — черная Пальма. Аранецкие мальчишки кричат нам вслед: «Экспедиция! Экспедиция!» Последний огород села — и мы выезжаем в низкорослую, чахлую тайгу. Тропинка уводит нас в сторону гор.

Мы шли по пути, на котором в прошлом пересекались дороги и первых землепроходцев, и ученых-исследователей, и защитников молодой Советской Республики.

Еще до похода Ермака новгородцы вели торговлю с Северным Зауральем — землей Югорской. Как писал пермский дореволюционный историк А. Дмитриев, «летопись поведала нам, что в XI веке отважные новгородцы ходили на Урал, в страну Югры».

Когда Москва подчинила своему влиянию Новгород, Северный Урал перешел во владение князей московских. Княжеским людям пришлось почти заново открывать неведомые земли: новгородцы не раскрыли полностью москвитянам свои прежние пути.

В «Записках о московских делах» Зигмунда Герберштейна, вышедших в 1549 году, найдем мы такие слова: *Князь московский, Василий Иванович, некогда посылал через Пермью — Печору своих двух воевод, Симеона Федоровича Курбского и князя Петра Ушатого, для исследова-*

ния мест за этими горами и для покорения туземных племен. Из них Курбский, в бытность мою в Московии (в 1540 году), был еще в живых и на мои расспросы об этом отвечал, что он семнадцать дней взбирался на гору и все-таки не мог достигнуть ее вершины... Так как они (горы) постоянно покрыты снегом и льдом, вследствие этого область Енгронеланд (Югбория) совершенно неизвестна...

[30] Обратите внимание на выражение «постоянно покрыты снегом и льдом». Не является ли оно первым устным сообщением о существовании ледников на Урале! Поход Курбского, как известно, относится к 1499 году. И только через четыреста лет были впервые открыты ледники на Урале.

О князе Курбском никто, конечно, не помнит ни на Печоре, ни в Саранпауле. А вот исследователь Севера А. М. Сибиряков надолго запомнился местному населению.

В зимние месяцы 1918/19 года Сибиряковская дорога помогла отряду красногвардейцев совершить героический рейд через Урал. Отважный отряд с боем ворвался в Саранпауль и отбил у белогвардейцев захваченный ими хлеб, предназначенный для голодающих печорского края.

По этой-то дороге — вернее по тому, что от нее осталось, — и продвигались мы сейчас.

Тропа внезапно оборвалась, уперлась в небольшое болото. Осторожно повели коней по его краю: в центре был опасный зыбун. Все же на выходе из болота пристяжной конь, привязанный к хвосту моего верхового, погряз в трясине по самое брюхо.

Конь подо мной рванул вперед, изо всех сил потянул застрявшую пристяжную. Я увидел за собой перекошенную морду и дико вытаращенные глаза несчастного животного. Подбежал Николай и взмахом ножа отхватил половину хвоста моему коню. Не дал задушить пристяжного.

Развьючили тонувшую лошадь. Облегченная, она сама вырвалась из трясины. Проводник заметил наши с Валерием растерянные лица, сказал:

— Это только первое болото. А дальше-то их будет сколько!..

— Сколько?

— Пять ли, шесть ли — не помню...

Теперь Сибиряковская дорога широкой просекой тянулась по высокоствольной тайге. Через ручьи кое-где были перекинуты бревенчатые мосты, уже совсем сгнившие. Просека вскоре вывела к реке. Заморосил мелкий дождь. Пахнуло медовым ароматом расцветшей черемухи.

— Что это?.. — удивленно смотрел на реку Валерий. — Зима вернулась!..

В воздухе парили снежинки. На зеленой траве, на распустившихся купавах, на расцветшей княженике — всюду хлопья снега. Живописные белые комья украшали листву рябин, берез, ветви елей. Июньская тайга покрылась зимним пухом, от которого совсем недавно освободилась.

Снег растаял только к полудню. Мы могли продолжать свой путь. По сторонам тропы цвели омытые снегом брусника, черника, морошка.

Собака то и дело спугивала с гнезд глухарок. По семь пестреньких яиц, величиной с куриное, лежало в неглубоких, мягко выстланных ямках. Пес оказался большим лакомкой.

Пришлось отгонять его от гнезд.

Двигаемся молча. Лишь спугнутые с гнезд птицы заставляют нас заговорить. Очередное молчание нарушил комический случай. Моя верховая лошадь прыгнула через лежащее поперек тропы дерево. Пристяжная с вьюками в этот момент уперлась копытами — я камнем скатился с коня на землю. На весь лес раздался хохот двух парней.

[31]

Тепло. Ожили комары. Крупные, породистые. И звук издают не гнусавый, тоненький, а громкий, почти как у шмеля. Подлетает, думаешь — пчела. Вспомнились слова Э. К. Гофмана: «Приятно жить в горах, но комары, комары!.. Они уничтожили всю прелесть этой жизни!..»

Я вижу: комары ползают по шляпе Валерия, по складкам его одежды, на руках. Он нервно давит их своей мощной ладонью.

— Гады! Кто вас только выдумал!..

Едем долго. Заметно холодает. Мерзнут руки и ноги. Часто идем пешком, чтобы согреться. Под сапогами хрустит трава: замерзла.

— Сегодня ночью в горах выпадет снег, — объявляет проводник.

Назавтра вышли к гигантскому болоту, увидели Саблю.

— Ух как ее припудрило! — удивился Валерий.

— Я же говорил, — напомнил Николай.

Хребет был виден весь, от края до края. Его острые пики и гребни сверкали свежавыпавшим снегом. Отсюда начинался самый трудный участок дороги к Сабле. Большие топи находятся именно здесь. Десятками километров тянутся они вдоль хребта.

Белая ночь подарила нам здесь свои таинства, которые скрыты темнотой в наших средних широтах. Я видел изумительную акварель ночной печорской природы: острые пики темных елей на фоне полыхающего огнем северного неба, а под ними бесконечные белые поля пушицы — отвратительные для верховой езды болота с гиблыми топями, но для глаза художника — ни с чем не сравнимые картины сурового, но прекрасного Севера.

Солнце нарушало привычное понятие о странах света. К ночи оно касалось горизонта строго на севере, а не на западе, как мы привыкли видеть. Незаметно пряталось там под горизонтом, ничего не изменив в освещении, какое-то время кралось за кромкой земли. Вскоре выкатывалось оттуда переливающимся золотым диском, словно искупалось, обмылось в невидимом океане. И поднималось над землей обновленным, молодым и сияющим.

Я посмотрел на часы: два ночи!

Подножие Сабли стало ближе. Стена хребта была изрезана белыми полосами — глубокими логами, заполненными снегом. Весь горный массив опоясывался нежно-зеленым ожерельем только что распустившихся лиственниц. Среди лиственничных рощ зеленели предгорные луговины. Кони жадно скусывали сочные стебли молодого травостоя.

— Когда придем к леднику? — беспокоился Валерий.

— Сегодня будем обязательно, — отвечает проводник.

Последний переход всегда особо значителен для путешественников. Кому не радостен желанный приход к цели!

[32]

Аранецкий перевал наполовину еще завален снегом. Дорога почти не видна. Выбежит тропинка из-под одной снежной поляны и снова юркнет под другую.

Наконец копыта застучали по каменному грунту. Сверкнула водная гладь озер в центре седловины. С двух сторон ее стиснули горные громады — Аранецкие Ворота. Вышли к шумному потоку — в тесном каньончике клокотала речка, вытекающая из перевальных озер. По ее берегу спустились в долину другой речки, называемой Седью. Она протекает уже на восточной стороне Саблинского массива.

Проводник сворачивает коня с Сибиряковской дороги в тайгу, что-то высматривает по сторонам. Поворачивается в седле, говорит мне: — Тут старая оленья дорога должна быть... Заросла вся!..

Путь преградил бурный ручей. Откуда-то сверху, где темнели закутаные в облака зазубрины Сабли, он спускался по камням, как по ступенькам. Нежно-голубая вода клокотала, пенилась, старательно омывала валуны, устилающие русло.

За ручьем проводник направил коня круто в гору. Еловый лес сменился светлым лиственничником. Главный шпиль Сабли острой башней темнел над деревьями. Перед гигантским валом морены Николай слез с коня.

— Пришли, начальник! Здесь жить будем!..

С удовольствием сползли с седел. Коням — вольный выпас надолго. Нам — любое место для палатки.

Солнце скрылось за шпиль горы и веером разбросало яркие лучи по небу. Мощное облако зацепилось за острие вершины и растянулось от него вверх, как дым из жерла вулкана.

Такой картиной встретила нас Сабля.

Цветут анемоны под ледником

Ясное голубое небо над хребтом. Лес наполнен журчанием ручьев. Рядом со снежными полянами зеленеют редкие, только что пробившиеся стебли трав. И прямо через снег пробиваются новые побеги. Зелень ползет из тайги к вершинам и смело наступает на снежники. Весна здесь только началась.

Нам не терпится увидеть ледник, скрытый мореной. Хочется взглянуть на панораму Саблинского хребта.

— И я с вами пойду, — не хочет оставаться в лагере Николай.

— А как же кони?..

— Не уйдут! Корма здесь навалом. Не бросят...

Поднялись на морену. Над нами взметнулась каменная стена с острыми неприступными зубьями. Под ней, в провале, искрилось озеро с голу-

бым льдом. От главного шпиля к озеру спускалась приметная снежная полоса.

— Это не ледник ли Гофмана? — спросил я у проводника.

— Он и есть, — ответил Николай.

Морена, на которой стояли мы, высоким валом опоясывала огромную впадину перед массивом Сабли. На дне ее — море хаотически нагроможденных глыб. Цепочкой высоких бугров морена тянулась далеко на север, вдоль всего хребта.

[33]

Моренный вал — это не голый каменный барьер. Вершина его покрыта щеткой редкого лиственничного леса. У деревьев хватило сил подняться из тайги на морену и спуститься с нее в котловину древнего ледника. Отдельные елочки с лиственницами подобрались к ледниковым озерам.

По большим размерам котловины и внушительной высоте древней морены можно догадываться, насколько велик был здесь ледник в далекие доисторические века. Сложить по камешкам высоченный вал за одну тысячу лет ледник не успеет. Требовалось более длительное время — десятки тысячелетий.

Из камней морены слышался пронзительный свист. Это приветствовали нас пищухи — маленькие грызуны. Они типичны для Восточной Сибири, но загадочным образом попали сюда, в горы Приполярного Урала. Из-под ног вдруг выпорхнула горная куропатка и с керканьем упала в камни, затаилась. Попробуй отыщи!

И кажется, нет больше живой души в этих горах — здесь царит каменный мир безмолвия.

Утром следующего дня снаряжаемся на ледник. На ноги — горные ботинки с шипами, в рюкзаки — кассеты с пленкой и кинокамеру, на плечи — штатив, аккумулятор. Не забываем прихватить и продзапас: вернемся поздно.

Идем напрямик через снежные поля. Какие-то следы тянутся по снегу. Проводник наклоняется и объявляет:

— Дикая олень прошел!

В записках А. Н. Алешкова об этих животных сказано: *Интересно отметить, что Сабля представляет один из районов Урала, где сохранились дикие северные олени. В момент нашего посещения ледников там мы встретили четырех оленей, спокойно отдыхавших на снесенном со скал лишайнике.*

Николай осторожно запустил ладонь в ямку следа, что-то потрогал в ней и сказал:

— Сегодня ночью прошел! Видно, нас почуял, подался дальше...

По крутому заснеженному склону мы подошли к берегу голубого озера. Отвесная стена, полукольцом опоясывающая озеро, похожа на половину жерла вулкана... Я немного отстал от спутников, чтобы заснять их приближение к озеру. Двое людей и собака крохотными фигурками передвигались по каменистому берегу. А над ними высилась громада хребта, сразу выросшая в масштабном соотношении.

До ледника Гофмана на пути еще один моренный вал, обильно заросший нежными белыми анемонами. Склон вала густо усыпан этими цветами, похожими на подснежники. Над ними много синевы неба, солнечного света. Облака отдыхают на зазубринах далеких вершин. Пейзаж радостный, пронизан воздушной легкостью.

[34] И вот сам ледник — уральский первенец. Длина его ровно километр, ширина — 500 метров. Под ним небольшое озеро, еще запаянное льдом. Сплошные снежные поля окружают водоем. От него вверх тянется длинная изгибающаяся полоса ледника. Там высится хмурая отвесная стена хребта с главным шпилем Сабли.

Идем по снежной целине, оставляя за собой цепочку следов. Наша собака Пальма, как разведчик, бежит впереди. Я все время отстаю от ребят. Мне интересно наблюдать, как две маленькие человеческие фигурки и черная точка пса двигаются по громадному снежному полигону под нависшей над ними зубчатой стеной. По леднику перемещается не традиционная цепочка альпинистов, а всего трое моих товарищей: великан Валерий, низкорослый Николай и черная как смоль Пальма.

Я снимаю кинокамерой сначала свои идущие ноги, потом плавно панорамирую вверх, нацеливаюсь на спины ребят. Они останавливаются, оглядываются на пройденный снежный путь. Повторяю киноаппаратом их взгляд — за нами весь Урал с увалами и далекими вершинами гор.

Жмурится пс от ослепительного снега. У собаки на морде недовольное выражение: завели ее люди в эту снежную высь, все тут непривычно. Валерий наклоняется над ней, гладит спину и, показывая рукой на пик Сабли, шутливо говорит:

— Пальма, сейчас туда ведь полезем!..

Моргая глазами, собака бросает безразличный взгляд на высокий зубец и отворачивается: ей все равно куда идти за человеком.

Доходим до последнего камня, лежащего выше всех посреди белого поля. Издали он казался маленьким, вблизи вдруг стал величиной с нашу четырехместную палатку. Возле него наш последний перекур и обед по-походному.

Солнце незаметно зашло за каменную стену, бросило на ледник холодные длинные тени. Уральская горная даль окрасилась золотистым светом вечера.

— Домой, наверно, пойдем, — предложил наш проводник.

На обратном пути мы вели себя как дети: разбежавшись, быстро катились на ботинках по скользкому увлажненному льду. Собака прыгала рядом и радостно лаяла на нас. Оглянуться не успели, как были уже на конце ледника.

Мы шли домой. Как это звучало приятно! Наш саблинский «дом» — это никогда не темнеющее небо северной ночи и веселый рой красных звезд, посылаемых в него костром. Это тихий шепот лиственничной хвои над палаткой и ласковое журчание ручьев вокруг.

Никого мы не ждем и чувствуем себя хозяевами в этой горной пустыне. Но однажды послышался гул мотора. На фоне серой громады хребта откуда-то снизу, из самой каменной гущи, вынырнул вертолет. Развернулся над нами, полетел прямо к леднику Гофмана и сел у самой морены перед озером.

Кто бы это мог прилететь? Экспедиция? Туристы?.. Навожу кинокамеру с телеобъективом и как в бинокль рассматриваю прилетевших.

Вертолет не останавливает винта. Из него выходят шесть человек с рюкзаками, с какой-то поклажей. Через минуту-другую машина взвизывает и улетает.

— Идем к людям! — говорю товарищам.

Трудно передвигаться по каменному хаосу от морены к леднику. Балансирующие плиты, опасные щели среди них, скользкие отшлифованные камни не держат ботинок с шипами. Торопимся застать гостей на месте приземления.

В душе радуюсь случаю, который послал нам новых товарищей. Мысленно готовлю себя к встрече с неизвестными исследователями: «Гляциологи, наверное. Собираются изучать ледник. Будем снимать их работу».

Подходим к отважной шестерке. Знакомимся и... приятно удивлены: оказалось — художники с мольбертами и этюдниками.

— А я думал, экспедиция какая-то... — разочарованно говорит наш проводник, оглядывая странный багаж служителей искусства.

— Мне казалось, что встретим ученых! — добавляю я, а сам очень рад появлению именно этих людей.

В походах я часто мечтал о встрече с этой симпатичной братией — художниками. Бывал в путешествиях с туристами, геологами, летчиками, учеными, сплащиками, рыбаками, оленеводами и охотниками. А вот с живописцами встречаться не приходилось.

Итак, прилетела дружная группа бывших воспитанников Нижнетагильского промышленно-художественного училища. Друзья сговорились заранее, взяли отпуск и решили провести его за этюдами на горе Сабле.

Из всех художников мне особенно запомнились двое — Виктор Александрович из Миасса и Евгений Иванович из Нижнего Тагила. Виктор Александрович невысокого роста, крепко сложенный блондин с красивыми голубоватыми глазами. Евгений Иванович — смуглый, черно-волосый и черноглазый колосс, выше всех ростом, этаким Гулливер в своей компании.

Художники, конечно, интересуются нами:

— Вы, наверно, туристы?..

Я молча вынимаю из рюкзака кинокамеру. Валерий устанавливает штатив.

— Аппаратик-то, видать, бывалый! — с иронией говорит один из художников.

— Э-э, братцы, это кино не любительское! — вдруг сделал открытие Евгений Иванович, сравнивая свой крохотный узкоплечник с нашим профессиональным «Аррифлексом».

— Где ваш лагерь? — спрашивают художники.

Показываю на угол морены, за которым скрыта наша палатка.

— Там ведь и наша стоянка будет!..

[36]

Выясняется, что Виктор Александрович уже второй раз у Сабли. Палатки он решил поставить на прежнем месте. Мы помогаем живописцам тащить их вещи через каменный хаос котловины.

На самой вершине морены, среди редкого лиственничника, устраиваются временные пенаты. Здесь ровная высокая площадка, удобная для палаток. Возле нее морена образует острый угол с углублением, в котором голубеет озерцо с чистой ледниковой водой. Склон к водоему еще в снегу. А зеленеющие проталины уже в подснежниках-анемонах.

— Какая тут прелесть! — восторгаются художники. — Соседями теперь будем!..

Они провожают нас, чтобы с высоты морены взглянуть, как мы устроились. Категорически предупреждают:

— Вечером ждем вас на дружеский ужин...

Солнце спряталось за стену хребта. На светлом небе четко вырисовался силуэт горного массива. Был тихий и теплый вечер. В стане художников уже пылал большой костер.

К новым друзьям мы пришли не с пустыми руками.

— Малосольная кумжа вас устроит? — разворачивал Валерий бумагу с тремя крупными рыбинами.

— От вяленой оленины, наверно, не откажетесь? — спрашивал наш проводник, вынимая из рюкзака полоски сухого мяса.

Художники удивлены. Столпились вокруг принесенного.

— Послушайте, это же деликатесы!..

Брошен кусок брезента на землю. На него разложили кружки, миски, ложки, еду — и готова скатерть-самобранка. Вместо кресел — бревешки. Кто сидел, а кто и лежал возле стола. Полились оживленные разговоры, задушевные беседы, разные истории...

Затишье в природе действовало гипнотически — мы разговаривали негромко. Вокруг спало все: деревья, горы, ручьи и даже сам воздух. Лагерь художников выглядел языческим жертвенником. Не хватало только деревянного идола перед красным пламенем костра.

Хорошо было нам всем в этот вечер! Спросили бы меня: какие самые лучшие минуты в жизни я пережил? Не задумываясь ответил бы: «В походах! У костров!» Люблю я этот почти первобытный образ жизни. Сидишь возле огонька, подкладываешь в него сучочки, заглядываешь в котелок, мирно беседуешь с товарищами — вот и весь «комфорт». Но ты бесконечно доволен, тебе все нравится и ничего не надо больше!

После бессонной ночи вздремнули самую малость. В полдень снова потянулись к соседям. Сегодня предстояла большая съемка.

С морены мы видим: пейзажисты не теряют времени — расположились с мольбертами. Раздвигают треножки, готовят кисти, тюбики с красками. Кто ставит зонт от солнца, кто пристраивает треногу. Некоторые сидят на земле, подставив этюдник на камень.

— Ждем вас. Не начинаем... — такими словами встречают они нас.

Мы договорились, что первые мазки должны попасть на пленку. Киноаппарат будет свидетелем рождения этюда. Я приготовил свой киносъёмочный агрегат, оглядел художников и сказал: «Начинайте!»

На холстах сначала появились непонятные линии, неопределенные контуры пейзажа. Нет ни цвета, ни формы, есть только слабый намек на то, что у нас перед глазами.

А перед глазами горный ландшафт. И если на минуту забыть, что находишься на Урале, то сознание определено унесет на Кавказ или в Швейцарию. Уральская родина, оказывается, не уступает по красоте самым роскошным местам на земле.

Вот и наши друзья-художники не потянулись в поисках гор на лучезарный юг. Сидят, старательно вырисовывают контуры Сабли. У каждого своя манера, свой вкус, свое восприятие природы. Перед нами один пейзаж — а на планшетах он разный. Я фиксирую на пленку этюды художников. С каждого панорамирую на Саблю, сравниваю: как бы подтверждаю, что в натуре хребет лучше.

И действительно, как ни талантлив живописец, а искуснее природы художника нет. И где, как не здесь, найдет пейзажист благодатный материал для своей кисти. Среди таинственной сказки гор и снега. У незабываемых вечерних костров. В неповторимых красках горных закатов.

Мы не разговариваем. Художники не заглядывают друг другу в этюдники. Каждый из них поглощен только своим. Стоит торжественная тишина, нарушаемая изредка жужжанием моего киноаппарата.

У Евгения Ивановича холст натянут на большую раму. И от этого его этюд выглядит уже как бы картиной... Я замечаю, что мои ребята, Валерий с Николаем, чаще поглядывают именно на этот холст.

Проходит час, два, три... Этюды, кажется, не совсем еще закончены, но авторы их заметно утомились. Устало отпрянув от холста, Евгений Иванович сказал:

— Прервемся... И подкрепиться не мешает...

Сложили кисти. В приятной истоме разлеглись на мху.

— Хорошо поработали... Хорошо и отдохнем...

Снова шумит пламя костра. И опять с особым наслаждением трапезничаем у стреляющего искрами огня. А в горной тайге незаметно наступает тихий вечер. Солнце прячется за шпиль Сабли и раскидывает по небу свои лучи. Снега в тени становятся синими, в свету — оранжевыми.

Я беру кинокамеру, чтобы заснять эту бесподобную палитру. Кто-то из художников снова раскрывает этюдник.

— Братцы, природа здесь не даст нам жить спокойно! — усмехается Виктор Александрович.

Белая ночь Севера опять приносит нам свои дары. Тишину. Затаенность деревьев, ручьев. И нежно-зеленоватый неразгаданный свет.

[38]

Не хочется покидать Саблю, но — в эту ночь нами намечен выход обратно в Аранец. Жалеют художники, что распадается наша недолгая компания. А нам пора: закончилась пленка, коней надо сдавать колхозу в срок да перебраться в другой район съемки — на реку Унью.

Последний костер с друзьями всегда дорог. Может, никогда больше не увидишь людей, с которыми столкнул тебя случай у походного огня. Жаль расставаться с любимившимися местами. Оттого так и дорожишь последними часами, минутами.

Быстро прошли эти часы, минуты...

Художники, провожая нас, стояли кучкой на высокой морене и махали руками. Их крохотные фигурки еще долго были видны на фоне светлеющего неба. А мы спешили, чтобы в прохладе белой ночи преодолеть комариный ад аранецких болот. Увозили драгоценные кадры — запечатленные картины одного из самых удивительных мест на Урале.

Десять лет спустя

Мне привелось испытать радость повторных путешествий в одни и те же края. И я пришел к выводу, что человеку полезно посетить любимившиеся места дважды, через какой-то промежуток времени. Говорю не о тех районах, где ведется интенсивное освоение, — они часто становятся неузнаваемыми через год; имею в виду нетронутые уголки природы. К таким и по сей день относится хребет Сабли.

Для будущего фильма нам требовался свежий киноматериал об этой горе. Мне представлялся случай вновь побывать возле первенца уральских ледников — ледника Гофмана.

Летели мы к Сабле вертолетом. Спутниками моими на этот раз были уже знакомые читателю «пом Юргенс» и Нина Петровна.

Близился сентябрь. Побагровели осинники. Пожелтели березняки. С воздуха я узнавал путь, каким шли мы когда-то на конях: желтые пролысины болот среди тайги, перевал с озерами на Аранецкой дороге. Лиственничные рощи золотым ожерельем опоясывали заснеженный массив Сабли.

Как вы думаете, кто был командиром винтокрылой машины? Да, тот самый пилот Дима, который более десятка лет назад впервые показал мне Саблю с воздуха! Он давно уже сменил АН-2 на вертолет.

Дима оказался бесстрашным и на этот раз. Когда подлетели к мощному моренному валу, тянувшемуся вдоль хребта, он попросил меня показать место посадки. Я указал бугор на морене, где жил когда-то десант художников.

— Сесть я могу, но там же воды нет! Как без нее жить будете?

Действительно, я не замечал маленьких озер, какие были тогда рядом с лагерем художников. Произошло кратковременное замешательство. Пилот кружил над углом морены и ждал моего выбора.

— Туда можно? — показал я на рыжую поляну в тайге под самой мореной.

Лётчик лихо направил машину к земле. Колеса коснулись мягкого грунта и погрузились по самую ось.

— Разгружайтесь быстрее! — кричал пилот из кабины. — Останавливать винт не буду: засосет!..

В считанные минуты с помощью экипажа была вынесена аппаратура со снаряжением.

— К нашему прилету срубите вон те деревья! — крикнул пилот. И вертолет взвился над стеной густо стоящих лиственниц, скрылся за перевалом.

Наступила непривычная тишина. Место посадки оказалось крохотным сухим болотцем среди высоких деревьев. Да еще на склоне. Огляделись.

— Ну вот. Снова здесь через десять лет... — проговорил я.

Из-за вала морены виднелась зубчатая корона главной вершины Сабли. Два огромных камня с хорошей одноэтажный дом по-прежнему стояли в светлом лиственничном лесу в сотне метров от места посадки. Ничего здесь не изменилось. Только щедрая осень густо рассыпала по болотцу молочно-синеватые ягоды голубики. Грибы частыми шапками разбегались между кустиками ягодника. Гнулись рябины от красных спелых плодов.

Выбрать место под лагерь не составляло труда — везде было хорошо. Выбрали лучшее: на полянке, скрытой березами. Рядом протекал ручей, над ним огромная каменная глыба... Была вода, полно было сухостоя для костра, палатка надежно защищалась лесом от ветра.

Место особенно понравилось Юргенсу:

— Мне в горной тундре без леса надоело. А тут благодать! Сейчас такой костер запалим!..

Мои слутники здесь впервые. Мне выпало быть гидом. Это хорошо — покажу им все красоты саблинской природы.

И на другой же день я повел их на моренный вал. Мне было интересно, какое впечатление произведет на моих товарищей панорама ледникового хребта, которая развернется перед взорами, когда мы поднимемся на морену.

Они остановились, удивленно оглядывая массив Сабли.

— Ну, знаете, я вам скажу, увидеть такое на Урале совсем не ожидала!.. — воскликнула Нина Петровна. — Это же настоящие уральские Альпы!..

Юргенс только покачал головой. Он, как всегда, отмолчался, но, энергично перебегая с точки на точку, стал фотографировать хребет. Это на него не было похоже: он редко брал в руки фотокамеру.

На прежней стоянке художников все выглядело так, будто я встре-

чался с ними только в прошлом году. Подстилка из хвороста на месте палатки высохла, но была нетронутой. Охапка дров лежала возле бывшего кострища. Тюбики из-под красок были разбросаны по земле. Следов пребывания других людей не было заметно. Неужели здесь за десять лет никто не останавливался?

[40] — Вы смотрите, даже мазки и потеки масляных красок не исчезли с камней! — показал я на место, где рисовали художники.

Нет пужды описывать ландшафт Сабли. О нем уже было рассказано. Скажу только, что и на этот раз работы по киносъёмке хватило нам на десять дней. Кроме старых мест засняли много новых.

Мы совершили поход вдоль Саблинского хребта к истокам речки Ти-ю. Несколько раз пересекали котловину с каменным хаосом. И даже дважды посетили ледник Гофмана.

Современная климатическая обстановка на Урале не пощадила ледник. Высокие летние температуры заметно сократили его размеры. Значительно упал уровень озера перед ледником. Но так же гордо и величаво, как многие столетия, возвышались над ледником громады каменных бастионов. По-прежнему восхищал своей суровой красотой и нетронутостью этот уголок уральской горной природы.

На этот раз я имел немало сведений о ледниках Урала. Меня занимало несколько вопросов. Прежде всего: почему Э. К. Гофман не увидел ледников в Саблинском хребте? И как сохранить Саблю с ее ледяным гнездом? Как и тот хребет, что находится за рекой Карой. По моему убеждению, Сабля и Оченырдак имеют немало общего, схожи они, в частности, своей обособленностью. С той лишь разницей, что Оченырдак раскинулся в тундре, а Сабля — в зоне тайги.

Но прежде о человеке, чьим именем назван главный ледник Сабли. Мы с Юргенсом спустились к речке Седью и за ее руслом нашли старую оленью дорогу. Она здесь единственная. По ней, вероятно, и проезжал Э. К. Гофман. Попытались даже найти на этой дороге примерную точку, с которой художник Бермелеев нарисовал главный шпиль Сабли.

До какой-то степени нам представилась картина того далекого 1850 года, когда проезжал здесь олений караван с ученым. Он, конечно, должен был остановиться: географу проехать мимо Сабли без остановки нельзя. Привал, возможно, был не коротким. Наверняка с поевкой. Надо отпустить оленей на выпас, сварить еду на костре, дать отдохнуть проводникам, художник должен зарисовать хребет, а самому ученому надо сделать основательное описание Сабли; в заключение собрать оленей — даже по современным условиям для всего этого нужно не менее двух-трех дней.

Дорога на Седью проходит примерно в 7—10 километрах от главного ледника. Экспедиция Э. К. Гофмана проезжала мимо Сабли в раннюю пору лета, в июне, когда Уральские горы были покрыты еще зимним снегом.

Такая картина обычна и в наши дни.

Покрытый обильным снегом ледник издали можно легко принять

за большой снежник. Поэтому с десятикилометрового расстояния Гофман не мог видеть ледников, скрытых зимними снегами. Только к концу лета, когда обильное стайвание снегов обнажает само тело ледника, он становится отчетливо виден. В обнаженных местах лед темнеет от скопившихся на его поверхности камней, щебня, пыли, на теле ледника выявляются трещины, по которым текут надледные потоки, русла их располагаются вдоль направления движения самого ледника. В это время даже неискушенный человек определит, где лед, а где снег.

[41]

Непосредственно к подножию хребта Гофман не поднимался. Иначе об этом упоминалось бы в его книге. Представьте, что он совершил бы такую экскурсию, — он увидел бы и гигантский вал древней морены, и многочисленные озера в котловине за валом, и, возможно, сам ледник. Уже вал морены мог бы насторожить Гофмана: налицо следы деятельности древнего ледника, надо искать хотя бы остатки его.

Этого сделано не было. В результате и появилось ошибочное утверждение: «Ледников на Урале не может быть...» А между тем, по исследованиям современных гляциологов, в середине XIX века, то есть во время экспедиции Э. К. Гофмана, уральские ледники активно росли. Это доказывают сейчас многочисленные следы.

Теперь другой вопрос — о сохранении Сабли. Мое повторное посещение хребта спустя десятилетие после первого путешествия убеждает меня в том, что природа этого удивительного уголка Урала почти не подверглась изменению. И в таком виде ее надо сохранить. Скалистый массив Сабли следует объявить заповедным, как уникальный ландшафт. Здесь надо создать национальный парк. Об этом поднимался вопрос в печати.

Так же необходимо поступить и с хребтом Оченырды в верховьях Кары. Два северных национальных парка в системе Уральского хребта — это будет гордостью не только республики Коми, но и всех уральских областей!

Чем же уникальна природа Сабли?

Конечно, не только тем, что здесь впервые были обнаружены уральские ледники. (Их сейчас насчитывается семь, и все они, к сожалению, каровые, исчезающие.) Ближе к ледникам подступает лиственничная тайга, которая ниже переходит в березняки и еловое черное лесье. Животный мир не пуган — есть лоси, медведи. Еще недавно дикий северный олень водился возле Сабли. В камнях морен живет забавный маленький грызун пищуха.

Здесь много интереснейших объектов для исследований, экскурсий и туристских походов. Красоту Сабли нужно сделать более доступной людям. Пусть дорога к ней останется долгой. И нелегкой. Зато острее почувствуется первозданность и нетронутость заповедного места. Именно эта удаленность и сказалась благоприятно на современной природе Сабли, уберегла ее.

Главным объектом охраны должны стать ледники. Кладовые воды, без которой нет жизни. Заповедный статут должен распространиться не

только на те, что будут включены в национальные парки, но и на все ледники Урала.

[42]

В один из солнечных дней мы ждали вертолет. Ему была подготовлена посадочная площадка на том же болотце. Мешавшие деревья срубили. На месте приземления настлали из бревен квадрат. Рядом на колышке повесили красный флажок.

В минуты ожидания подводили итог нашим путешествиям в ледяные гнезда Урала. Юргенс был в восторге от этой экспедиции.

— Везде было очень здорово: на Каре, в Оченырде, на Хадате... А здесь, на Сабле, — лучше всего!..

— А я считаю, каждый день в нашем путешествии был праздником! — заявила Нина Петровна.

С гостеприимного болотца под мореной мы улетали с чувством грусти. Скажу откровенно: если судьба забросит меня сюда еще и еще — каждый раз буду счастливым человеком.

Долго смотрели мы через иллюминатор на удаляющуюся Саблю. Стена заснеженных ее вершин красовалась на изгибе хребта. От нее Урал уходил по меридиану к южным широтам. Белая гряда гор удалялась, становилась все меньше и меньше. И наконец сравнялась с линией горизонта.

В хрустальных погребах Пуйвы

Манси-Нёр

Самолет АН-2 снова уносил нас на Север. Уральский хребет тянулся рядом. Горы становились выше, вершины многих терялись в облаках.

Нам предстояло снять киносюжет о добыче горного хрусталя на Приполярном Урале. Но была и еще одна цель — ледники. Меня влекло к ним, как и прежде.

Приземлились в Саранпауле.

Стали разгружаться. Вскоре возле крылатой машины выросла гора аппаратуры и снаряжения весом до 800 килограммов. Многие удивлялись обилию груза. Остряки бросали реплики:

— Не много ли на четверых!..

— С таким багажом в горы не пустят!..

Очень любопытно оказаться в селе, где не был пятнадцать лет. В Саранпауле заметны большие изменения: на окраине вырос геологический поселок, благоустроен аэропорт, построено много новых домов. Только на берегу реки Ляпин по-прежнему чернели старинные амбары.

Наш первый визит — в штаб геологической экспедиции. Без ее помощи нам не попасть в горы.

Отправились все вместе: я, Юргенс, Нина Петровна и художник Равиль. Новый член нашей группы невысок ростом. Жгучий брюнет. Черные как смоль усы спадают с припухлых губ. Черные глаза под черными бровями.

Равиль — мой бывший сосед по квартире. Его я знал как одаренного художника и интересного собеседника. Но в далекое горное путешествие он собрался впервые.

Начальник экспедиции принял нас в своем кабинете. На лице у него озабоченность. Как обычно, прибытие киногруппы создает нежелательные хлопоты и заботы.

Мы попросили помочь нам конным караваном в шесть-семь лошадей.

— Что вы!.. — с удивлением воскликнул начальник. — Мы давно не пользуемся не только конями, но и самолетом АН-2. У нас теперь единственный транспорт — вертолеты!

Вот что значит прошло пятнадцать лет. Как объяснил начальник, все прежние посадочные площадки в горах, на которых лихо садился пилот Дима, давно заброшены.

Наша группа, как видно, внушила начальнику благоприятное впечатление: просьб было совсем мало! Начальник оживился, подобрел и сам предложил нам маршрут в горы: сначала под Народную, потом на Пуйву — месторождение горного хрусталя, славившееся своим живописным местоположением.

Одним словом, к нашим услугам вертолет. И полная гарантия, что нас не забудут в горах.

В назначенный для вылета день наш груз снова вызвал удивление — теперь у экипажа Ми-4.

— Как же вы справитесь со всем этим?! — озабочен командир вертолета.

— Справимся! Где-то чего-то... — важно говорит мой помощник Юргенс.

— Надолго ли в горы?

— Дней на двенадцать.

— Показывайте, куда вас забросить.

Склоняемся над картой. На ней ничего не разобрать — мелкий масштаб. Рисую на листе бумаги крупную схему места посадки: озеро у подножия горы Народной, конечная опушка лиственничного леса — наш базовый лагерь, как и пятнадцать лет назад.

Командир предупреждает:

— Имейте в виду, в горах не всегда бывает летная погода. Возможно, в назначенное время мы прилететь не сможем. Но через двенадцать дней никуда не уходите от своей палатки, ждите...

Винтокрылая машина взвилась в воздух. Мы покинули Саранна-уль. Вскоре приблизился гигантский купол главной вершины Уральско-го хребта — горы Народной. Пилоты пригласили меня в кабину, просят с воздуха показать точное место посадки.

— Ближе к озеру!.. У самой воды!.. — крикнул я командиру и показал рукой.

Пилоты выполнили мою просьбу буквально — посадили машину прямо на широкое каменистое русло большого мелководного ручья, вытекающего из озера. Тем самым усложнили нам выгрузку и дальнейшую переноску аппаратуры.

[44]

Вытаскивали грузы из машины под вращающимися лопастями винта.

— Мотор нельзя выключать! — кричал командир из кабины. — Наклон большой, скатимся!..

Последний тук выбросили на камни. Вертолет с легкостью взмыл и скрылся за склоном. Наступила тишина, нарушаемая только переливами струй ручья.

Куча грузов так и оставалась на камнях среди ручья. А мы стояли неподвижно, пораженные открывшейся картиной: за озером поднималось в небо и блестело снегами левие гигантского гребня — горная крепость из снежного серебра.

— Красота-то какая!.. — вырвалось у художника.

— Это гора Манси-Нера, — сообщил я товарищам.

Забыв про свое снаряжение, мы поднялись на бугор, чтобы полюбоваться величественным видом. Щелкали фотоаппаратом. В моих руках кинокамера, которой я только что заснял отлет вертолета.

Припудренная снежком стена Манси-Нера сверкала чистой белизной. Подтаявшие пятна на его снежниках поблескивали в лучах солнца, создавали замысловатые кружевные рисунки, удивительный орнамент.

Небо над белоснежным зазубренным массивом жгло глаза глубокой бездонной голубизной. Во всей природе был раалит какой-то необъяснимый покой. Перемена обстановки казалась разительной: только что были в селе — и вдруг угодили в горную сказку!

Эта красота отбила у меня желание совершать повторное восхождение на вершину Народной, находящейся совсем рядом.

— Ребята, завтра же пойдем к Манси-Неру! Там есть голубое озеро, ледник...

— А когда на Народную? — спросил Юргенс.

— Потом. Если останется время.

— Правильно: нельзя упускать такое! — показывая на гору, поддержал Равиль.

Разбрелись по сторонам. Восхищались краснеющими шляпками грибов подосиновиков в горной тундре перед озером. Удивлялись обилию голубики и черники.

— Сколько же здесь живописного материала! — оглядывал художник местность.

Нина Петровна, ползая по голубичнику, пригоршнями собирала ягоды. Мы с Равилем прыгали по каменным россыпям, выбирали точки для будущих кадров и этюдов.

Юргенс первым из нас «приземлился» — остановил наши восторги: — Друзья, любоваться природой хорошо, но надо ставить палатку, разжигать костер. И об еде, где-то чего-то, подумать пора!..

Четырнадцать лет я слышу любимую присказку своего помощника: «где-то чего-то»...

Ищу глазами место прежней стоянки в лиственничнике. Лес там когда-то густой рощей подходил к берегу озера, теперь сильно поредел: много деревьев оленеводы вырубали для костров. Кажется, и само озеро обмелело немного. Теперь меня в лес не тянуло.

Палатку поставили на бугре, вблизи ручья, чтобы ветерок сдувал комарье и внезапные потоки с гор во время дождя не смыли лагерь. Рядом можно оборудовать новую посадочную площадку для вертолета.

Пришлось поработать изрядно. Натаскали из лесу большую кучу дров. Поставили четырехместный «дом». Костер пылал рядом. Мы сидели возле огня и наблюдали, как меркнет солнечное освещение на серебряной стене хребта. Горы отражались в зеркальной глади притихшего озера.

— Есть ли рыба в этом озере? — спросил Равиль.

— Харювки водятся...

— Неужели?! — сразу преобразился художник. — Пойду попробую!..

Я показал ему мысок, с которого мы когда-то ловили хариусов. И он ушел туда. А мы продолжали сидеть у вечернего костра. Подбрасывая в огонь сушняк, Юргенс многозначительно приговаривал:

— Воле леса жить можно. Тайга — место хорошее, дров в ней хватает. Запалишь кострище — грейся, блаженствуй!..

Догорал наш первый день в горах. В сумерках вернулся Равиль с рыбалки. Улыбался и торжествовал как мальчишка, показывая трех небольших харюсков, нависанных на ивовую ветку.

У нас одно желание — поскорее выждать солнечный день и отправиться к леднику, скрытому под громадой Манси-Нера. Но на другой же день облачность надолго завладела хребтом. Открывала нам горы только рано утром и поздно вечером.

Каждый день начинался так: проснувшись, первым делом выглядывали из палатки — очистился ли Манси-Нер от облаков. Уходя на ночлег, снова смотрели на сербрюную гору — какую погоду принесет нам следующий день, можно ли будет отправиться на поиски ледника.

Нам удалось наблюдать удивительную игру света на заснеженной горной крепости. Ранним утром она была малиновая. С восходом солнца становилась оранжевой. Днем выглядывала из облаков ослепительно белым кораблем. А к вечеру на снегах Манси-Нера снова начинались занимательные световые эффекты: стена краснела, обретая иногда кровавый оттенок, после захода солнца окрашивалась в сиреневый тон, наконец, в густых сумерках зеленела.

Туда убежала росомаха

Много дней клубились облака над Уралом.

Но однажды утром, выглянув из палатки, я увидел — наша гора позолотилась.

— Ребята, сегодня будет неплохой день! Собираемся!..

[46]

Быстро сложили в рюкзаки аппаратуру, запас продовольствия и пошли. Завтракать будем дорогой.

Тропа оленеводов повела нас в обход озера под крутым склоном горы Народной. Склон этот скрывал вершину прародительницы Урала. Здесь заканчивался лес отдельными кривоствольными лиственницами. Отсюда начиналась горная тундра, усыпанная глыбами камней.

Много раз переходили разлившиеся горные потоки. Тропа повернула в долину, стесненную с одной стороны гребнем горы Югры, с другой — отвесным гигантским обрывом главной вершины Урала. Вдали, посреди голой тундры, поблескивали небольшие озера. В той стороне над хребтом клубились облака и, двигаясь в нашу сторону, постепенно заволакивали зубцы Югринского гребня.

— Не везет нам с погодой, — заметил Равиль.

— Все равно будем искать ледник...

Последний раз перешли широкое мелководное русло горной речки. Подошли к мощному валу древней морены, которая скрывала озеро с ледником под зубчатой вершиной Манси-Нера.

Юргенс забеспокоился:

— Подкрепиться надо, где-то чего-то. А то не одолеем высоту...

Перед подъемом на вал разложили на камнях сухари, лук, сало и сгущенное молоко.

Наша трапеза была прервана появлением бегущей прямо на нас собаки.

— Откуда взялась? — удивился художник.

— Оленеводы, видимо, стоят недалеко...

Собака бежала, припнувшись к земле. Не замечала людей среди каменных глыб. Услыхала наши разговоры, когда была совсем рядом. Остановилась, посмотрела и не спеша продолжала свой путь мимо нас. Я увидел у собаки пушистый хвост, короткие и широкие лапы.

— Это же росомаха! — Я кинулся к рюкзаку за кинокамерой.

Равиль схватился за ружье. Нина Петровна взмолилась:

— Не стреляйте, ради бога, прошу вас!..

Равиль не послушался. Бросился преследовать росомаху. Но куда там — разве может человек догнать хитрого зверя! Ловко прыгая по камням, животное далеко оставило за собой художника. Росомаха круто взяла вверх и вскоре скрылась в каменном хаосе на вершине моренного вала.

— Туда направимся и мы! — решил я.

Посмеялись над неудачливым охотником. Наша спутница не преминула поворчать на него:

— И вам не стыдно убивать такое симпатичное животное!..

Я вспомнил, что россомаха бежала в горы снизу, откуда пришли и мы.

— Ребята, зверь этот пакостный. Не проверил ли он продрпаасы в нашей палатке?

— Да, да! — многозначительно покачал головой Юргенс. — Манси на Сосьве рассказывали про его шкодливость...

— Вот будет номер: вернемся, а продукты все съедены!..

— Не надо так жестоко шутить! — посмеялся Равиль.

Нина Петровна молча слушала эти разговоры.

Крутой склон вала мы преодолели с трудом. Часто останавливались, успокаивали дыхание и сердце. Равиль на остановках делал наброски в блокноте. Особенно досталось Юргенсу: на его плечах висел штатив и аккумулятор для кинокамеры.

Ближе к вершине вала дорогу нам устилали громадные плиты, стоящие торчком. Идти стало труднее: облачная масса напозала на морену, сырел воздух, камни становились скользкими.

Наша компания не отличалась молчаливостью. Мы любили поговорить. Нина Петровна часто спорила с Равилем. Юргенс смешил нас избитыми анекдотами. Но тут шли молча. Зорко смотрели под ноги, чтобы не споткнуться.

Беспокойно оглядывались на нашу спутницу. На мокрых камнях немудрено поскользнуться, ушибиться, сломать ногу. Но Нина Петровна не отставала от нас. Лихо прыгала с камня на камень.

Долго и медленно шли по верху морены — сплошному каменному хаосу. Наконец из-за камней показались снежные языки, тянущиеся к вершине трапециевидной стены Манси-Нера. Еще с полсотни шагов, и открылся сам ледник — снежное поле с грязноватыми пятнами, похожее на гигантскую амебу, примостившуюся в горном углублении. Ниже ледника — два озера, вытянутые один за другим в узкой долине и разделенные невысокой перемычкой из каменных глыб.

Стоим над вторым озером. Оно сдерживается моренными нагромождениями, которые мы только что преодолели. В бирюзовой воде водоема местами зияют черные пятна — глубокие ямы. На противоположном берегу озера каменоломни — россыпи из крупных глыб.

Максимальная глубина озер, по измерениям гляциологов, — первого — 36 метров, второго — 10 метров. Из нижнего озера вытекает ручей, бурными каскадами спускающийся в долину реки Народной.

Открыт ледник Манси в 1932 году геологом А. Н. Алешковым. Им же был открыт и соседний ледник Югра под одноименной вершиной в истоках реки Народной. Кроме того, в районе главной горы Урала Алешковым обнаружены еще три ледника: Лимбеко, Балбан и Манарага. Все-го же вблизи «горы-мамаши» находится до восьми ледников.

Погода портилась. Со стороны хребта Манси-Нер, клубясь, сползали облака, норовя подобраться к телу ледника. Последние лучи солнца сверкнули в разрывах на небе.

— Вот так всегда везет, — сказал мой помощник, расставляя нож-

ки штатива.— Только приготовишься к съемке — солнце посылает привет...

Едва успели заснять несколько кадров, ледник и озеро в считанные секунды скрылись в густом облачном тумане. Налетел ветер. Помело редким снежком.

Снегопад постепенно усилился. Стало сумеречно. Мы поплотнее застегнули штормовки, натянули капюшоны на головы.

[48]

— Не повернуть ли ближе к хате? — начал Юрген.

— Разумнее сейчас ничего не придумаешь, — добавил Равиль.

— Мудрецы, нам только это и осталось! Ледник мы засняли.

Правда, в мрачном состоянии... — рассуждал я.

В разговор включилась наша спутница:

— Не снимать же ледники только в солнечных лучах. Надо показывать и суровую их действительность!..

— Согласен, — поддержал Нину Петровну художник. — Солнечные пейзажи снимать — чего проще! А здесь вся красота — в мрачной суровости...

Ждать улучшений погоды было бесполезно. Уже вечерело. Мы направились в обратный маршрут, оказавшийся тоже нелегким.

И лед, и хрусталь...

Ночью разразилась непогода. Ветер сильно трепал палатку. На брезент шумно обрушивался ливень. Обрывались веревки, крепящие тент к кольям.

Но к утру стало тихо и солнечно. Радуга перешагнула через наш стан. Одним концом уперлась в склон Народной, другим окунулась в озеро.

— Это к хорошей погоде! — радовался Равиль.

Но уйти никуда нельзя: ждем вертолета. Устроили посадочную площадку, обложили ее камнями. Собрали груз.

Художник не теряет времени: расставил мольберт, рисует пейзаж с горой Манси-Нер. Я снимаю его кинокамерой. И в это время слышится гул вертолета.

Машина показалась над далеким куполом горы Чендер, но почему-то развернулась и улетела в обратном направлении. Мы ничего не видели. Строим всяческие предположения.

— Неужели не заметили нашу палатку?

— А может, это чужой — ищет других?..

— Вдруг не прилетит больше?..

Нам было велено не отходить от палатки — выполняем. Но почему, едва показавшись над горами, машина улетела обратно? Долгое время пребываем в скованной неопределенности. Костра не разжигаем, обед не готовим. Непокойное, утомительное это дело — ждать!

К счастью, следующее утро опять солнечное. И снова радуга. Только теперь над горой Чендер.

— Вот и ворота ему готовы! — улыбается Равиль.

Этот символ оказался добрым вестником. Вновь услышали знакомый гул. В воздухе появилась точка, издали похожая на летящего комара. Сомнения не было — за нами!

Вертолет приземлился в уложенном камнями квадрате.

— Это вы прилетали вчера? — спросил я командира.

— У нас порючка была на исходе. Взглянули только на вас, тут ли вы, — улыбаясь, отвечал летчик. — Куда летим на этот раз?

— В Пуйву!..

Пуйва оказалась недалеко. Вертолет облетел скалистые горы в снегу и направился в залесенное ущелье. Сели на поляне возле березовой рощи.

К вертолету сбегались люди. Среди них выделялся симпатичный молодой человек. После нашей выгрузки он по-хозяйски распорядился загружать машину тяжелыми ящиками.

Улетел вертолет. Стоянка опустела. Молодой человек подошел к нам.

— Вы киношники? Мне сообщили о вас. Я начальник здешней партии.

Мы представились. Борис Михайлович — так звали начальника — предложил:

— Пожалуйста к нам в поселок. Четыре километра отсюда...

Нам хотелось остаться возле своих грузов. Показали на березовую рощу поблизости — она нас больше устраивала.

— Тогда занимайте наш «аэровокзал», — указал Борис Михайлович на одинокую избу.

Мы отказались от такого предложения.

— Это похоже на маститых путешественников! — одобительно заключил начальник партии. — Ладно, располагайтесь, как вам удобно.

А нам нравится здесь! Кругом скалистые снежные горы. Под крутым берегом, где поставим палатку, шумит поток. Ковры покрасневшего полярного березняка расстилаются повсюду. Среди начинающей желтеть березовой рощи чернеют мохнатые кедры, усеянные шишками.

— Удивительные места! — восхищается Равиль.

Под утро мы проснулись от того, что на нас обрушилась палатка. Я потрогал брезент, отягощенный мягкой и тяжелой массой.

— Братцы, это снег!..

Выбрались из спальных мешков, глянули: весь лес, вся земля — как зимой. За одну ночь снег бесшумно напал до пятнадцати сантиметров, изменил облик местности. Весь день в роще раздавался шум слетающих с деревьев снежных комьев: шло интенсивное таяние.

Уже на другое утро земля приобрела прежний вид — очистилась от снега. Самое время обследовать горы над лагерем. Там, как нам сказали, есть озеро, выше находится другое, за ним якобы ледничок.

На следующий день мы в походе. Идем среди березняков, кедрачей и лиственничников. По крутым склонам среди деревьев спускаются

каменные потоки россыпей. А вдоль речки, именуемой также Пуйвой, раскинулись небольшие луговины с высокотравьем.

Поднялись к скалистому гребню над лесом. Снова увидели царство горной тундры, серых камней, воды и снега. Там действительно было озеро. Над ним возвышался заснеженный вал древней морены. Он не крут, и поверхность его относительно ровная: идти по нему было легко. Подъем на эту морену местами представлял наклоненное снежное поле.

[50]

Идущий впереди Юргенс замахал руками, позвал нас к себе. Подошли. Он показал на снег и почти шепотом произнес:

— Мы здесь не одни...

На снегу были четко обозначены следы крупного зверя, рядом — поменьше.

— Медведь?! — заинтересовался Равиль.

Я пригляделся к следам.

— Медведица с медвежонком...

Следы тянулись со стороны скалистого гребня и спускались по снежному склону в лесную долину. По-видимому, медвежья семья ушла в лес в поисках пищи — ягод, грибов, кореньев.

— Этот зверь, где-то чего-то, пострашнее россомахи, — призадумался Юргенс.

Поднялись на вершину вала. Легкий спуск с него приблизил нас к следующему озеру, скованному льдом. На дальнем конце водоема, у стенки гребня, виднелся небольшой ледничок с характерной конфигурацией белоснежного веера.

Предвечернее солнце скрылось за стенку гребня. Озерная котловина с ледничком оказалась в тени. Освещались только горные цепи за нашей спиной. Там горели золотом березняки. Синели в тенях снежные впадины. Закатное солнце в оранжевый тон окрашивало горные вершины.

В лагерь вернулись уже в сумерках. Как приятен был костер, неприхотливый ужин возле него и неторопливый разговор!

Места эти помимо живописной альпийской природы примечательны еще тем, что здесь добывают горный хрусталь. Словом «Пуйва» именуется двуглавая гора, что возвышается вдали над поселком добытчиков. Туда и спешили мы по приглашению начальника партии.

Тракторная дорога повела по ущелью в горы, вдоль шумящей речки Пуйвы. Кончалась тайга: кедры сменялись березками, которые вскоре уступили место кустам ольховника. Показались домики, прицепившиеся к подножию горы. Здесь живут «хрустальщики». Кругом безлесные вершины. Только в долине ручья, втекающего в Пуйву, несколько одиноких лиственниц. И торчит из земли множество пней — жалкие остатки былой лиственничной рощи. Это что же: лес когда-то забирался так высоко в горы?!

Борис Михайлович встретил нас любезно. И сразу предложил:

— Начнем с нашего маленького музея...

Крайняя изба над ручьем — «штаб» местной геологии и своеобраз-

ный музей, куда приносят уникальные кристаллы. Здесь уже собрано много интересных образцов: друзы хрусталя, одиночные крупные кристаллы дымчатого топаза и другие окрашенные разновидности кварца.

Борис Михайлович взял в руки один из образцов. Подержал его на свету.

— Красивый камешек!..

Кристалл был чистым, как вода в горном ручье. При вращении грани его поблескивали золотистыми и голубоватыми искорками. Вскоре он оказался в руках Нины Петровны.

[51]

— Вот он, каменный лед! Удивительно похож! Такой же прозрачный, с голубинкой...

Я вспомнил: на севере Забайкалья, где протянулся хребет Кодар, мне довелось слышать поверье о том, что в старину у якутов и эвенков горный хрусталь считался окаменевшим льдом. Бесцветный голубоватый кварц, и особенно молочно-белые его разновидности, при первом взгляде действительно напоминал лед.

— Пойдемте, покажу вам, как мы это добываем...

Борис Михайлович повел нас узким ущельем выше в горы, вдоль kloкочущего ручья с водопадами. Высоко на крутых склонах зияли черные проломы, обрамленные сгнившими бревнами.

— Это старые штольни. Еще дореволюционные. Какой-то богач Сидоров, говорят, занимался здесь добычей хрусталя.

Дорога вилась среди каменных кубов, огромных обкатанных булыжников, хаотически разбросанных по берегу ручья. Впереди показались высокие осыпи отвалов. На их вершины зигзагообразно поднимались деревянные лестницы.

Мы взобрались по лестнице к самой высокой штольне. К отвалу по склонам спускались снежники. В глубь горы уходил горизонтальный тоннель. В слабо подсвеченную электролампами темноту тянулись рельсы.

Возле входа красовалась куча больших кристаллов. Здесь были и одиночные дымчатые топазы, и кристаллы целым кустом — друзы.

Из штольни вышла группа рабочих в оранжевых защитных касках и брезентовых костюмах — очередная смена из забоя. Борис Михайлович предложил нам каски.

— Ну что ж, пойдём посмотрим, где находят эти прекрасные камни.

Путешествие в подземелье было коротким. Показали нам несколько забоев. Там с потолков непрерывно текли ручьи. В одном забое рабочие настраивали электробур, в другом осторожно выбирали дымчатые кристаллы из обнаженной кварцевой жилы. В подземелье стоял сырой туман. Под ногами чавкала липкая грязь.

— Вот так достается нам этот чудесный минерал, — сказал Борис Михайлович, когда мы вышли из штольни. — Теперь представляете, как нелегко найти великолепные кристаллы, которыми мы восторгались в музее? Когда-то хрусталеносные жилы выходили прямо на поверхность.

Они давно выработаны. Теперь приходится врубаться глубоко в землю. Мы были под сильным впечатлением от только что увиденного в штольне. Оттуда появилась вагонетка, наполненная кристаллами. Рабочие с большой осторожностью выгрузили на землю друзы цымчатого хрусталя.

Равиль заметил:

— Здесь трудятся не просто рабочие, а пожалуй, герои...

Борис Михайлович согласился:

— От сырости никуда не денешься. Грунтовые воды, вечная мерзлота — да, здесь особо сложные условия работы...

Мы рассматривали привезенные кристаллы. Борис Михайлович показывал примечательные образцы.

— Зарисую-ка я ваших рабочих! Разрешите? — попросил Равиль и пошел к людям в оранжевых касках, греющимся у костра. Расположился среди них со своим планшетом.

Мы послали Юргенса вниз, в поселок, готовить съемку лучших образцов горного хрусталя в музее.

Борис Михайлович обратился ко мне и Нине Петровне с загадочным предложением:

— Для вас я придержал маленький сюрприз. Хочу показать одну заброшенную штольню. Природа в ней натворила чудеса!..

Мы спустились за ним по лестнице к ручью. Направились по ущелью обратно в сторону поселка. Пройдя немного, стали подниматься по крутой осыпи отвала, кое-где заросшего травой. Вскоре оказались у входа в штольню.

— Выработки в ней закончены давно. Еще до моего приезда на это месторождение, — сказал Борис Михайлович, дав нам по карманному фонарику: без света там делать нечего...

Пошли следом за ним в черную пасть подземелья. Там было неожиданно сухо и тихо. Не капала вода с потолков. Под ногами стучала мерзлая почва.

— Чем объяснить такую благодать? — спрашиваю.

— Сам не пойму. Во всех штольнях хлещет вода, а здесь как будто ее и не бывало...

Шли долго по основному стволу. Сворачивали то влево, то вправо. В этом запутанном лабиринте заблудиться без гида — запросто. Светили фонарями под ноги, чтобы не споткнуться. Направились в один из боковых тоннелей. Стены его и потолок белели от снежного бархатного инея. Вышли в просторный грот. Борис Михайлович остановил нас.

— Посмотрите вверх...

Направили светильники на потолок. В лучах сверкнули бриллиантовые, рубиновые, аметистовые огоньки. Словно занавеси, сплетенные из тонких серебряных нитей, свисали с потолка и сползали по стенам грота. На них огнем горели кружева, узоры, застывшие цветы, звезды. Ледяные паутинки переплетали фигуры раковин, медальонов с фантастическими рисунками. Тончайшая ювелирная работа природы! И все это

сверкало, переливалось цветными искрами, как в волшебном дворце из серебра и драгоценных камней.

— Это же удивительнейшей нашей знаменитой Кунгурской пещеры! — был вынужден признаться я.

Нина Петровна примолкла. Только покачивала головой и обносила завороченным взором ледяное чудо.

Мы заметили, как с потолка то здесь то там обваливались и с шумом падали дивные украшения. На их месте оставались темные пятна.

— Не всем я это показываю, — сказал Борис Михайлович. — От частого посещения людей исчезает снежная красота. Даже от дыхания одного человека все рушится. Посмотрим недолго и уйдем отсюда...

И мы ушли. Нина Петровна дорогой несколько раз благодарила нашего гида:

— Вы сводили нас в сказку!

А через несколько дней, в один из вечеров, мы прощались с Приполярным Уралом. В нашем лагере, конечно, у костра.

Гостем был Борис Михайлович. И ужин был особенным: пельмени из рябчиков. Благодаря охотничьим стараниям Равиля. Эта изысканная кухня вызвала восторг у гостя.

— Не представлял, что на костре можно делать пельмени! Да еще из рябчиков!..

— Это старинный рецепт уральских охотников, — пояснил я.

— Мы еще не то на костре, где-то чего-то, умеем делать, — шутливо похвастался Юргенс.

— Вы действительно настоящие путешественники! — заключил гость.

Было уютно у нашего последнего костра. Под звездным предосенним небом. В печальном окружении поволоченных берез.

На другой день мы покинули Пуйву.

На гору каменных идолов

На Маньпуыгвёре — горе каменных идолов — я впервые побывал в 1957 году.

Самолет доставил нас — меня и моего помощника Сашу — в таежный поселок Усть-Манья, лежащий на берегу Северной Сосьвы. Выслушав нашу просьбу, бригадир промхоза, старый человек с умными глазами, сказал:

— Дадим вам Маньпырисьойку. Он хорошо знает дорогу.

Заметив на наших лицах недоумение, бригадир улыбнулся:

— Так в шутку зовут у нас старика Петра Ефимовича Самбиндалова. «Маньпырисьойка» означает «Мужик маленький, как мальчишка»...

Послали за Петром Ефимовичем. В сопровождении двух парней пришел низенького роста старик. На ногах его были надеты нярки, как называют здесь особую кожаную обувь. А выше, до самых бедер, было что-то напоминающее чулки, перевязанные под коленом кожаными ремешками. На поясе болтался охотничий нож с гирляндами клыков медведя. Шея повязана платком. Лысеющая голова ничем не прикрыта.

— Пася, пася,— сказал старик.

Мы переглянулись, не понимая этого слова.

— Он говорит «здравствуйте»,— сказал один из сопровождавших старика парней.

Словхватившись, мы выпалили скороговоркой: «Здравствуйте, здравствуйте». После этого уселись на скамейку для переговоров.

Двое парней, как оказалось, были сыновьями старика. Того, что постарше, звали Николай, другого — Рудик. Младший хорошо говорил по-русски и невольно стал нашим переводчиком при разговоре.

Мы объяснили, что нам нужно от проводника: довести до горы Маньпупыгнер, ухаживать за лошадьми. А все остальное вместе — питание, охота, рыбная ловля. Только нужно взять с собой ружье. Дроби, пороха и пыжей у нас в достатке.

Со всеми условиями старик согласился. Сказал, что возьмет с собой собаку-лайку, ружье и запас сухарей с чаем.

Когда мы ударили по рукам, старик хитро улыбнулся и сказал по-русски: «Водка нада. Нога сырой будет...» Все присутствующие засмеялись. Я успокоил старика: «Для ног будет!», имея в виду наш неприкосновенный запас для лечебных целей.

Мы рассчитывали на четыре лошади: две под аппаратуру и снаряжение, две верховые. Но в самый последний момент выяснилось, что четырех коней дать не могут: все равнобраны геологическими партиями. Оставались свободными только две кобылы с жеребятами.

Это бесплатное приложение — жеребята — очень смутило нас. Исключалась возможность ехать верхом, так как лошади будут нагружены по 80 килограммов каждая. Мы должны одолеть весь путь пешком. Сто километров по труднопроходимой тайге — это нелегко. Кроме того, прибавилась еще одна забота на голову администратора Саши. На двух лошадей с жеребятами он вынужден был подписать сохранное обязательство в том, что они все будут в целости и без повреждений. В противном случае наша киногруппа несет материальную ответственность. И первый ответчик — администратор.

Саша подписывал этот документ с явным неудовольствием. Но иного выхода не было.

В назначенный день к нам пришел Маньпырисьойка в сопровождении белой собаки с обрубленным хвостом. За плечами маленькая котомка и ружье.

— Как зовут собаку? — спросил Саша.

— Паль...

Общими усилиями собрали аппаратуру, навьючили лошадей. Двинулись в путь. Никто нас не провожал, никому мы не сказали «до свидания». Здесь люди уходят в тайгу так же незаметно, как и возвращаются из нее.

Проводник вел первую лошадь за уздечку. Саша — вторую. Я с ружьем и двумя фотоаппаратами на плече завершал это шествие. Жеребята резвились, вокруг нас, то забегали вперед, то отставали. Это были две маленькие кобылки. Саша норовил огреть их вицей и покрикивал: «Эй вы, девчонки!..»

Долго шли по таежной тропе. Заметно склонилось солнце, близились вечерние часы. Свернули с тропы в лес и, преодолев бурелом, вышли к реке Манье. Перешли ее вброд. Проводник остановил своего коня.

— Спать тут надо. Седня хватит. Лошадь устал...

Расположились на ночлег вблизи отвесного берегового камня. Старик назвал его «Суинг-Керас», то есть «Кричащий камень», или «Эхо-камень». Поставили палатку, разожгли костер.

За приготовлением еды отвлеклись и не заметили, как наши лошади куда-то исчезли. Для нас это было неожиданным ударом. А для администратора Саши особенно: ведь он подписал сохранное обязательство!

Лишиться лошадей в тайге — значит обречь себя на срыв экспедиции. Хорошо еще, что это случилось в первый день похода, когда до Усть-Маньи не так уж далеко. Если лошади ушли домой, за ними можно сходить. Ну а если бы это произошло на третий, на четвертый день? Где стали бы мы искать своих коней в глухой тайге?..

Ворча и ругаясь, Саша направился вниз по Манье. За ним пошел проводник. Я остался у костра, волнуясь за исход поисков: найдут или не найдут?

Но вот раздался резкий окрик и послышался звук колокольчика, который был привязан на шею у одной из лошадей. Из-за кустов показался проводник верхом на коне. Саша вел за уздечку другого. За ними шествовали жеребята.

Коней привязали к дереву толстой кожаной веревкой. После этого можно было спокойно заняться ужином. Уселись вокруг костра. Лес окружал нас темной громадой с острыми шпильями пихт и елей. Они силуэтами выделялись на звездном небе.

Наступила наша первая таежная ночь. Несмотря на уговоры, манси не согласился лечь в палатке, а устроился на земле, прямо у костра. Вот это закалка в шестьдесят пять лет!

Стояла непривычная тишина. Хвойный лес давил своей чернотой со всех сторон. На камне Суинг-Керас проухал филин.

Ранним утром в тайге прозвучали далекие выстрелы. Я проснулся, прислушался. Где-то вблизи звенел колокольчик. Значит, лошади целы. Через щель в палатке проникала утренняя свежесть. Было видно — солнце поднималось в тучах. День намечался пасмурным. А как себя чувствует проводник? Я выглянул в щель. У потухшего костра, свернувшись комочком, лежал наш «Дерсу». Собака ютилась у его ног.

Снова раздался выстрел. На сей раз ближе. Зашевелился комочек у костра. Собака подняла голову и заурчала.

Проводник прикрикнул на нее:

— Пырья, Паль! (В смысле — перестань!)

С этими словами он скинул со своей головы телогрейку и поднялся на ноги. Увидев меня, улыбнулся.

— Кто это стреляет? — спросил я.

— Монин сено коси блиако. Мой сын там есть. Наверно, охота ходи...

Проснулся Сапа и первым делом поинтересовался лошадьми. Они паслись в густой траве на берегу. Жеребята лежали вовле. Сапа успокоился.

Из-за камня Суинг-Керас показалась белая лошадь. Подъехал верхом молодой манси с ружьем через плечо. Он бойко заговорил с проводником. В парне мы узнали Николая — старшего сына Петра Ефимовича. С группой других манси он косил сено за камнем.

Николай вскоре уехал от нас. Навьючив лошадей, мы направились вверх по Манье. Выше камня встретили группу косарей. С ними было много собак, четыре лошади и две лодки узкие и длинные. На берегу, недалеко от покоса, стоял большой шалаш. На кольях рядом висели ружья.

Нас приняли очень любезно. Заварили крепкий чай. За чаепитием Петр Ефимович собрал вокруг себя косарей, что-то восторженно рассказывал, часто вставляя в свою речь слово «Маньпупыгнер».

Пошли дальше. Река Манья течет здесь по шумным каменистым перекатам среди скал. Густой таежный лес тянется по ее берегам. От каждой скалы мы вынуждены переходить реку вброд на противоположный берег.

Дошли до места, где когда-то был крохотный поселок Маньяпауль. Он отмечен на картах, а в действительности его не существует давно. Теперь здесь голое место с обилием особого сорта сочной травы, растущей островами на месте бывших домов и строений. За поляной, в лесу, над могильными холмиками стоят покосившиеся кресты — недолговечная память о тех, кто жил когда-то на этих берегах.

Узенькая, едва заметная тропа повела нас в сосновый бор. Место сухое, светлое. Под ногами сплошной черничник. К ягодам рука тянется неволью. Но во рту уже горько и приторно от них.

Вышли на старую узкую просеку с едва различимой тропой. Солнце уже было низко за лесом, когда мы подходили к речке Мазыпатье, месту очередного ночлега.

В предрассветные часы я услышал урчание нашей собаки. Проснулся старик и прикрикнул на нее. Я снова погрузился в сон, но был разбужен выстрелами. Догадался — это стрелял наш проводник. Скоро он пришел и бросил на землю что-то тяжелое. Я вылез из палатки и увидел на земле двух тетеревов.

— Сперва один стреляй, потом другой, — объяснил Петр Ефимович.

Солнце поднималось из-за леса. Его еще не было видно, но верхушки кедров и пихт уже были подсвечены золотистым светом. Речка Мазыпатья была еще в тени. С прибрежных деревьев, красиво драпируя стволы, свисали свинцово-пепельного цвета лишайники.

В лесу снова залаяла собака. Проводник сказал:

— Это глухарь. Ходи, ходи...

«Ходи, ходи» было адресовано мне. Я взял ружье и побежал на лай Паля. Осторожно пробираясь между сосен и всматриваясь, увидел нашу белую собаку под деревом. Задрав морду вверх, она заливалась лаем. Сердце мое учащенно билось: я впервые шел на глухаря и живым не видел его ни разу.

Осторожно подкрадываясь, смотрел по направлению взгляда собаки. Наконец увидел среди ветвей огромную черную птицу. Долго не раздумывая, прицелился и выстрелил. Глухарь камнем повалился вниз.

Лайка подскочила к птице и схватила ее. Глухарь бил крылом по земле и, раскрыв большой белый клюв, казалось, смотрел на меня. Через несколько секунд он затих. Я поднял его за крыло. Тяжесть была внушительная. Такого трофея мои руки еще никогда не держали.

Радостный и гордый, я понес добычу к своим. Помощник мой еще спал.

— Сашка, смотри, какой петух!..

Сашка зашевелился в палатке, вылез и ахнул. Я бросил глухаря рядом с тетеревами. Проводник, увидев дичь, одобрительно сказал: «Хорошо, хорошо».

После этого утра он проникся ко мне симпатией. «Начальник хорошо охота знай». Заявил, что я понятно говорю с ним, а Сашу он плохо понимает.

— Я ходи Екатеринбург давно-давно. Люди не понимай, как говори. Ты хорошо говори, я все понимай...

Я разговаривал со стариком в той же упрощенной манере.

Мы продвигались по просеке дальше. Кругом стоял горелый лес. Одинокие вершины кое-где уцелевших деревьев торчали среди сплошных зарослей березовой молодки. За горельником, вдали, виднелись горы.

— Это ведь Урал! — крикнул я.

— Нёр, Нёр! — согласно закивал головой проводник. Урал манси называют словом «Нёр».

Мы шли по тропе среди сплошных зарослей березняка. Старик поманил меня пальцем и показал на следы, похожие на собачьи, только крупные.

— Кто ходил? — спросил он.

— Волк? — ответил я вопросом.

— Правильна...

Пройдя немного, он снова остановился.

— А это? — показал на круглый след с углублением от когтей в передней части.

— Медведь?!

Старик закивал. Впереди внезапно залаял Паль. Что-то затрещало, и прямо на нас выскочила громадная лосиха. Я невольно потянулся к ружью.

— Стреляй не надо! — крикнул проводник.

[58]

Лосиха скрылась, за ней убежала и лайка. Все произошло в какие-то секунды. Появление лесного великана было так внезапно, что я не успел снять фотоаппарат, который висел у меня на груди. Кинокамера была упакована во вьюках. Интересный кадр был упущен. Я сделал для себя вывод — в походах надо всегда иметь готовую к съемке кинокамеру.

Когда солнце скрылось за горы, спустились к Манье на ночлег. Снова мы на берегах этой речки! Здесь, в верховьях, она мелкая, с перекатами и узким руслом, вполне оправдывает свое название. «Манья» по-мансийски — «Маленькая речка». Под перекатами обычно небольшие ямы, в которых обитают хариусы. Здесь их никто не ловит, никто не пугает.

Проводник осторожно подвел нас к одной такой яме и указал пальцем в воду.

— Смотри, харюз...

Мы увидели стаю рыб. Их было штук пятнадцать. Они то медленно скользили навстречу быстрой струе под перекатом, то стояли на месте и плавно шевелили своими большими спинными плавниками.

Хариус по-мансийски — «осьсякул». То есть узкая, продолговатая рыба. Она гуляет из ямы в яму. Если река в нижнем течении прогревается, хариус в поисках более холодной воды перебирается в верховья.

Несколько рыбин, пойманных проводником на искусственную мушку, составили нам неплохой ужин. После чая Саша забрался в палатку спать. Мы со стариком еще долго сидели у костра, слушали журчанье речки на перекате и всплески хариусов в яме.

Вдали силуэтом рисовался лесистый купол горы Манья-Тумп. Старый манси, кивнув головой в ее сторону, сказал:

— Давно-давно гора ходи нельзя было...

Я насторожился.

— Почему?

— Кто ходи, тот хвораи долго и умирай...

— Что там такое было?

— Старые люди говори — там пупы стоял, Сорни Эква, Золотой Баба...

Старик замолчал. Мне показалось — в тайге наступила таинственная тишина. Треск сучьев в костре почему-то усилился. Я покосился на черный силуэт горы Манья-Тумп. Легкий озноб невольно пробежал по телу.

Старый манси продолжал:

— Страшно было близко гора ходи. Баба кричал шибко...

— Как кричала?

— Моя не знай. Люди говори — страшный голос...

— А теперь на гору ходят?

— Кто молодой, ходил. Говорил, совсем ничего нет...

— Давай-на сходим туда, Петр Ефимович!

— Нет, моя туда не ходи. Грех будет. Помирай не хочу...

Я понимал, что старика трудно уговорить. Вековое суеверие мешает ему побороть страх.

Беседа наша закончилась. Старик стал укладываться спать у костра. Я ловил себя на том, что всего несколько минут перед этим безразлично смотрел на гору Манья-Тумп. Теперь же с какой-то настороженностью вглядывался в ее черную лесистую вершину. В палатке долго не мог заснуть под впечатлением вечернего разговора.

[59]

С нашей стоянки виден основной хребет Урала — Поясовый Камень. Туда лежит наш путь. За хребтом — желанная гора Маньпупыгнер.

После завтрака отправляемся. Но старик предупреждает нас:

— Маньпупыгнер сѣдня ходи нету. Далёко!..

От Маньи на хребет теперь потянулась только слабо заметная оленья тропа. Начался подъем. Тайга сменилась предгорным мелколесьем с кривыми и низенькими березками. И здесь земля усыпана черникой. Чем выше в гору, тем больше разрастались черничники.

Березы скоро уступили место карликовому полярному березняку, едва заметному под ногами. Началась растительность тундры. А еще выше — широкие полосы каменных россыпей. По ним идти было трудно, особенно лошадям: скользили копыта, проваливались между камней.

Выше, еще выше, и наконец перед нами открылась величественная панорама Уральского хребта. Я чувствовал, что скоро выйдем на вершину Поясового Камня. Вырвался вперед. Хотелось первому увидеть Маньпупыгнер. Еще несколько шагов в гору, и перед моими глазами западный склон Урала. На возвышенности слева виднелись знаменитые столбы.

— Наша гора!.. — закричал я, показывая рукой вдаль.

Подожли спутники. Старик закивал головой:

— Маньпупыгнер, Маньпупыгнер...

Мы радовались, что наконец увидели желанную цель нашей экспедиции. Сели на камни отдохнуть. Разговорились.

Проводник чистосердечно признался, что был у столбов лет десять назад и немного забыл дорогу.

— Когда придем туда? — нетерпеливо спросил я.

— Сѣдня не будем. Далёко, — опять повторил он знакомую фразу.

Столбы Маньпупыгнера казались совсем близко, и не верилось, что до вечера мы не дойдем до них.

— Разве это далеко? По карте всего километров десять...

— Э-э, карта показывай так, ходи другой дело...

Петр Ефимович долго глядел на тайгу западного склона, что-то внимательно высматривал. Наконец сказал:

— Так пойдём, — показал рукой туда, где начинался лес. — Там есть олений дорога...

Стали осторожно спускаться по склону. Выбрались к небольшой, но шумной речушке, которая бурно вытекала из самого тела хребта.

— Егра-Ляга это, — оповестил старик.

[60]

Мы находились вблизи древнего пути через Уральский хребет — Югровского прохода. На месте водораздела хребет имеет глубокую впадину с болотистой низиной, из которой берут начало две реки, текущие в разные стороны: Манья и Егра-Ляга.

Река Манья, по которой мы поднялись к Уралу, стекает с восточного склона хребта в Северную Сосьву. Егра-Ляга направляет свои воды на запад, в реку Ильч. Текущую на восток Манью древние манси называли «Тагт-Манья» (Сосьвинская Манья), а Егру-Лягу именовали «Ольс-Манья» (Ильчская Манья).

Любопытно, что коми-зыряне в древности называли народ манси «егра-гас», что на их языке означает «югорский народ». Вполне возможно, что от этого названия жителей древней Югры и получила имя река Егра-Ляга, значит — Югорская Ляга.

От Егры-Ляги начиналась хорошая оленья тропа. По траве было заметно — здесь недавно прогоняли оленей. Мы шли среди приземистых искривленных берез. Неожиданно насочили на богатое грибное место. Несколько десятков молоденьких подосиновиков группками росли среди густого ковра черничника. Я быстро наполнил грибами охотничью сетку.

Проводник, наблюдая за моим занятием, усмехнулся:

— Манси это не кушай...

— Подожди, Петр Ефимович. Придем на Маньпупыгнер, я тебя угощу.

— Моя давай глухарь, таймень, лось, харюз. Гриб — худой пища. Это олень еда...

— И я тоже не люблю грибов, — вставил Саша. — Мясо глухаря вкуснее...

Они со стариком принялись есть чернику. Ползая по земле, пригоршнями гребли спелые ягоды. Даже наша лайка Паль с жадностью хватала их с кустиков.

— Медведь жирный, когда много кушай это, — сказал манси.

Вершина Маньпупыгнер перед нами, за долиной реки. Слева видна высшая точка этой горы. В бинокль заметно, что на ней возвышаются две группы гигантских камней. Правее этой вершины гора имеет седловину, после которой начинается вторая возвышенность, пониже. За ней скрылись наши каменные богатыри.

Проводник выводит нас на хорошо заметную дорогу. В грязи видны следы от полозьев нарт. По-видимому, оленеводы проезжали здесь не так давно. Старик показал нам следы волков.

— Совсем плохой зверь. Много олень и лось губи...

Все ниже и ниже спускались в долину и неожиданно вышли на берег речки.

— Печерья... — объяснил проводник.

Печора здесь еще маленькая живописная лесная речка, но очень

шумливая. По берегам стоят кедры и высокие сочные травы из семейства зонтичных. Трудно поверить, что эта крохотная речка дает начало великой реке Севера. Мы освежились холодными струями и с жадностью пили из ладоней. Вода не отличалась какими-то особыми качествами, но мы хвалили ее вкус: в этом краю нам все нравится.

— Давайте заночуем здесь,— предложил Саша.

— Спать-то тут хорошо-о. Лошадь сено много кушай,— поддержал старик и стал привязывать коня к дереву.

— Когда же придем на Маньпуыгнер! — возмутился я.

— Завтра будем...

Я подчинился желанию большинства, хотя мне не терпелось поскорее увидеть сказочные останцы. На облюбованном берегу маленькой Печоры устроили лагерь. Пока разводили костер, потом варили глухаря, я занимался грибами. Проводник с недоверием смотрел на мою работу. Саша нетерпеливо поглядывал на булькающий над костром котелок с глухариным варевом.

Кастрюлю с грибами повесили рядом с котелком.

— Сейчас, Петр Ефимович, ты попробуешь русской пищи.

— Давай, давай-ай...

Когда все было готово, проводник взял ложкой гриб. Попробовал и задумался. Потом взял еще грибок и еще. Проглотив несколько, он замотал головой:

— Хорошо-о!.. Кусно, кусно!..

Старик с аппетитом ел грибы, запивал их крепким чаем. Он заваривал его густо, пил всегда с особым наслаждением, по несколько кружек. И при этом почти ежедневно говорил нам с Сашей одну и ту же фразу:

— Чай-та много пьешь — будешь крепкой!..

Рано утром нас снова будят выстрелы в тайге.

— «Дерсу» промышляет,— сказал Саша, сонно потягиваясь в спальном мешке.

Я прислушался. Где-то далеко лаяла собака. Потом прогремел еще один выстрел.

— Глухарей про запас готовит...

Через некоторое время пришел старик и бросил у костра двух черных петухов.

— Зачем много спишь? — с укором сказал он.— Утром охота хороший. На котел мяса нада!..

Долгими были наши сборы поутру. Позавтракать, собрать палатку и снаряжение, навьючить лошадей — на это уходит много времени.

— Пойдем на Маньпуыгнер, начальник,— сказал старик, взяв лошадь за уздечку.

Отправились в наш последний переход. Тайга постепенно редела. Под ногами снова карликовый березняк. От него сапоги покрывались желтой пылью. Шли по направлению к седловине. Отсюда хорошо был

виден купол горы Печерьяталяхсяхль, от которой берет начало Печора. Урал сплошной стеной тянется над тайгой и уходит далеко на север. Там виднеется цепь гор с вершинами Ёвт-Хури и Маньквотнёр.

Приблизились к седловине. Почти от самого седла по склону течет ручей. Он хорошо заметен по ярко-зеленой траве, растущей вдоль потока.

[62]

— Начальник, подожди.— Старик бросил повод лошади и побежал к ручью.

Вернувшись обратно, он стал уговаривать нас:

— Место ёмас. Трава много, вода много, дрова есть, спать тут нада. Маньпупыгнер можно завтра...

Что-то неладное творилось с проводником, не торопился он к идолам. А до столбов оставалось совсем немного. Они где-то здесь, сразу за вершиной, в километре от нас. По небу видно, что к вечеру намечался живописный закат. Я не согласился ни на какие уговоры и заявил старику:

— С ходу пойдём на вершину, снимаем там, потом вернемся сюда.

Проводник неохотно согласился. Оставили на поляне часть грузов: палатку, снаряжение, продовольствие. Съёмочную аппаратуру забрали с собой.

Медленно шли среди редких приземистых елочек. Карликовый березняк путался в ногах, мешал идти. Впереди из-за склона неожиданно показалась верхняя часть одного из столбов.

— Ура-а! — закричал молчавший до сего времени Саша.— Маньпупыгнер!..

— Маньпупыгнер, Маньпупыгнер,— закивал головой Петр Ефимович, но на его лице было больше растерянности, чем радости.

Я ринулся вперед, щелкая на ходу фотоаппаратом. Перед нами один за другим стали показываться знаменитые столбы. И наконец открылась удивительная картина. На ровном плато, как солдаты, выстроились причудливые каменные истуканы. В первые минуты даже как-то жутко смотреть на эти странные творения природы.

Направляемся к первому, самому высокому столбу. Лошади насторожились, плотно прижали уши. Одна из них заметалась, заржала и рванулась в сторону. Проводник едва сдержал ее. Оказывается, необычный вид каменных изваяний действует даже на животных!

В предвечернем воздухе полное затишье. Это еще более усилило ощущение таинственности. Лошади мало-помалу привыкли и стали пощипывать траву. Лишь изредка косились на столбы, лишней раз проверяя, нет ли в них чего опасного.

Едва мы успели смонтировать аппаратуру, в западной части неба появились изумительные по красоте облака. Они клубились, каждую минуту меняли свои формы. Одно облако наплыло на солнце, края его запылали, как раскаленный металл. На этом фоне четко вырисовывался силуэт каменного гиганта. Через минуту облако приняло уже другие очертания — вытянулось вверх, загнулось, стало похожим на странную каменную фигуру. Еще через минуту оно расплзлось в сплошную позд-

реватую массу и закрыло солнце. Сквозь частые просветы на землю веером падали яркие лучи.

Пылал огненными красками закат. На фоне его выделялся массивный столб, напоминающий средневековую башню с бойницами. В стороне стоял с конями Петр Ефимович и наблюдал за нашей работой. Трудно было понять, что происходило со стариком. Он был грустен, молчалив и, казалось, нетерпеливо ждал конца съемки.

Когда багровый солнечный диск уплыл за горизонт, наступили сумерки. Мы направились к ручью, где проводник выбрал место для ночлега.

На стоянке старый манси заметно повеселел. Дейтельно занимался костром, ощипывал глухаря на ужин.

— Сашка, тащи вода! Чай нада!..

И при этом хитренько и выжидающе поглядывал на меня. Я понял его взгляды. Достал обещанную бутылку коньяка. Старик обрадовался.

Наш торжественный ужин проходил у ночного костра. Где-то рядом, в темноте, кричали горные куропатки. Я попробовал отойти в сторону и посмотреть на наш костер из темноты. На едва светлеющем небе выделялись очертания вершин Поясового Камня. Тайга потонула внизу, на темном дне долины Печоры. И среди этого безмолвия — яркое пламя костра на склоне Маньшупыгнера.

Утро следующего дня занялось ясное. День обещал хорошую съемку. Теперь можно будет лучше рассмотреть окрестности нашей стоянки и еще раз обследовать камни.

Гора Маньшупыгнер, вытянутая строго по меридиану, состоит из двух вершин, разделенных седловиной. Мы устроили лагерь как раз на седловине, с которой стекал ручей. Над нами высилась вторая вершина, за ней, на ровном плато, находились каменные столбы.

Центральная группа останцов Маньшупыгнера состоит из семи отдельных скал. В стороне, на значительном расстоянии от остальных шести, выделяется мощный тридцатичетырехметровый столб. Это массивная бутылеобразная колонна, прочно стоящая в центре плато.

Группа из шести — самая оригинальная. Эти останцы расположены в одну линию над крутым обрывом, усыпанным глыбами камней — продуктами их собственного разрушения. Один из останцов напоминает фигуру с острова Пасхи. Другой кажется похожим на карлика или гнома, посаженного в мешок.

К западу от центральной группы останцов на нижней площадке привлекают внимание еще несколько каменных глыб. Среди них мощная скала, напоминающая с одной стороны торс мамонта с отбитыми бивнями. С другой стороны вершина этого камня создает впечатление головы льва с огромной трещиной на затылке. «Грива» льва держится на очень маленьких камнях и, кажется, вот-вот рухнет.

Рядом находится скала, схожая с фигурой сфинкса. И на ней

же — небольшой балансирующий камень. Группу дополняет стоящий особняком останец, похожий сверху на сторожевую башню с амбразурами — это с одной стороны. А с другого направления в очертаниях камня можно угадать контуры лежащего верблюда.

[64]

Кончив съемку у Льва и Верблюда, мы перешли к центральной группе столбов. Сначала к Бутыли, потом к шести останцам у обрыва. Торопились заснять как можно больше кадров в этот день.

И это было совсем не легко. Каждый кадр нужно как-то интересно построить, выбрать выгодные, живописные точки. Прежде чем заснять камень, обойдешь его со всех сторон, понаблюдаешь под разными ракурсами. И только тогда берешься за кинокамеру.

К концу дня мы оказались у стоящих над обрывом шести скал. На съемку этих останцов тоже ушло много времени. Мой помощник уже беспокоился.

— Не пора ли кончать? Что-то есть хочется...

Решаем на сегодня съемку закончить. Саша с проводником увозят на конях аппаратуру к большому столбу. Там ждут меня. Я задерживаюсь, чтобы посмотреть на шестерку камней с разных направлений и установить, видно ли заходящее солнце между столбами этой группы.

Прыгая по каменной россыпи под фигурами, я мимолетно взглянул на них и ахнул от удивления. Три фигуры, стоящие в ряд, мы только что снимали с одного направления и видели в них нечто похожее на идолов или чудовищ. А теперь же я увидел четкие силуэты сидящего кролика, голову барана и... человеческий бюст!

Человеческий силуэт производил особенное впечатление. Представьте себе бюст человека на пьедестале с характерной прической времен Грибоедова и Гоголя. С ясной линией лба и надбровных дуг, носа и открытого рта. С четко выраженным подбородком, шеей и выпяченной грудью с пышным жабо — вылитый Хлестаков! С другого направления этот камень совершенно терял сходство с Хлестаковым и становился похожим на элегантный профиль английской леди восемнадцатого столетия.

За этим бюстом — фигура барана или, вернее всего, известная шахматная фигура коня, но с головой барана. А если на нее взглянуть с другой стороны, то в очертаниях камня появляется что-то человеческое. Третья скала — сидящий кролик с длинными ушами.

Я карабкаюсь по россыпи вверх, кричу и делаю знаки Саше:

— Разгружай аппаратуру!

Он не слышит и не понимает меня. Бегу к нему, сам снимаю с коней кинокамеру и с помощником возвращаюсь на найденную мной точку.

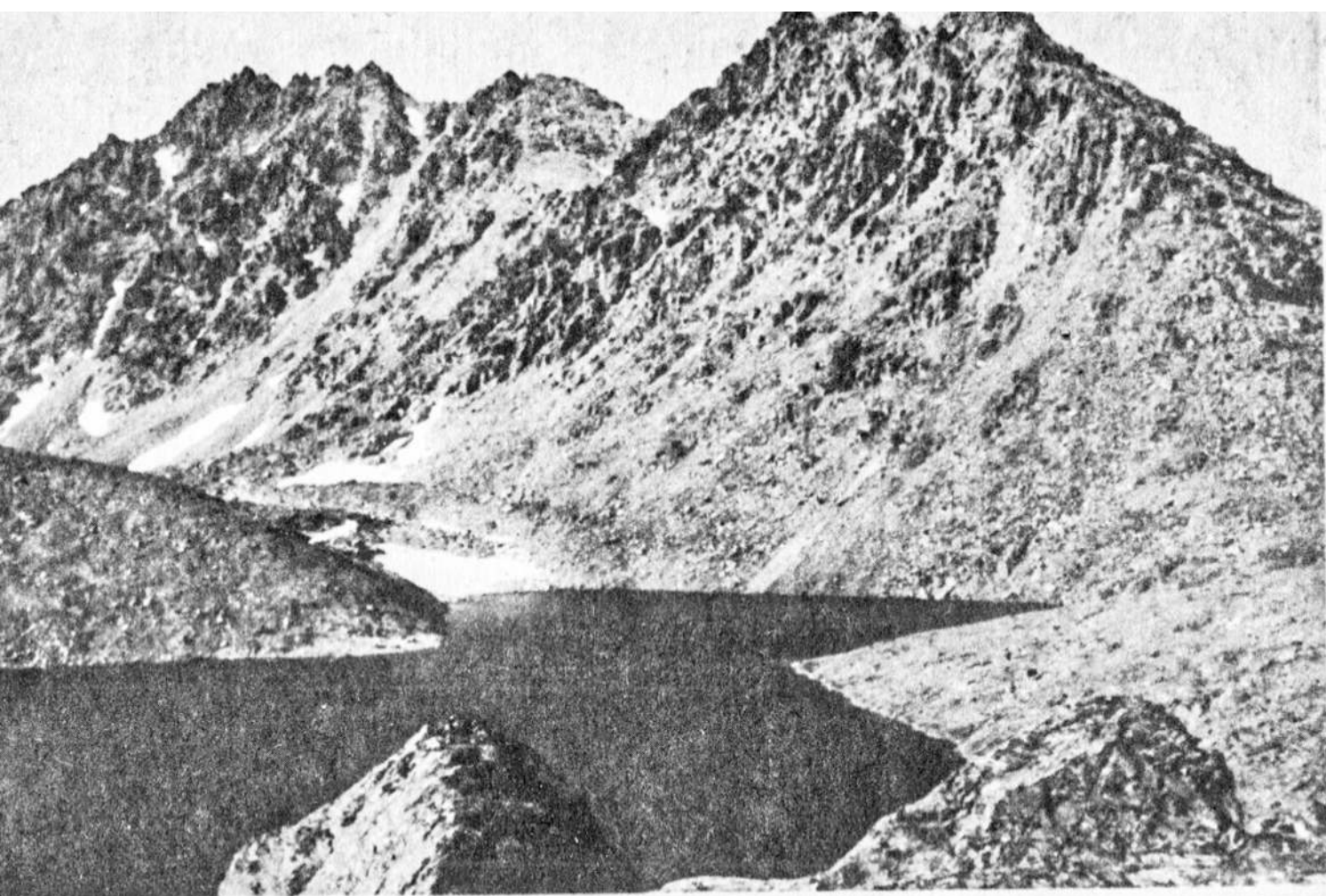
— Видишь?..

— Вот это да!..

Прошу его вместе с Петром Ефимовичем позировать мне возле камней. Вместе с ними и Паль решил засняться. В сравнении с двумя человеческими фигурами и собакой камни сразу «выросли», обрели монументальность.

Самый красивый Урал

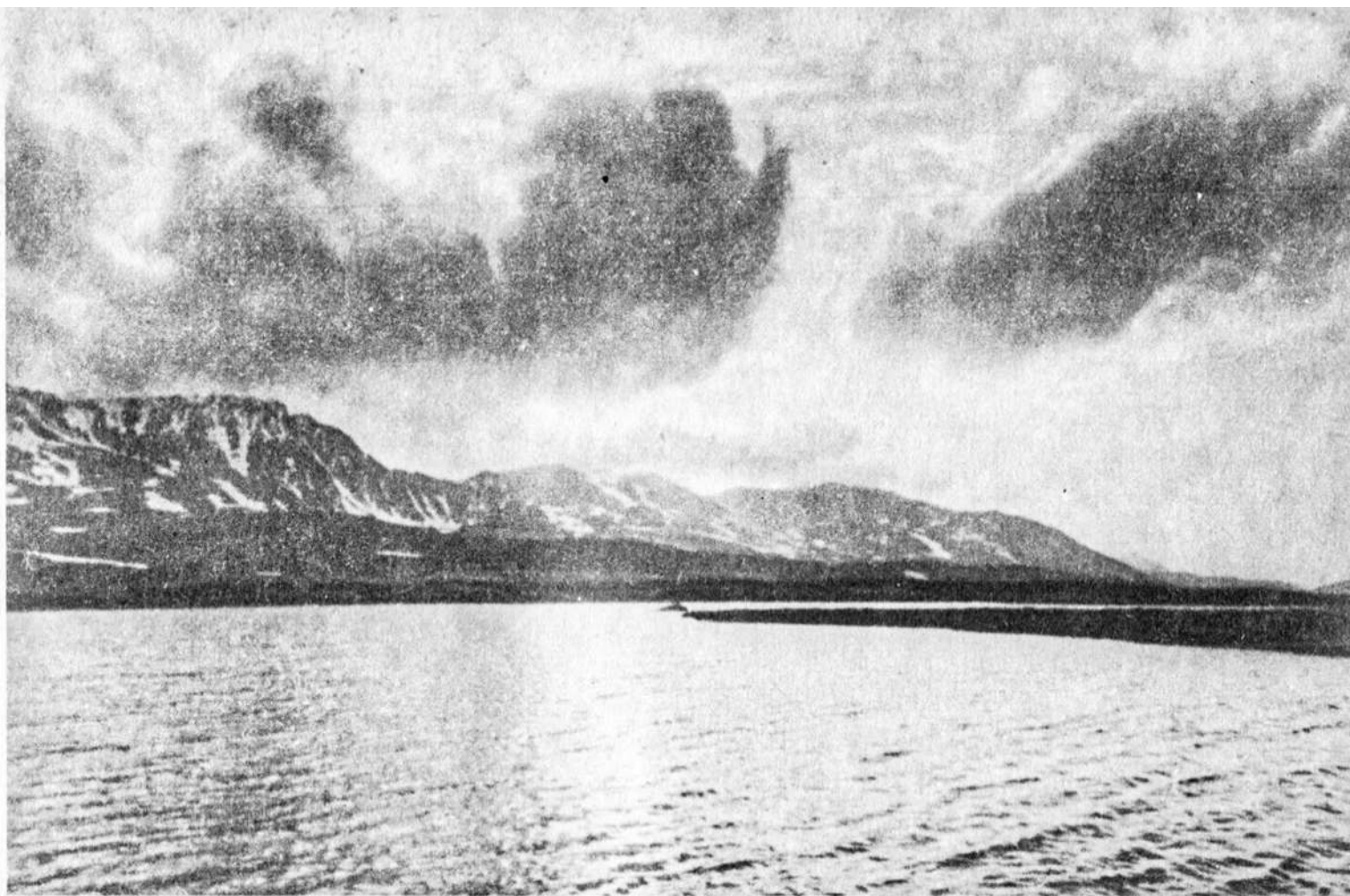

Хребет Оченырл

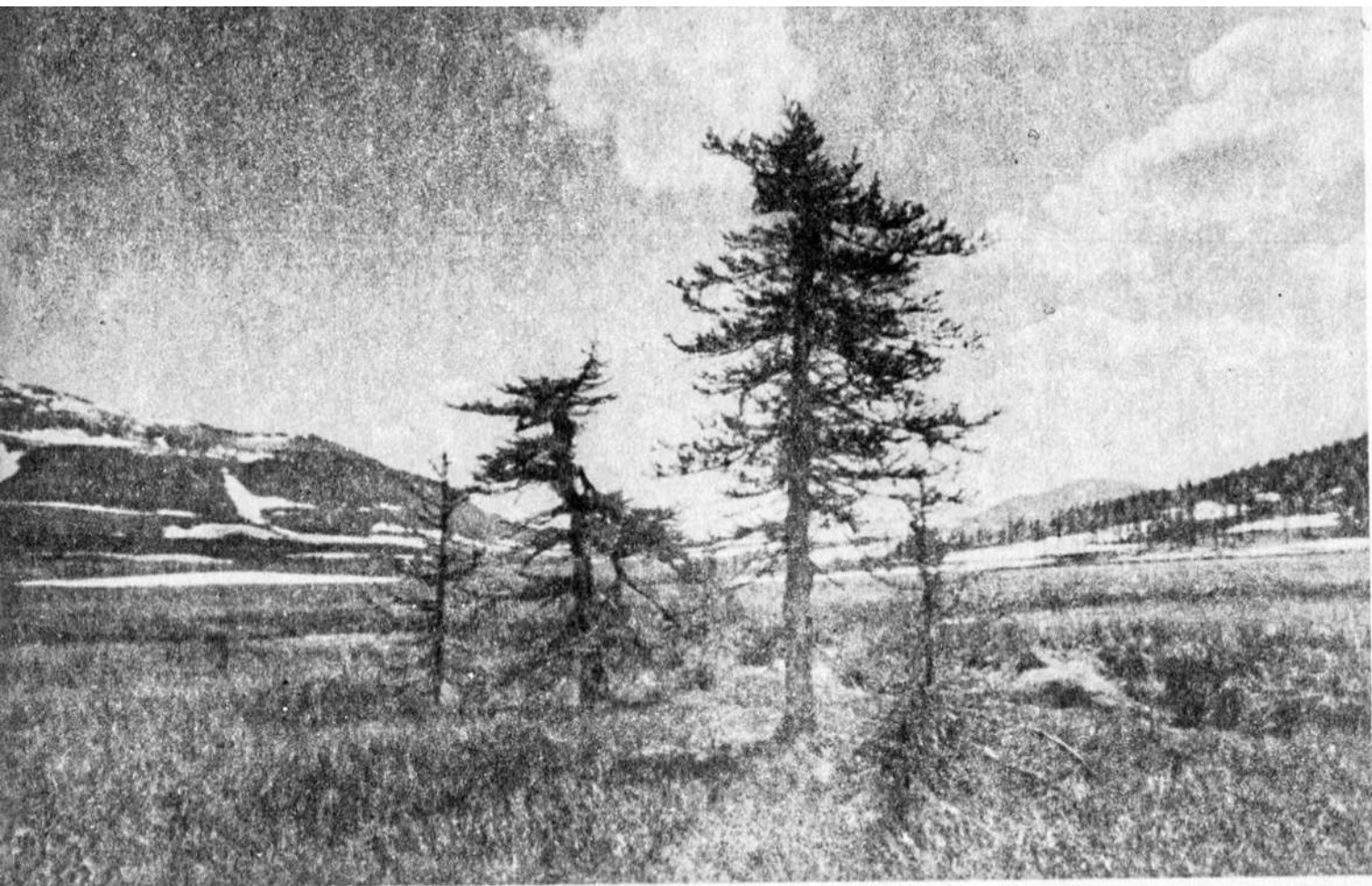
База гляциологов на берегу озера Хадата-Юган-Лор

Горное озеро под хребтом Сабли

Ледник Гофмана

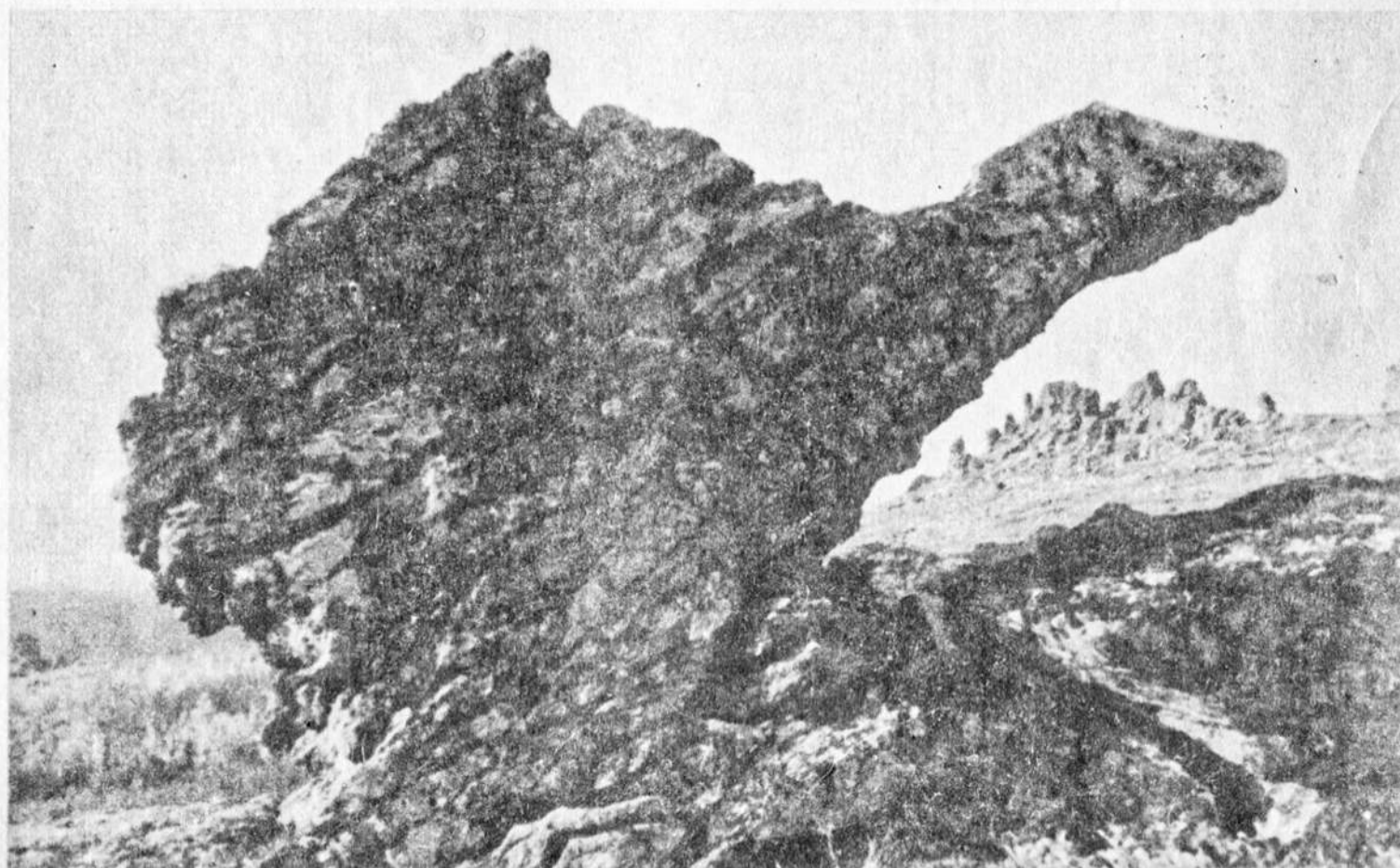
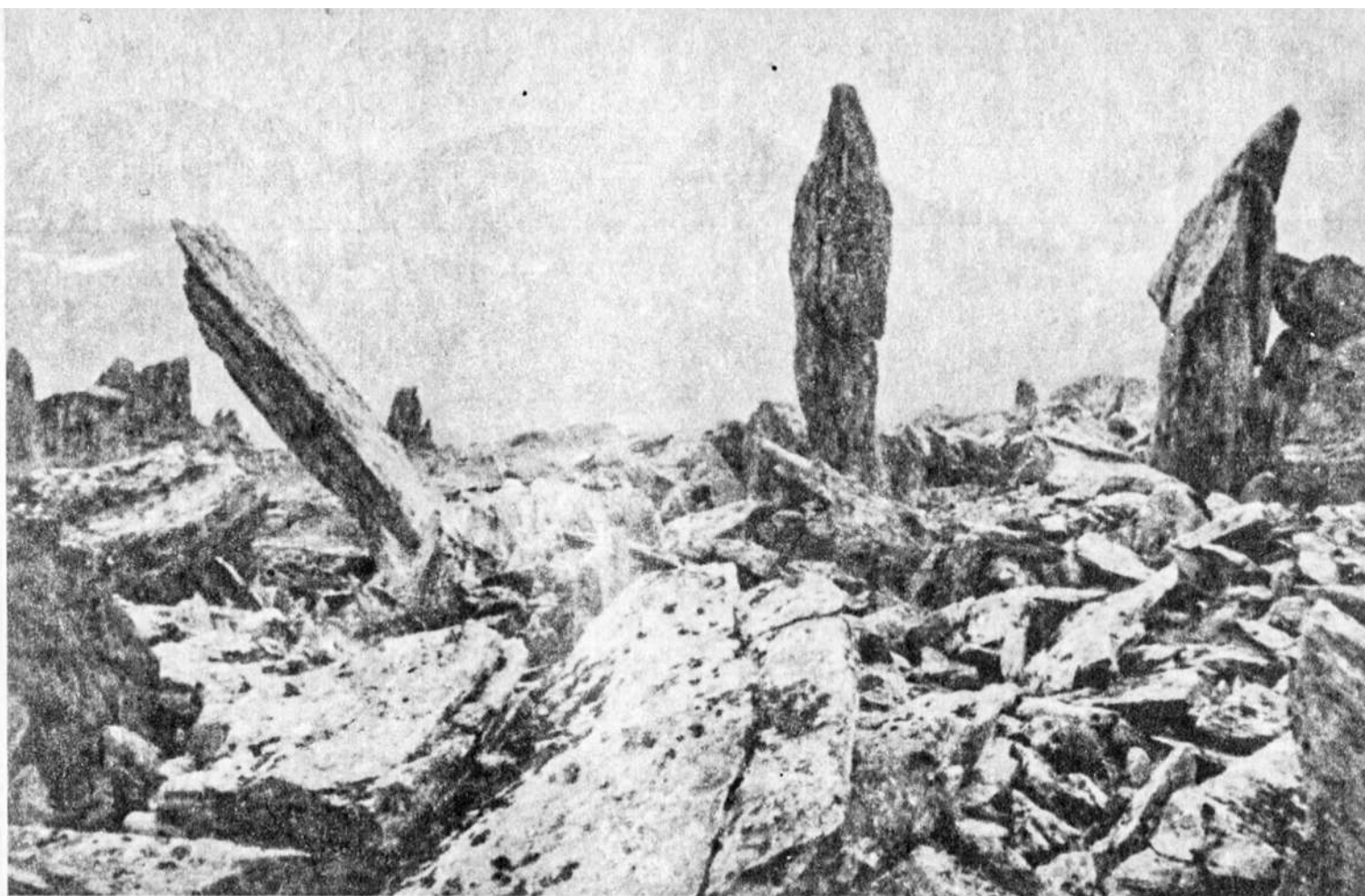

Возле Аранецкого перевала

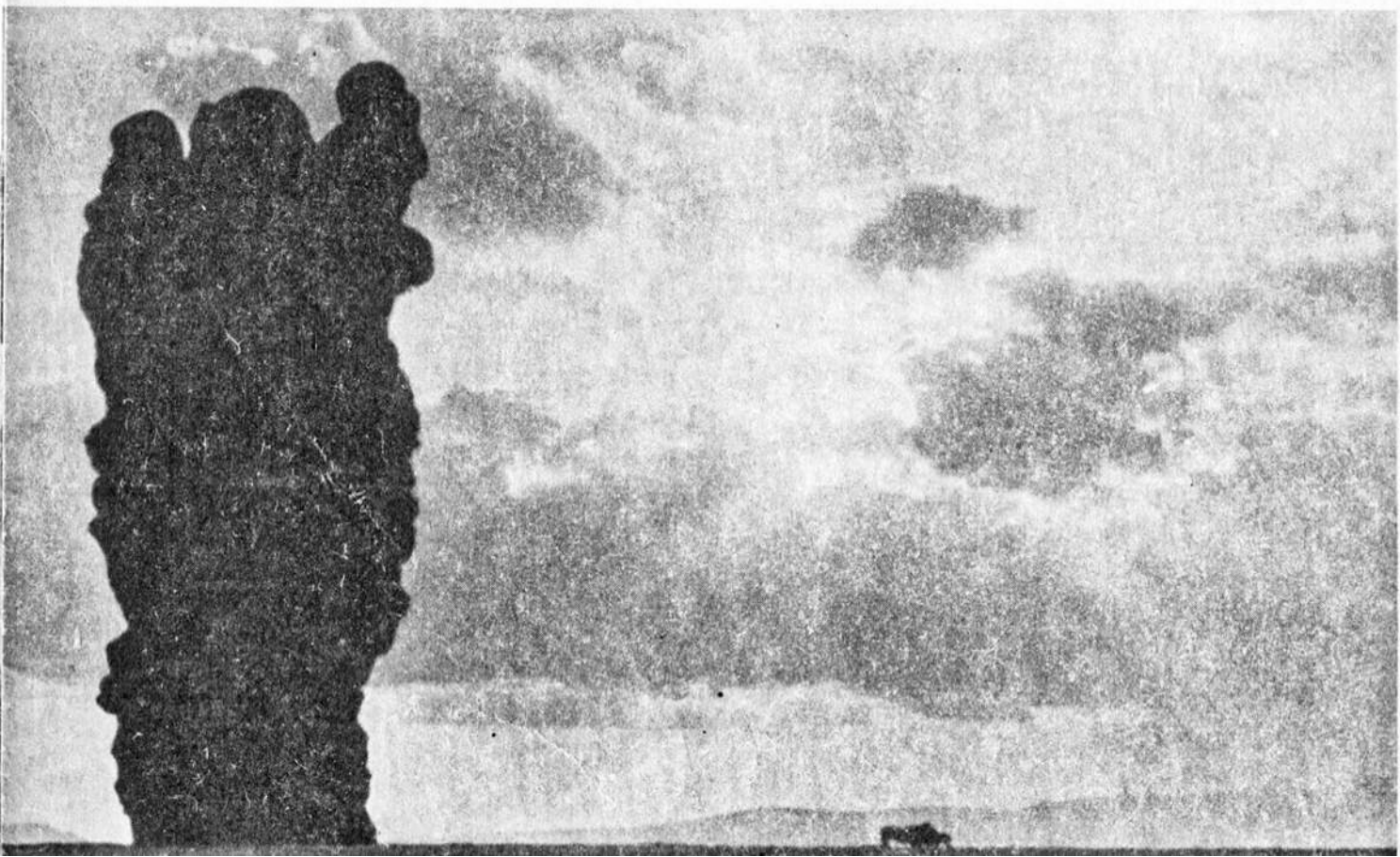
Высокогорное озеро под ледником Гофмана

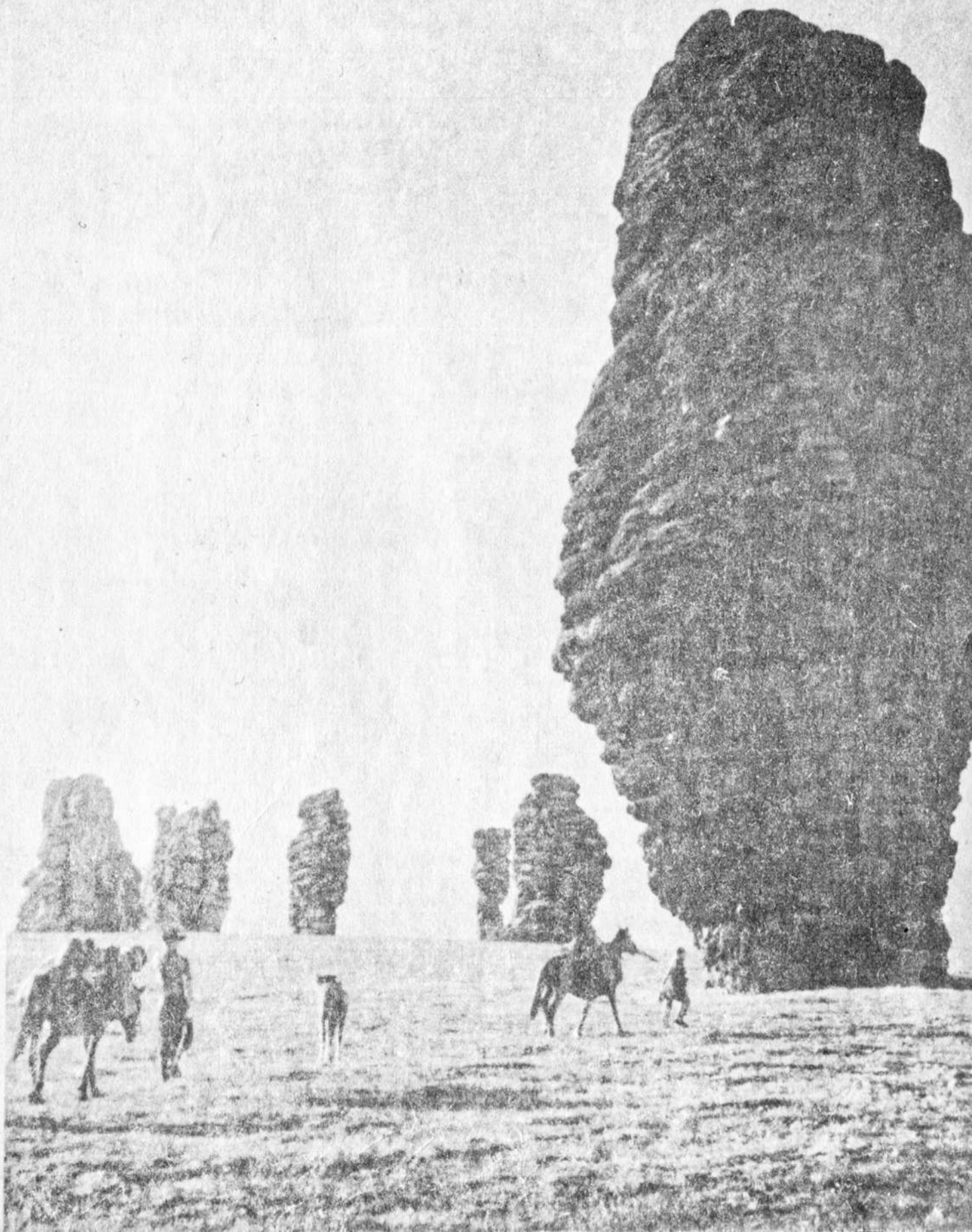
Каменная фантазия гор

По ледяному панцирю озера Турват

На горе каменных идолов

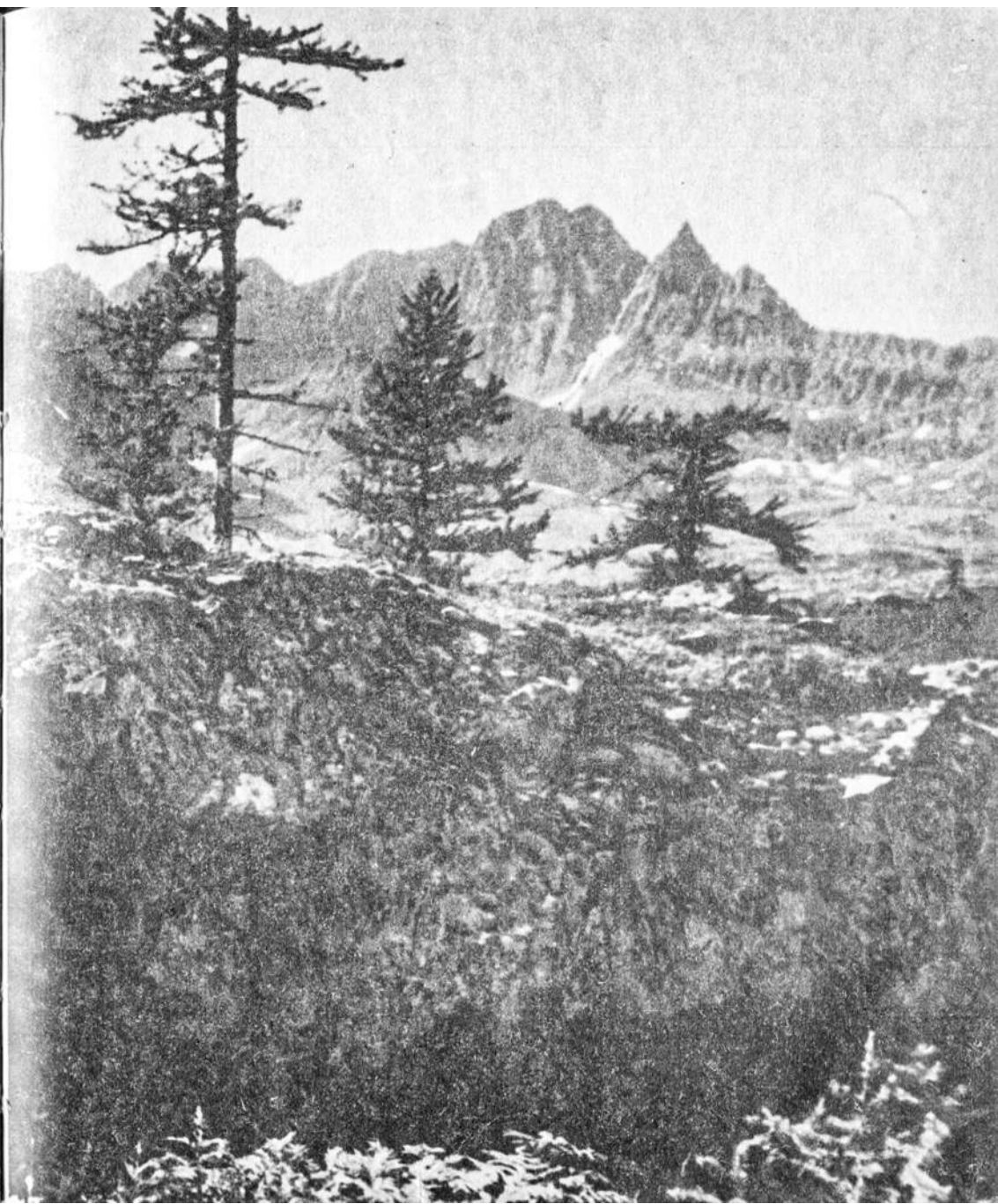
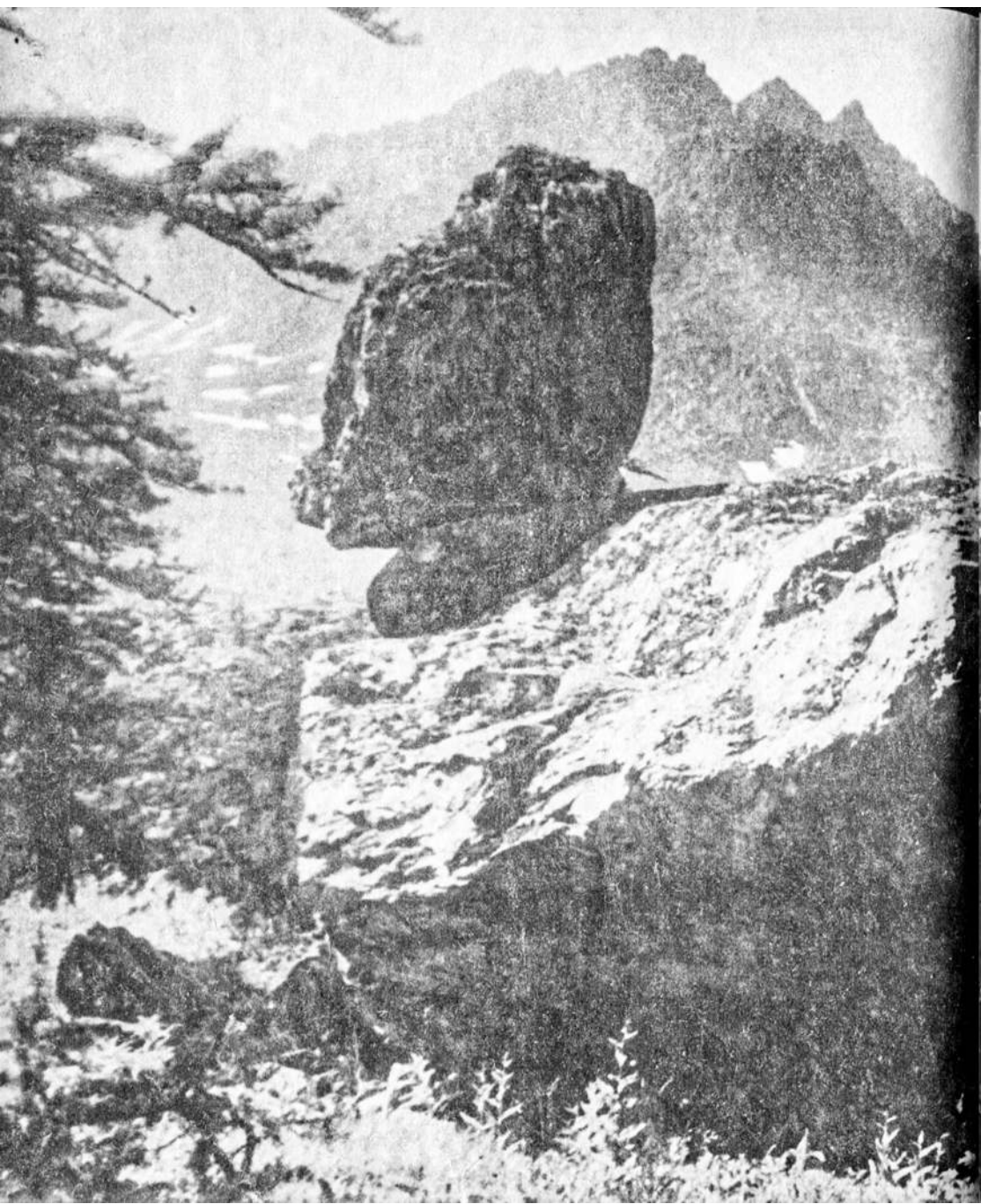
Село Няксимволь на Северной Сосьве

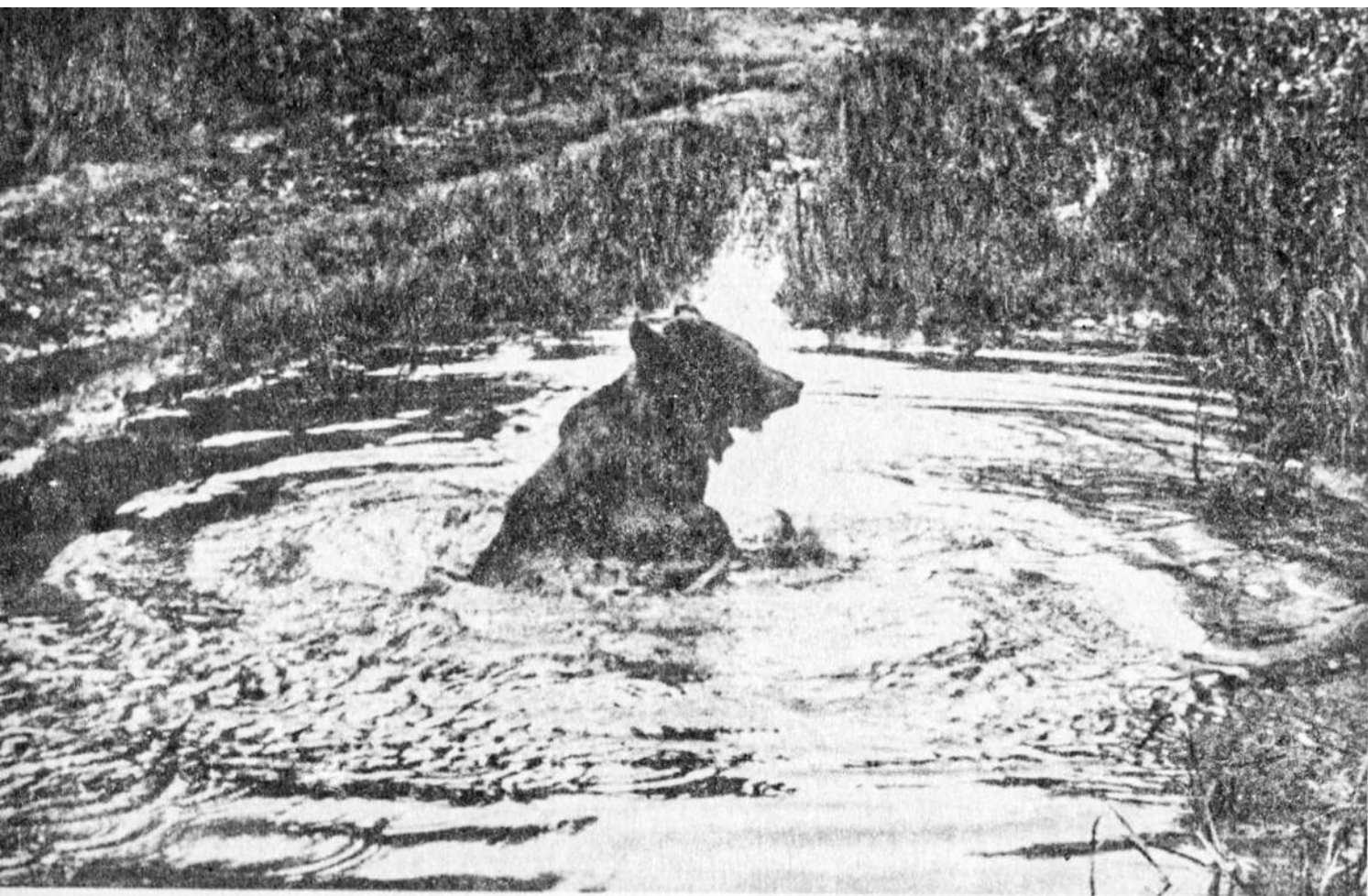

Чай на свежем воздухе

Маленькая мансийка

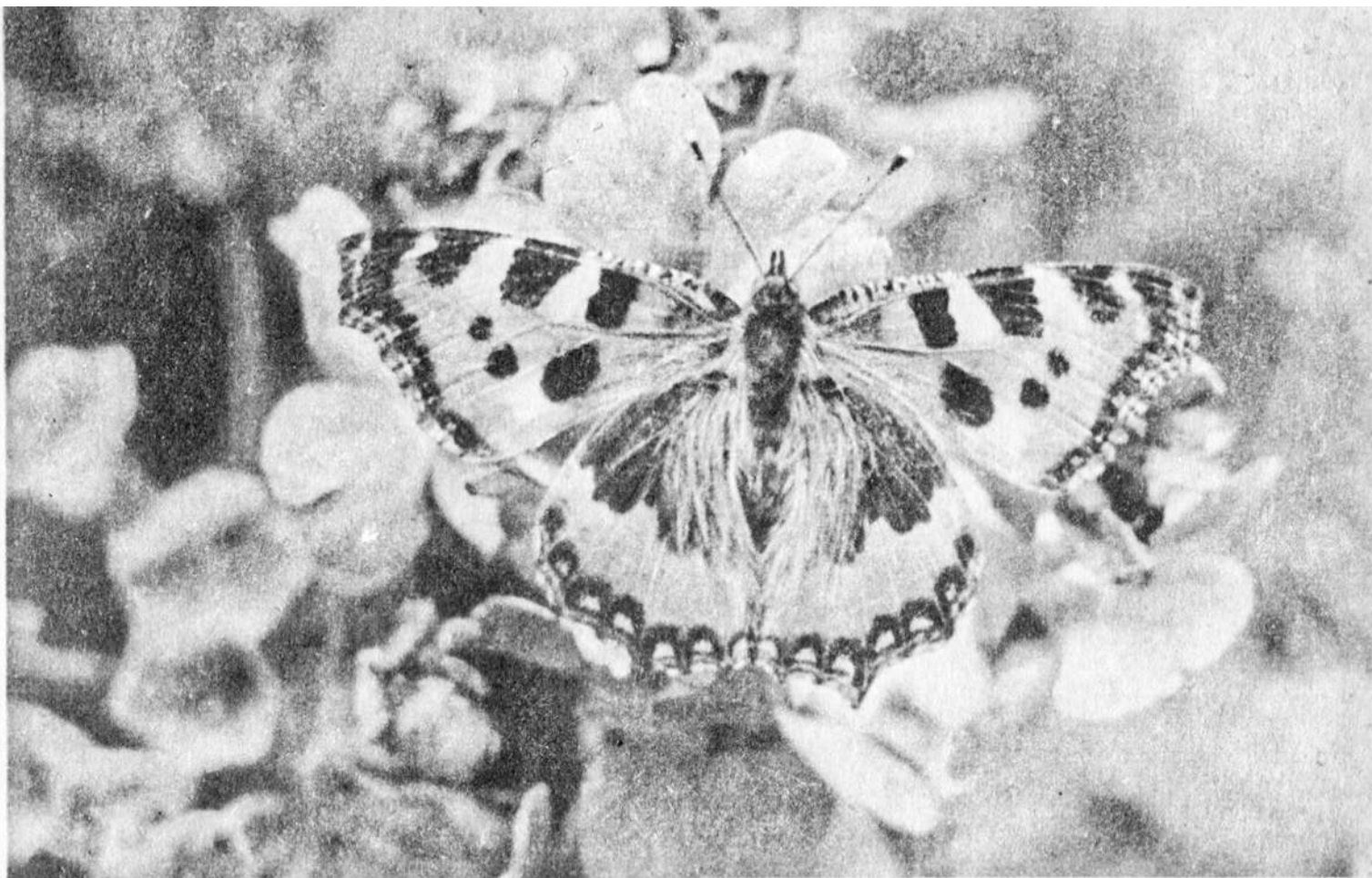

Хозяин тайги крупным планом

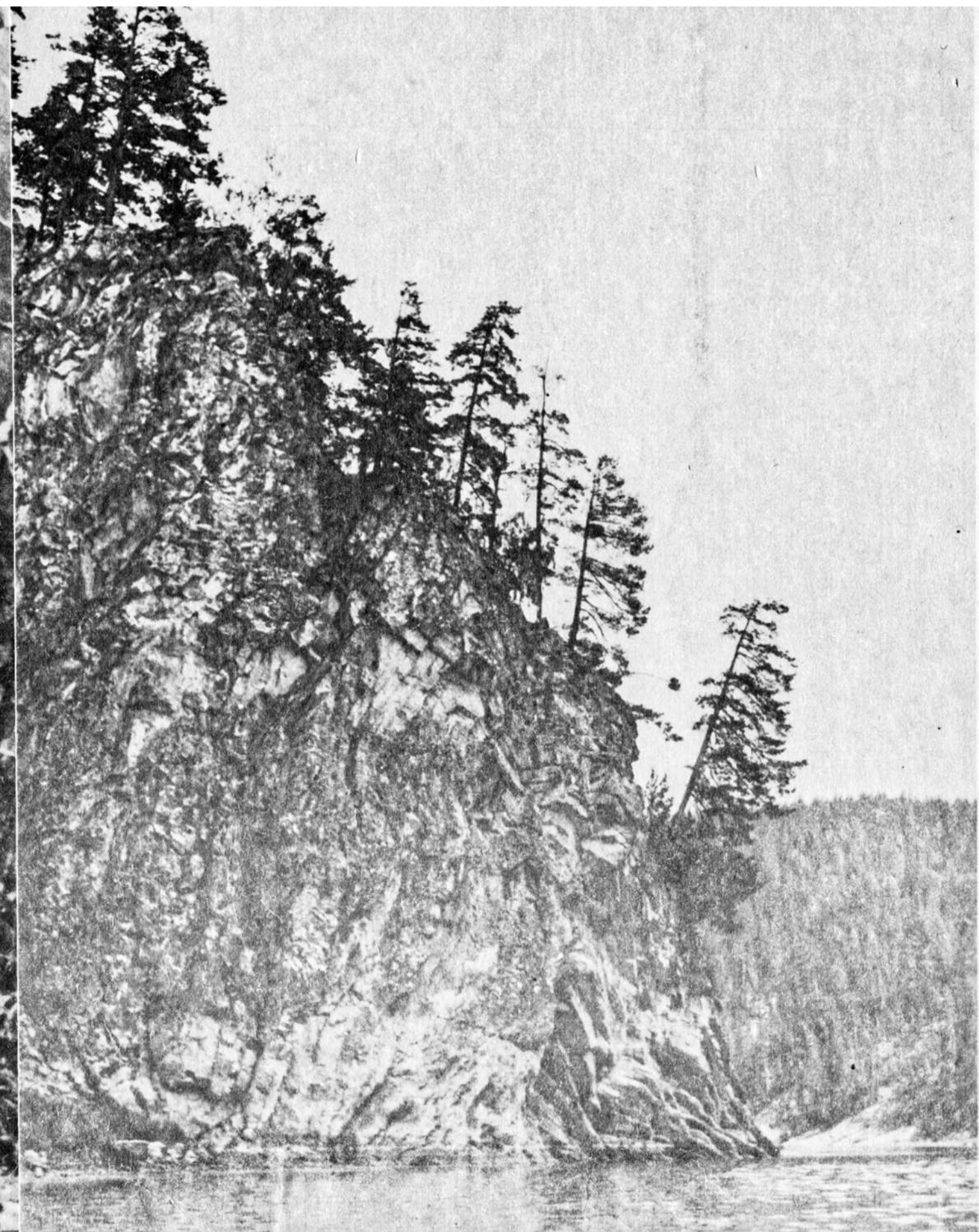

Токующий глухарь

Лес полон жизни...

На Чусовой

В свой лагерь мы возвращались усталые, но удовлетворенные. И дорогой, и потом у костра я долго размышлял об удивительных творениях, которые создала здесь природа.

Как же образовались причудливые камни на вершине Маньпупыгнера?

Мансийская легенда говорит, что это были богатыри, шедшие под предводительством своего шамана на восток, чтобы погубить вогульский народ. Но когда они поднялись на эту вершину и увидели вдали священную гору вогулов Ялпингнёр — предводитель богатырей в ужасе бросил барабан и все они окаменели. Барабан тоже окаменел, превратился в гору. С тех пор она называется «Койп», что означает «барабан».

Само название горы Маньпупыгнер переводится с мансийского как Малая гора богов. Возможно, в древности она была предметом языческого поклонения предков манси.

Но как же в действительности очутились гигантские камни на Маньпупыгнере? Вот что говорит об этом наука.

Все эти оригинальные формы создала природа благодаря действию воды, ветра и температурных колебаний. Жара и мороз, дождь и снег, вода и ветер, растения и животные — вот что разрушает камень.

Несокрушимы, казалось бы, заоблачные вершины, где не растут даже лишайники, но и они постоянно и упорно разрушаются невидимыми глазу существами — микроорганизмами. У этих бактерий есть даже свои определенные вкусы: одни питаются только полевыми шпатами, другие пожирают только слюду. Разрушенный бактериями минерал превращается в пыль и песок. Ветер подхватывает мелкие песчинки, ударяет ими о скалы, выбивает углубления на их поверхности.

На вершинах Северного Урала процессы разрушения протекают в условиях, близких к полярной зоне. Основным разрушителем горных пород здесь является так называемое морозное выветривание, связанное с замерзанием воды в трещинах, особенно весной и осенью. Это характерно для края сурового климата, где в течение дня и ночи в осеннее и весеннее время происходят резкие колебания температуры.

Морозное выветривание создает интересные формы, прекрасным примером которых являются живописные руины на горе каменных идолов. На сотни километров вокруг тянется безлюдная тайга, а над ней, среди горной пустыни, как замок, стоит гора Маньпупыгнер.

Мне посчастливилось снова увидеть диковинные камни. Через шесть лет я опять оказался у их подножия. На этот раз от Пермской студии телевидения. «На гору каменных идолов» — так должен был называться фильм.

Как и прежде, свой конный караван мы снаряжали в Усть-Манье.

Лесная природа на берегах как будто не изменилась. Все тот же шум Северной Сосьвы. Неизменными были и почерневшие избы мансийской деревушки. Я смотрел на все с внутренним волнением, словно вернулся на родину после долгого отсутствия.

Из прежних знакомых я встретил Николая — сына нашего бывшего проводника. Парень вырос, возмужал. Мой первый вопрос был об отце.

— Пойдем... Увидишь,— сказал он и повел меня в поселок.

На берегу перед домом, повернувшись к нам спиной, трудился над новой лодкой старик.

— Не видишь, что ли, кто там? — спросил Николай.

Я узнал знакомую фигуру давнего спутника.

— Петр Ефимович!

Старик обернулся. Отложил в сторону топор. Направился к нам. Лицо его расплылось в улыбке. Он подходил ко мне, вытянув обе руки вперед.

— Пася, пася!..

— Здравствуй, Петр Ефимович!..

Крепкие рукопожатия. Я всматриваюсь в лицо старика. Постарел приятель.

— Как поживаешь, Петр Ефимович? На охоту ходишь?

— Ходим, ходим,— качает он головой и спрашивает: — Опять Урал идешь?

— Маньпупыгнер снова буду снимать.

— О! Хорошо, хорошо.

— Собирались мы с тобой на Тосамтоую за глухарями,— вспомнил я наш разговор шестилетней давности.

Старик качает головой:

— Там экспедиция много работай. Теперь глухарь нет, лось далеко бегай...

Подумав, спросил меня:

— Я слышал — ты много ходи манси-ма?

— Много, Петр Ефимович, много.

— Лопсия был? Няйс был? Висум¹ был?

— Был, был.

— Другой год опять здесь будешь? — спросил старик.

— Наверно, буду. Хочу снимать маленьких глухарят.

— Давай... Место знаю. Тебе покажу.

Я крепко пожал ему руку.

— Пойдем изба чай пить,— пригласил Петр Ефимович.

В избе я попытался узнать, может ли он пойти с нами и на этот раз.

— Далеко... Больной стал. Нога терпит нету...

— Кто же согласится?..

— Данил Анямов может. Мой Николай возьми...

Окончательный выбор пал на Данилу Анямова, так как Николай был занят на сенокосе.

¹ На каргах — река Висим.

Помощником моим на этот раз был Евгений, умелый на все руки парень. Мы повторяли маршрут 1957 года. Но теперь у нас было столько лошадей, что каждый ехал верхом. Три коня под седоков, три — под вьюки.

Какое все-таки это удовольствие — верхом на коне! Плутаешь по тайге, переходишь вброд бурные реки, поднимаешься в горы... Всегда чувствуешь себя вдвоем. Конь твой первый товарищ. С ним ты разговариваешь, он как будто понимает человеческую речь. Послушен, охотно принимает ласку.

[67]

Едущий впереди Данила весело насвистывает, восхищенным взглядом оглядывает тайгу. Неожиданно повернувшись в мою сторону, он спрашивает:

— Слушай, зачем война бывает?

Я отвечаю:

— Одни хотят землю у других захватить. Как, по вашей легенде, это хотели сделать богатыри на Маньшупыгнере — покорить ваш народ...

Данила удивлен:

— Зачем мне чужая земля? Возьми меня из тайги — я пропаду совсем!..

Мне понятно его откровение. Да, Даниле тайга — мать, она ему школа, в ней — вся его жизнь. Ему в ней все ясно, все известно. Каждый кедр, каждая елочка — его.

Даниле сорок лет. Из своей тайги он никуда не ездил. Даже в Ивделе не бывал. Поезда никогда не видел! Странно в наше время встретить такого человека. Однако у Данилы есть чему поучиться. Он очень умелый таежный следопыт, опытный охотник, оленевод. Скромнен, честен, добр, вежлив. По-настоящему хороший человек, на которого всегда можно положиться.

По знакомой тропе мы дошли до хариусной ямы в верховьях Маньи. Здесь у всех оленеводов традиционное место ночлега перед подъемом на Урал. Я обмакнул руку в холодную чистую воду речки, обмыл вспотевшее лицо. Мысленно приветствовал речонку: «Здравствуй, давняя знакомая! Привет, маленькая речка Манья!»

В сумерках мы поднялись от истока Печоры на гору Маньшупыгнер. В знакомом состоянии замешательства стоим перед окаменевшими «богатырями». Зачарованно смотрим на таинственные творения природы.

Наконец вспоминаем, зачем пришли сюда. Готовим к съемке кинокамеру. Но на наших глазах погода неожиданно стала меняться. Небо заволочило тучами, истуканы наполовину скрылись в облачной массе. Под нахлынувшей хмарью стемнело. Съемка не состоялась.

В отличие от прежнего проводника Петра Ефимовича Данила проявил полное равнодушие к священным камням и перемене погоды. Нашел место для лагеря в самой близости к останцам. Они были видны из палатки. И дров для костра было в избытке. И лошадям травы вволю.

Мы легли спать теплой осенью, а проснулись зимой. Палатка прогибалась от снега. Обильной кухтой оделась тайга под истуканами.

— Холодрыга-то какая! — ежился в спальном мешке Евгений.

Внезапное наступление зимы в горах не входило в наши планы. Но мы были вынуждены проводить съемку каменных идолов и на снежной натуре. Это казалось и сурово, и живописно.

— Смотри! Ятри! — показал Данила в небо.

Мы видим: летит через Урал тетерев — с восточного склона на западный. Часто-часто машет крыльями. Потом попланирует и снова машет.

— Из Азии в Европу тянет! — смеется Евгений.

— По снежку, наверно, соскучился, — говорю я.

— Манси-ма жить не хочет. Саран-ма полетел, — шутит Данила.

Свое родное Северное Зауралье манси называют Манси-ма. То есть мансийский край, мансийская земля. А земли, расположенные западнее хребта, они именуют «Саран-ма», значит, «Зырянская сторона».

Снег не испортил вида каменных исполинов. Наоборот — придал их облику суровость, усилил эффект сказочности.

Прошла неделя в ежедневной съемке. В горах стали часты туманы, снегопады. Решили покинуть Маньпупыгнер. Однажды утром занялись сборами. Все наше снаряжение оказалось мокрым от непогоды.

Последний кадр в тумане, и мы уходим в горы. Свищет ветер на вершине. Облака облизывают каменные изваяния. Слабыми силуэтами просматриваются они в туманной пелене, порой совсем пропадают. Плохо даже видно Данилу, едущего на коне впереди.

Ловлю глазами очертания камней и мысленно говорю им: «Придется ли еще встретиться с вами?..»

Проходит еще шестнадцать лет. Какими далекими кажутся годы тех конных походов на Маньпупыгнер! С Петром Ефимовичем и с Данилой Анямовым... Их уже нет в живых.

Летом 1979 года я снимал фильм о природе реки Илыча. С высокого берега близ устья Егры-Ляги были видны каменные боги. До них по прямой всего 27 километров. Можно сходить пешком, как теперь поступают туристы. Но мне захотелось посмотреть на каменные дива с воздуха. И я решил воспользоваться вертолетом.

Желающих лететь набралось много. И молодой лесничий Сапа. И московский поэт Эдик. И трое студентов из лесотехнического института. Пришлось уговорить летчиков взять почти всех.

Полет длился минут двенадцать. Вскоре все увидели замысловатых каменных истуканов на ровном плато горы. После виража над ними вертолет приземлился у главного большого столба, по легенде — окаменевшего шамана.

Командир выбрался из кабины, посмотрел на небо:

— Погода отменная! Делайте свое дело. И не торопитесь... — Он достал из сумки узкоплечную кинокамеру. — Я тоже займусь съемкой. Покажите, где тут лучшие точки. Вы человек здесь бывалый.

Летчик прав. За два похода на эту гору я изучил идолов основательно.

— Пошли,— повел я всех к шестерке столбов, стоящих над обрывом к тайге.

Сияло солнце над Уралом. Горная гряда его убегала под горизонт. Окаменевшие великаны смотрели в эту вечную даль. А под их ногами простирался голубоватый океан тайги.

[69]

При съемке меня не покидало удивление — как просто было опуститься с помощью летательного аппарата на гору, которая прежде была для меня досягаема только ценой длительных конных и пеших переходов. И все же, думал я, вертолет своей способностью легко достигать труднодоступные места никогда не заменит прелести долгого таежного путешествия. И как хорошо, что я когда-то испытал эту прелесть!

Прошло 22 года с тех пор, как я впервые увидел каменных идолов. Ничто не изменилось в их облике. Человеческий глаз не способен увидеть изменения в камне за такой ничтожно малый срок. Такими же их зарисовал в 1843 году и путешественник А. А. Кейзерлинг.

Но по жестокому закону выветривания идола когда-нибудь должны разрушиться, упасть, превратиться в груды бесформенных россыпей. Тем бережней должны мы к ним относиться.

Эти удивительные создания природы должны быть сохранены для будущих поколений.

С вертолета я провожал глазами уральское каменное чудо. Я и на этот раз мысленно обращался к молчаливым истуканам: «Прощайте, каменные боги! Теперь, наверно, уж навсегда. Меня ждут другие дороги...»

В зауральской тайге

Наш путь на восток в таежное Зауралье начался все в той же Усть-Манье. Утром к нам пришел Яков Васильевич Канев, бывший бригадир, снаряжавший нас в горы четверть века назад.

— Хотели в Няксимволь плыть? Грузитесь!..

У берега стояла вместительная лодка. На корме возле мотора сидел молодой человек с характерным монгольским лицом.

— Это наш охотовед Саша,— представил его Яков Васильевич.

Парень оторвался от мотора, подошел к нам, поздоровался. Черноволосый, чернобровый, роста небольшого.

Погрузили в лодку аппаратуру и снаряжение. Простились с провожавшими. Быстрое течение подхватило лодку и понесло вниз. Домики Усть-Маньи скрылись за поворотом.

В верховьях Северная Сосьва мелководна. Далеко не везде проедешь на моторе. Нередко приходится браться за шест.

— Дедовским-то способом вернее! — шутит Яков Васильевич.

Я наблюдаю, с каким мастерством Канев орудует длинной палкой с острым железным наконечником. Соразмерные, отработанные движения рук. Профессиональные повороты торсом. Сколько хладнокровия, непоколебимой уверенности в его обветренном лице! Мне нравится этот испытанный таежный житель. И, взяв киноаппарат, я украдкой снимаю его. Он замечает, машет рукой:

— Не трать зря пленку!..

Тут старик увидел возле берега небольшую курью, заросшую травой.

— Саша, — обратился он к охотоведу, — помахай спиннингом. Щуки тут должны быть...

Охотовед не заставляет просить себя дважды. Резкий взмах удилицей, с визгом раскручивается катушка, серебристая блесна летит к траве.

— Блесна-то у тебя больно «вкусная». Не поймашь рыбы, ее варить будем! — шуткой сопровождает рыбалку Яков Васильевич.

Но мы видим: задергалась жилка, натянулась струной. И вскоре Саша подтянул к лодке небольшую щуку.

— Ну вот и уха будет, — сказал Канев.

Я спросил его:

— Как насчет дичи в ваших лесах?

— Да как тебе сказать... Не стало none столько птицы и зверя в тайге, как раньше. Переводится и рыба в реке, и ягода в лесу. А в прежние-то годы этого добра здесь хватало!..

Из-за мыса показались домики Яныпауля — небольшого сельца в пятнадцать мансийских изб. Когда-то здесь был большой населенный пункт, о чем говорит само название: Яны — большой, пауль — поселение, деревня.

До Няксимволя остается двадцать пять километров. Хочется скорее попасть в это село со странным названием. Я слышу, как за спиной мой помощник Евгений мучает непонятное слово:

— Няксимволь... Няксимволь... Что-то заграничное...

— Да, да, — впервые с шуткой вступает в разговор охотовед Саша. — Это недалеко от Рио-де-Жанейро...

Северная Сосьва немного раздалась вширь. Слева влил в нее свои воды Няйс, стекающий с гор Урала. Через девять километров на приподнятом левом берегу показалась цепочка домов Няксимволя.

Село раскинулось на крутом повороте реки. Куда ни глянь — все видно. Загудела моторка, люди выходят на высокий берег и встречают подплывающую лодку. Сверху ли плывут к селу, снизу ли к нему поднимаются, лоно реки — как на ладони.

Название села произошло от мансийских слов няхсам — жабра и воль — плес. Жаберный плес, значит. Отчего так село назвали — по-разному объясняют. По одной версии — оттого, что изгиб реки у села похож на жаберную кость рыб. Есть и другая версия: в старину плес славил-

ся исключительной добычливостью. Весь берег у одинокой избы перво-жителя-манси Номина был усыпан крупными жаберными костями таких распространенных в те времена рыб, как нельма, муксун, таймень.

На другой день после приезда нас представили управляющему Няксимвольским промохотхозяйством Владимиру Кирсантьевичу. Крепкий, приземистый, лет под пятьдесят, без единого седого волоска — этак-кий сибирский кряж.

Выслушав нас, он сказал:

— Найдем для вас лодку и проводника. А теперь пошли обедать. Время. Да и обычай у нас такой — прежде угощать гостей, потом о делах разговаривать...

У управляющего большая семья — пятеро детей. В доме шумно. Хозяйка Анфиса Ивановна с радушием усадила нас за стол.

— Угощайтесь, не скромничайте.

За столом и происходили все деловые разговоры. Вопрос о нашем продвижении вниз по Северной Сосьве был решен: нам дадут лодку и моториста.

— А где у вас можно заснять на кинолентку глухарей?

Владимир Кирсантьевич подумал.

— Кроме Висима, пожалуй, нигде. Есть тут у нас такая река. Интересные можно наблюдать картины. Кстати, наш охотовед Саша хорошо знает эти места. Вот с ним, наверно, вас и отправим...

Во второй половине дня в конторе промохотхозяйства проводилось собрание охотников. В тесном помещении было людно и шумливо. Но отчетливо слышался повелительный голос управляющего:

— Всем — на охоту! Иначе — завалим план!

Кто-то возразил, что сено не скошено, снаряжение к охоте не собрано, дела домашние не сделаны...

— Почему сидишь дома? — обратился управляющий к одному из промысловиков.

— Да, Владимир Кирсантьевич, собаки у меня доброй нету. Какой я охотник без нее!..

— Хоть какая-то собака у тебя есть?

— Собачонка имеется, только она у меня соболя в обратную сторону следит...

Все присутствующие рассмеялись. Забавно: как это собака ищет соболя по следу не туда, куда он убежал, а туда, откуда он появился. Засмеялся и сам управляющий и с улыбкой возмутился:

— Безобразие!

Тут же наш знакомый охотовед. Один из охотников просит у него оленей:

— Сашка, дай-ка нам хороших быков, будем на волков ходить. Нынче их шибко много развелось...

Заговорили о лицензиях на отстрел лосей. Владимир Кирсантьевич предупредил:

— По лицензии бить только крупного лося! В основном быков!..

— Э-э.. — произнес кто-то. — Крупный лось — это хорошо. А если поменьше встретится?..

— Маток не трогать! Телят не бить, пусть растут! Через два-три года станем их добывать. Кто убьет теленка — судить будем...

— Сами знаем. Не маленькие, — слышался чей-то голос.

Управляющий продолжал:

[72]

— А то что получается?! Загубили лосенка — пропала лицензия. Мы с вами не браконьеры! По лицензии надо сдавать государству как можно больше мяса. Чтобы в лосе было от трехсот килограммов и выше!..

Охотники улыбались, с хитринкой на лице почесывали затылки: лося-то надо сначала выследить, потом суметь добыть, а затем уже думать о сдаче мяса — не легкое это дело! Но с собрания промысловики расходились веселыми, — скоро опять в родную тайгу на долгие месяцы.

Охотовед Саша согласился взять нас триста километров по Северной Сосьве с заездом на реку Висим. В день отплытия нагрузили вместительную лодку доверху: на корме бочка с бензином, в середине снаряжение с запасом пленки и продовольствия, на носу — съемочная аппаратура.

Северная Сосьва ниже села еще больше раздалась вширь — русло тихое, берега в сплошном лесу. В длинном плесе навстречу появилась одинокая лодчонка: старик манси рыбачит на блесну. Приблизились. Саша выключил мотор, заговорил с рыбаком.

— Селиверст, хул оли? ¹

— Оли...

— Продашь нам?..

— Даром бери...

В лодке старика лежали метровые таймени и крупные щуки. Нам досталось две рыбины. Саша тут же, не отплывая от Селиверста, искусно выпотрошил тайменя, засолил, завернул в мешковину и туго перевязал веревкой.

— Два дня полежит — малосольную таймешатину попробуем!..

Снова тянутся лесные берега, таежное безмолвие на десятки километров. И опять одинокая лодка впереди. В ней молодой манси. У охотоведа есть разговор и с этим охотником. Зовут его Алексей Куриков. Он спокойно отвечает на вопросы и тихонько шевелит в воде веслом в виде большого листа фикуса. Лодка у него крохотная, для одного человека. Кажется, можно взять ее под мышку и понести. В носу лежит собака — верный помощник.

Перед зимой мансийские охотники спешат промыслять ценного пушного зверька ондатру. За этим занятием и застали мы Курикова. Он плыл возле берега и в травянистых обрывах возле ондатровых нор ставил капканы.

Нас радовали такие встречи. Человек в тайге — не случайный про-

¹ Рыба есть? (манс.)

хожий. С ним приятно потолковать, услышать новости: кто, куда и в какое время проплыл на охоту, где добыли лося, где нашли медвежью берлогу...

К вечеру показалось красивое устье реки. Темная тайга обступала ее с берегов и отражалась в спокойном речном зеркале.

— Вот и Висим,— оповестил Саша и направил лодку к берегу.— Здесь мы заночуем.

Нашли место для палатки под кедрами. Слышно было, как на брезент капал дождь. Но нам в палатке было уютно и тепло.

Утром, чуть занялась заря, мы на ногах.

— Выплыть надо пораньше,— торопил нас Саша.— Застанем глухарей на берегу, на гальке...

В предрассветной дымке алея восток за лесом. Весь Висим дышал таежной затаенностью. Мы отплыли в глубь неведомых лесов. Они плотной стеной потянулись по обоим берегам.

Внезапно мотор затих.

— Приготовьтесь! — предупредил Саша.

Это означало — надо взять в руки кинокамеру. Я всматривался вперед. У невысокого песчаного откоса заметил — застыли в настороженной позе три черных лесных петуха-глухаря. Сердце учащенно забилось. Мы медленно приближались к ним. Барьер из высокой травы у берега постепенно скрыл от нас глухарей.

Лодка тихо ткнулась в берег. Птицы были где-то рядом, метрах в десяти, стоило только приподняться и выглянуть из-за травы. Я осторожно вылез из лодки, нагнулся, стал красться и, подняв голову, припал к аппарату. В кадре появился важно шествующий по берегу глухарь, рядом с ним вышагивал другой.

Слева послышался шум крыльев — три петуха взлетели из прибрежной травы. Справа тоже поднялось на крыло несколько птиц. Мы принялись рассматривать в песке лунки и маленькие гроттики, которые наделали глухари в береговых склонах.

— Галечки собирали,— объяснил Саша.

Пока мы осматривали берег, птицы сидели на деревьях вдали и наблюдали за нами.

— Плыдем! — торопил я охотоведа.— Будем снимать сидящих...

Тихо шумел мотор на малых оборотах. Я нацеливался объективом на ближайшего черного красавца. Гнулась вершина дерева под его тяжестью. Гордая осанка, красная бровь над глазом, белый загнутый клюв. Недурной трофей и... без единого выстрела!

Однако близость лодки с людьми заставила птицу улететь. Тяжело взмахнув крыльями, глухарь сначала как бы падал вниз, пронесся над рекой впереди нас, потом взмыл вверх и скрылся за лесом.

— Заповедник здесь надо открыть! — сказал я.

— Так он и был когда-то вблизи этих мест. Сосьво-Кондинским назывался...

— Какие тут великолепные урманы, живописные озера и реки!

— И я люблю эту тайгу, — отвечал Саша. — Не представляю, проживу ли без нее и куда могу уйти отсюда.

— И народ ваш мне нравится.

— Люди у нас хорошие. Но в семье не без урода. Вот, к примеру, куда мы плывем — к Ювану — у него два брата: средний — Илья и младший — Петька. Сам Юван — на редкость добрый человек. Петька — скромный, симпатичный парень. Но Илья — полная противоположность братьям. Озлобленный. Раздражительный. На охоте — безжалостный ко всему живому. Запомнился мне один случай. Плыли мы как-то с ним по речке Хуре...

Рассказ Саши лучше пересказать своими словами.

В воде у берега стоял молодой лось. С мирным любопытством смотрел на выплывающую из-за мыса лодку с людьми. И не думал убегать. Но вдруг почувствовал удары по телу. Продолжал стоять, не понимая, что происходит.

А один из парней в лодке, держа в зубах несколько мелкокалиберных патронов, порывистыми движениями перезаряжал винтовку. Всаживал в зверя пулю за пулей. Никто не успел остановить осатаневшего человека. Это была не охота, а жестокое убийство животного, не пытавшегося скрываться от людей...

Мы продолжали тихо плыть по Висиму на слабо работающем моторе. Всмотривались в дальние берега и негромко вели разговор.

— Как у вас в селе насчет зеленого змия? — поинтересовался у охотоведа мой Евгений.

— В этом деле наша семья тоже не без урода, — отвечал Саша. — Но много есть охотников, которые этим совсем не грешат. Мы как раз плывем к такому: не пьет, не курит.

Глухарей мы больше не встретили. К полудню проплыли устье речки Урайпатья. Пятью километрами выше увидели на берегу палаш.

— Становище Лаверина, Нялингсуйпауль! — объявил Саша. — Дальше не поплывем!

На берегу слабо тлел костер. На жердях над дымом висело мясо, коптилось. На кольях рядом сушилась шкура лоса. Вокруг была разбросана посуда, утварь, одежда.

Саша ушел в глубину елового леса и вскоре вернулся оттуда с хозяином становища — молодым манси.

— Знакомьтесь: это один из наших лучших охотников, Юван Лаверин...

Перед нами стоял с застенчивой улыбкой парень. Чернявый, кареглазый, ростом ниже Саши. Одет в телогрейку, поверх которой из черного сукна лузан — особый охотничий жилет с большим карманом на груди и петлей для топора на спине. На ногах мансийские нярки в виде грубых тапок, сшитых из лосиной кожи. Говорят, совершенно непромокаемая обувь.

Юван оказался приветливым человеком. По случаю нашего приезда сразу стал хлопотать с угощением. Быстро разжег отдельный костер,

повесил над ним чайник. Из шалаша вытащил лосиную голову, разрубил ее на мелкие части. Ведро с мясом водрузил над пламенем.

— Будет знаменитая губа, язык, мозги и уши — вкуснейший охотничий деликатес! — сказал, потирая руки, охотовед.

За трапезой разговорились. Узнали от Ювана, что еще его прадед охотился в этих дремучих лесах. А теперь охотничья удача сопутствует и правнуку. Любит он родную тайгу. Хотя и не балует она его своими щедротами — скупа, сурова, заставляет много трудиться...

— Клюквы нынче ох и много! — говорит Юван. — Пойдем, Саша, посмотрим и товарищам твоим покажем.

Ну как тут не поглядеть! В сопровождении охотника идем на болото. Оно рядом, за черным лесом. Туда ведет узенькая тропинка. Высоченые ели по сторонам. Упавшие поперек тропы деревья, гнилые и трухлявые, преграждают дорогу. Мрачно в этом берендеевом царстве.

Из мрака внезапно вышли на свет. Взору открылось просторное болото, обрамленное с одной стороны кедром, с другой сосновым бором. Юван ведет прямо на болото. Под ногой оседает мох, хлюпает вода. Смотрим — будто рубиновым градом усыпан зыбун, тонущий под ногами. Клюква сама просится в бочку. Да какая — сочная, крупная, с вишней!

— Бочек не хватает, — жалуется охотник Саше. — Завезли бы! Мы с братьями ягоды наберем много...

Саша и сам удивляется нынешнему обилию клюквы. И соображает про себя, что промхозу нельзя упускать такую возможность.

— Да-а... тут несколько бочек собрать можно! А на других болотах сколько ягод!

Возвратились на тропу. Она тянулась дальше в лес по высокому бугру среди соснового бора. За стеной сосен показалось строение — большая приземистая изба с загоном для оленей. Когда подошли к ней, Саша сказал нам:

— Вот эту избу и зовут Нялингсуйпауль...

Тут же узнаем перевод сложного мансийского слова — Поселение в слопцовом бору. Дословно Нялингсуйпауль будет так: няль — слопец, ловушка для глухарей в виде западни, устанавливаемой на земле, суй — бор, пауль — жилье, поселение. Слопцы, ловушки для боровой дичи, устраивались в борах, в урманах среди болот, которые привлекают птиц обильными брусничниками.

Бор Нялингсуй был сухим, светлым, с коврами ягодников и грибными полянами. Все это рядом с избой и банькой по-черному невдалеке. Вместительный лабаз на четырех сваях по соседству. Немного в стороне из зарослей молодого сосняка выглядывал еще один небольшой теремок, именуемый маньколом.

Это старинное становище Лавериных. Жил здесь прадед и дед, потом отец, а теперь хозяином старший сын Юван. Скопище лосиных рогов перед избушкой говорило о том, что много добывалось этого зверя семьей Лавериных.

Хорошее место для жилья выбрали предки Ювана. Затеряно оно

в самой глуши мансийской тайги, вдали от населенных пунктов. Это обстоятельство очень важно для промысловой охоты: таежные звери и птицы избегают больших человеческих поселений, уходят от них в лесные глубины. Теперь это добычливые охотничьи владения Ювана Лаверина.

Вечером Юван готовил на ужин глухаря. Вынул из тушки большой мускулистый желудок и подал мне.

— Смотри, чего он на берегах клюет...

Я с любопытством рассматривал содержимое птичьего желудка — блестящие кварцевые камешки. Их оказалась целая пригоршня.

— Чего ищете? — поинтересовался Саша.

— Алмазины, — ответил я шутя.

— А что, в желудках глухарей иногда находили даже самородки золота!..

Действительно, об этом упоминается в записках охотника-натуралиста Черкасова, который описал случай в Тобольске, когда там началась золотая лихорадка, после того как в одном из глухарей, купленном на рынке, нашли крупицу золота.

Разгребая песок и отыскивая галечки для перетирания пищи, птицы собирают именно камешки и крупички, имеющие стеклянный или металлический блеск.

Веселое пламя костра располагало к мирной беседе. За вкусным варевом и кружкой крепкого чая мы подсчитывали свои кинотрофеи.

— Хорошо удалось заснять глухарей? — спросил Саша.

— Впервые снимал такие картины!..

— Приезжайте к нам во все времена года. Насмотритесь!..

— Мечтаю о весенних токах! — ответил я с азартом.

— Это зрелище заснять стоит! Что только не выделывают глухари на своих токовищах!..

— Приезжай весной, — толкнул меня локтем сидящий рядом Юван.

Над Висимом пылал красный закат. А в другой стороне небосвода из тайги выплывал диск луны. В эти минуты приглашение охотника было особенно заманчивым. И у костра я мечтал о новом путешествии в эти лесные края.

Крепчали заморозки. Нежная позолота слетала с деревьев. Потемнели леса, повяли травы. Глухой мансийской тайгой завладела осень. Зима была не за горами.

Ранним утром, хрустя промерзшей травой, мы осторожно крались к болоту: не жируют ли на клюкве глухари? Но птиц на зыбунах не оказалось.

— На гальку, видно, улетели, — сказал идущий за мной Юван.

— Надо еще раньше вставать и затаиваться, — добавил Саша. — Весной здесь, конечно, веселее. Всюду птичьи свадьбы, турниры...

Раззадорили меня эти разговоры: хоть оставайся здесь до весны! Но надо возвращаться.

Как только над буйным разливом тайги поднялось затуманенное

солнце, мы тронулись в обратный путь. С нами до устья Висима собрался плыть Юван со своим четвероногим другом Копой. Пес сидел в носовой части лодки и все время настороженно поглядывал на берег. Заметно было, как нервно вздрагивали его ноздри: он наделен острым чутьем.

Вот Копа вскочил и застыл в красивой стойке: хвост загнут крючком, уши торчат, как у зайца, и сдвинуты вместе.

— Копа настроил свои детекторы! — смеется охотовед.

— Значит, глухарь где-то близко, — предупреждает Лаврин. — Смотри на берег!..

Наше киноружье приведено к «бою». Шарим взглядом по песчаным отмелям, по травянистым береговым скосам. Но Копа весь устремлен вперед. И только далеко по реке мы не сразу различаем у воды застывшего в неподвижной позе пернатого великана. Вот это собачий нюх!

Саха сбавил газ. Лодка медленно приближалась к стоящему истуканом глухарю. Еще далеко, но телеоптика укрупняет его вполне достаточно. Я снимаю. Лодка ближе, ближе... И вот уже фокус приходится переводить, потому что значительно приблизились к птице. Она медленно стала переступать с лапы на лапу, немного присела и, подпрыгнув, тяжело взлетела.

Я панорамирую камерой за летящим над рекой глухарем. В кадре проскакивают торчком стоящие уши Копы. Черный петух улетает в прибрежную тайгу.

Юван с Копой высадились близ устья Висима. Саха предложил:

— На прощанье по кружке чая...

Юван поспешно разжег крохотный костер, который он назвал «мань уля». Мы расселись вокруг.

— Ну, приезжай, поохотимся с твоим «ружьём», — повторил приглашение Юван.

— Захотите приехать зимой — будут олени. Пожелаете летом — лодками обеспечим, — добавил охотовед Саха.

— Теперь уж определенно приеду! Уговорили!..

Крепкие рукопожатия. Отпиливаем. Долго провожаем взглядом одинокую фигурку мансийского охотника.

И снова нас приняла Северная Сосьва, широко разлившаяся среди лесных берегов.

Весенние турниры

В конце зимы я неожиданно получил письмо охотоведа Саши.

«Предлагаю интересную охоту. Приезжайте в марте. Забросим вас на оленях опять в зимовье Нялингсуйпауль. Завеснуете там. На нетронутых токах снимаете вволю глухарей и тетеревов. Впрочем, в этом поможет знакомый вам Юван Лаврин».

В киноредакции нашей студии тема весенних птичьих турниров вызвала интерес. И мы с помощником срочно вылетели в тайгу. На этот раз со мной был пом Юргенс.

В Няксимволе, несмотря на раннюю весну, было еще по-зимнему морозно. На горизонте мощными снегами белел Уральский хребет.

Радостной была встреча с друзьями: Юваном и Сашей.

[78] — Пася, пася, олен рума! ¹ — с удовольствием услышал я мансийское приветствие Ювана.

В тот же день Лаверин ушел на лыжах из Няксимволя. Сказал, что будет ждать нас в своей охотничьей избушке на Висиме.

В этот приезд мы с Юргенсом вооружились телеоптикой. Возем солидный запас высокочувствительной пленки. С нами магнитофон — портативный звукозаписывающий аппарат с двумя микрофонами. Помимо съемок мы должны записать песни токующих глухарей, тетеревов и других птиц.

Предусмотрели мы и специальное снаряжение: две палатки, спальные мешки, болотные резиновые сапоги, унты, ватники, полушубки, накомарники, лыжи, ружья, патроны, радиоприемники, электрофонарики.

В тайге пробудем три месяца.

Уже двадцать четвертого марта, вечером, мы любовались северной природой. Восемь оленей на четырех нартах мчали нас по снежной глади Северной Сосьвы. Головную упряжку погонял каюр Миша — скромный, немногословный манси, с которым мы не совсем знакомы. За ним — мы с Юрой. Держа в руках длинные шесты — хореи, заправски покрикивали на бегущих оленей. Я с мальчишеским восторгом оглядывал знакомые берега реки. Чувствовал себя счастливым человеком от того, что вновь нахожусь в этих таежных краях.

К вечерней темноте немного не дотянули до цели — остановились на ночлег в ельнике вблизи речки Урайпаты. Это в пяти километрах от избушки Нялингсуйпауль.

У нашего каюра первая забота — искать оленям корм. Копнул снег ногой — там ягеля нет. Зато много пенельных лишайников свисает с веток елей.

— Это нюси. Тоже олений корм, — объяснил Миша.

Разожгли костер-нодью. Устроили шалаш из тента и веток. Заварили крепкий чай. За костром — темнота. Небо в тучах.

Наше чаепитие неожиданно прерывается голосом из лесного мрака:

— Пася, румат!.. ²

Мы застыли на миг с кружками в руках. Из ночной темноты, бесшумно скользя на лыжах, вышел человек. На поводке у него две собаки. Ружье через плечо, за спиной рюкзак. Перед костром пришелец сдвинул с головы капюшон малицы. И красный свет пламени озарил улыбающееся лицо.

¹ Здравствуй, дорогой друг! (манс.)

² Привет, друзья! (манс.)

- Догнал я вас!..
- Юван! Откуда взялся?!
- Из Нёрох бегу за вами!
- А мы думали, ты давно в избушке!
- Вы-то на оленях, а я пешком!..

Вместе с нами Юван ночует в шалаше.

Утром безоблачное небо. Яркий снег слепил глаза. Наш караван скатился с горки на белый луг при впадении речки Урайпатья в Висим. Остановили оленей. Манси беседуют между собой. Юра жадно глотает дым сигареты. Я оглядываю живописные окрестности, люблюсь ими.

[79]

Выбежавшая из тайги небольшая Урайпатья и полноводный Висим образуют здесь просторный залив. Посредине его красуется кораблем лесистый остров. По берегам белеют березовые рощи. Стоят особняком лохматые кедры. Стройные ели «стреляют» в голубое небо своими острыми вершинами.

Еще немного по льду Висима, и мы въезжаем на высокий берег с темной еловой рощей. Нас приветствуют старые ветвистые рога сохатого, повешенные на сухом дереве. Через темный коридор в ельнике выезжаем на болото. Вдали на косогоре заснеженной крышей маячит анакомая избушка.

Олени, тяжело дыща, затаскивают нарты по крутому склону в ограду перед избой. В изнеможении ложатся на снег. И мы готовы, раскинув руки, развалиться вместе с ними в пушистой снежной перине.

— Вот и приехали в Нялингсуйпауль! — говорит хозяин зимовья и, обращаясь ко мне, напоминает: — Ты снова здесь!..

Пока мы разгружаем нарты, Юван входит в дом. Слышим — метет там пол, гремит посудой, закладывает дрова в железную печурку.

Вскоре загудела, задымила труба. Ожило пустовавшее жилище. Затащили мы в него свои пожитки и с наслаждением разлеглись на постланных оленьих шкурах.

На другой день я иду встретиться со знакомыми местами. Шагаю по тропинке, которая тянется к реке по краю бора над болотом. Трогаю рукой памятные сосны.

В глубине бора, возле старой высохшей сосны, я наткнулся на одинокое захоронение. За оградкой из тонких прутьев — низкий деревянный сруб, застланный досками. На них аккуратно сложена охапка свеженаколотых дров, лежат чайник и кружка. В стороне валяются перевернутые вверх полозьями старые нарты. К сосне прислонены охотничьи лыжи и лодочное весло.

Я догадался, что дрова наколоты с час назад Юваном. Позже в разговоре с ним поинтересовался, для чего так заботливо снабжена всем могила. Он объяснил мне:

— Наши всегда так делали — клали на могилку все, чем пользовался покойный. Из кружки пил чай — туда ее. Туда же и котелок, чайник, одежду, обувь...

— Дрова-то зачем?..

— А может, чай захочет вскипятить,— сказал Юван с улыбкой.

Я чувствовал: конечно же, не верит он в это, но обычай нарушать не хочет.

Для меня все было загадочно в этой могиле, которой, казалось бы, следовало находиться не в глухой тайге, а на сельском кладбище. Выясняя подробности, я узнал, что тихий бор хранит семейную драму Лавериных — в земле под соснами лежит мать всех трех братьев.

[80]

Со слов Ювана мне стала известна печальная судьба этой женщины. Имя ее — Анна Анемгурова. Она была второй женой старика Алексея Ильича Лаверина, отца братьев. В браке с ним она дала жизнь пятерым детям, в том числе Илье и Петьке. Юван же был неродным ее сыном — он от первой жены старика.

Жизнь Анны сложилась не очень счастливо. Она когда-то была женой манси Пеликова, который, прижив с ней сына Мишу, почему-то не захотел продолжать супружество и оставил жену с ребенком.

Для нас новое открытие — этот Миша и привез нас сюда на оленях. Значит, Юван Лаверин и Миша считаются братьями.

Мать Миши вышла замуж за Алексея Ильича Лаверина, когда у него от первой умершей жены, родной матери Ювана, уже было двое детей. Но сына своего Мишу она по какой-то причине не взяла в семью Лавериных. Он рос и воспитывался у своего дяди в верховьях далекой лесной речки Ворьи.

В могилу Анну угнал старинный мансийский обычай — помещать роженицу в отдельную избу — манькол. Она рождает там нередко в одиночестве, без посторонней помощи. Хорошо, если при этом окажутся женщины, которые облегчат ее страдания, помогут. А чаще бывает так, что она сама занимается ребенком при его рождении. Сама приводит себя в порядок после родов. Разжигает чувал — камин, чтобы подогреть воду. Появился дым из трубы манькола — это сигнал, что роды закончились благополучно.

Семья Лавериных жила в то время здесь, в Нялингсуйпауле. Дело было зимой. Удалилась в манькол и Анна, чтобы родить шестого ребенка. Прошло много времени. Старик Лаверин, долго не замечая дымка из трубы, забеспокоился. В нарушение обычая вошел в теремок. Увидел жену свою мертвой, а подле нее замерзшую новорожденную девочку-крошку.

Старик любил жену. И вероятно, в ту страшную минуту в маньколе он проклял древний мансийский обычай оставлять роженицу на произвол судьбы.

Итак, наш какор Миша встретился здесь со своим сводным братом Юваном. Сразу после приезда он сходил к могиле матери. Кое-что поправил там. Я видел его следы на снегу.

Хиреет изба в Нялингсуйпауле. У злополучного манькола давно провалилась крыша. И хозяйственные постройки приходят в ветхость...

Юван любит этот лесной приют и по праву старшего брата прово-

дит здесь зимние месяцы охоты. Часто остается в нем совершенно один. А сейчас, закончив промысел, он согласился помогать нам при съемке весенних птичьих турниров. Будет нашим постоянным проводником и товарищем на все месяцы весны.

Миша провел с нами в избушке несколько дней, пока отдыхали и откармливались на тучных ягельниках олени. Но пришло время уезжать ему. Оленей надо было гнать в горы на отел.

Однажды после заката в природе наступило удивительное затишье. Деревья стояли в каком-то оцепенении. Ветви их, бывшие днем в постоянном движении, теперь замерли. В эти тихие часы и уехал от нас Миша. К далекой стене хвойного леса по болоту протянулись следы нарт.

[81]

Я проснулся от грохота дров о железо печурки — Юван загружал ее полешками, чиркал спичкой. Одет был по-походному: в малице, на ногах нярки, запорошенные снегом. Куда-то уже сходил на лыжах!..

Дрова быстро загорелись, печка загудела. Юван включил приемник. Изба огласилась веселой мелодией «С добрым утром». И среди этой бодрящей музыки Юван сказал:

— Ятри¹ плясать начал. Снимать надо...

Для съемки первого тетеревиного тока решили применить «дальнобойный» объектив с фокусным расстоянием 640 мм. Устройство громоздкое, полутораметровое, но надежное. Сначала на длинной платформе монтируется сама оптика. Платформа крепится на штативе. И только потом к объективу приставляется кинокамера, которая кажется удивительно маленькой по сравнению со всем сооружением.

Во второй половине дня снесли все снаряжение на ток. Вблизи раскинули палатку. Замаскировали ветками, молодыми деревцами. Внутри палатки установили киноаппарат. Проложили кабель к токовищу, определили место для микрофона на пяточке. Все подготовили к съемке и записи звука.

Вернулись в избушку. Легли пораньше спать. Но не до сна было нам перед первым выходом на тетеревиный ток. Юван ворочался, кричал. А я часто зажигал электрический фонарик, смотрел на наручные часы.

Наконец в темноте раздался голос Ювана:

— Пойдем, наверно?..

Заскрипели нары. Керосиновая лампа осветила хижину. Оборвался храп Юры.

Вскоре вышли из зимовья. Нас обдало морозцем. Звезды мерцали на мрачном небе. Зловещей тишиной настораживала тайга. Привязали собак, каждую у своей конуры: на току им быть не полагается. Лыж не надели: снег подмерз и держит. А вернемся мы рано утром, наст еще не успеет подтаять.

Направились в непроглядную тьму леса. Тайга спала. Хрустел под

¹ Тетерев (манс.).

ногами крепкий наст. Светлые пятна фонариков бегали по снегу, по стволам деревьев, по спинам идущих Ювана и Юры. А за лесом, поблескивая, крался тоненький серпик луны.

На одном из бугров среди бора присели отдохнуть.

[82]

Ночью в лесу царит мир силуэтов. Разговаривая с Юрой и с Юваном, я не вижу их лиц. Передо мной только контуры человека. Так же, как и все кругом — деревья, ветви, коряги, пни, — одни очертания.

В темноте миновали болото. Вышли к скрадке. Юван шепотом сказал:

— Медведи не забрались ли? — и, подняв полог палатки, шутливо скомандовал: — Подъем, ребята!..

Наш киносъёмочный агрегат стоял нацеленным на токовище. Привели его в готовность. В ожидании рассвета вдали от палатки разожгли костер. Нарубили еловых ветвей, устлали ими ложе для короткого отдыха.

У зимнего костра один бок подгорает, другой стынет. Только задремлешь — надо поворачиваться. Наконец махнешь рукой на сон, сядешь возле огня, нальешь кружку крепкого горячего чая. Смотришь — товарищи зашевелились, последовали твоему примеру.

Кто-то взвыл громко в лесу. Потом завизжал пронзительно. Мы насторожились. Каждый высказал свое предположение.

Юра: «Волки воют!..»

Я: «Наверно, филин поймал зайца!..»

Юван: «Медведь с медведицей гуляет!..»

И тут за палаткой выстрелом раздалось: «Чуффы...»

— Тссс! — погрозил нам Юван и показал вверх по стволам.

На вершинах сосен слабыми силуэтами рисовались только что усевшиеся тетерева. Над нашим костром прозвучало громкое «Куррр!» Мы сидели неподвижно, пока птицы не слетели с деревьев на болото.

Крадучись, я приблизился к палатке. Включил магнитофон. Приник к окуляру кинокамеры.

На поляну с громким криком опустились еще три черныша. Один уселся на низкую сушину, два других с шипеньем начали гоняться друг за другом. У птиц были набухшие красные брови, лирообразные хвосты, развернутые веером.

Следом за мной к палатке тихо подкрались товарищи. Юван с улыбкой смотрит в щель. Зову пальцем Юргенса, показываю ему на окуляр: «Смотри!» Он долго прилаживается к визиру. Наконец видит в аппарате крупное изображение тетерева, произносит: «О-о!..»

Продолжаю нацеливать объектив на птиц. Снимаю время от времени и люблюсь удивительным тетеревиным сабантуем. На болоте началась схватка. Громко разносились по тайге выкрики птиц. То по-змеиному устрашающее «чуффы!» прокатится по лесу. То вдруг кто-то из ярых певунов загорланит: «Кококарра!..»

Потом все тетерева замолкнут разом. Наступит короткая пауза, после которой птицы тихо начнут свое монотонное бормотанье. Все боло-

то загудит от этого звука. Постепенно усиливаясь и нарастая, это «клокотанье» снова начнет прорываться выкриками и шипеньем. И так беспрестанно.

С чужбыканьем и резкими выкриками косачи наскакивали друг на друга. Разбегались в стороны, чтобы вновь сойтись в схватке. Каждый старался клюнуть другого или, высоко взмыв, ударить лапами. При этом перья летели в стороны.

Я выглядываю в щелку. За громоздкой трубой объектива вижу: тетерки слетели с деревьев на землю и приблизились к дерущимся косачам. Самцы сразу переменили тактику. Теперь они уже не дрались, а каждый из них в одиночку демонстрировал свою неотразимость. Подпрыгивал на одном месте, выкрикивал замысловатые «словечки» или, взлетев, тут же садился. Косачи изображали искусных танцоров. Тетерки одобрительно покеркивали.

Один из тетеревов прочно занял позицию возле микрофона. Никуда не отходил от него и никого не подпускал близко. Опустив голову до земли, он подбегал к микрофону, неожиданно выпрямлялся, издавал восторженный крик и подпрыгивал. Снова наклонялся к земле, отходил в сторону, бормотал что-то себе под нос, возвращался опять к микрофону. И все повторялось сначала: подпрыгивание, выкрик, бормотание. Солист!..

Прибор для записи звука явно заинтриговал черныша, и он совсем позабыл про драку!

Но жужжание кинокамеры начало настораживать косачей. Они опустили хвосты и, подняв высоко головы, стали прислушиваться. Не могли понять, откуда исходят загадочные звуки. Теперь я старался включать аппарат только в минуты самых яростных схваток, когда птицы горланили и не слышали стрекота механизма.

К полному рассвету тетерева стали менее активными. При малейшем шуме прекращали токовать. Неосторожно резкое движение объективом, и... птиц как смыло. Едва успел заснять их стремительный отлет.

— Как хорошо ятри дрался! — с восхищением скавал Юван. — Ты заснял?..

— Заснял!..

Мы уносили в рюкзаках бесценные кинотрофеи. Слипались глаза, тяжело ступали ноги. Но когда удача — усталость нипочем!

Апрельское солнце пригрело землю. Последний раз всплакнула капелью зима. В тайге почти совсем не осталось снега. Только скованный льдом Висим еще охранял зиму. Ярko белел сквозь ветви деревьев его снежный покров.

У Ювана новая забота:

— Лодку надо строить. Скоро лед пойдет...

И застучал охотник топором на берегу по утрам. Вырубил шпангоуты из корней елей. Стругал доски от старой разбитой лодки. Из смолистых коряг гнал на костре сарап-ох, древесную смолу.

Весна здесь кажется нам необыкновенной. По утрам — золотистые

рассветы, вечерами — фантастические закаты, а ночью — таинственное затишье тайги. И эти картины природы остаются у нас на пленке. Тетеревинные свадьбы мы только что отсняли. А впереди нас ждут глухаринные турниры, еще более загадочные!

[84]

Как-то вечером я отправился на берег Висима. К той еловой опушке, где Юван сооружал лодку. Нес с собой магнитофон — записать лесные звуки.

Осторожно выглянул из-за деревьев на реку. Там образовалась небольшая полынья — лед раздвинулся, обнажил воду. Что-то черное метнулось со льда в полынья. Я затаился. Через минуту из воды показалась маленькая головка животного с рыбиной в пасти. Оно ловко взобралось на льдину. Я увидел узкое тело с длинным хвостом. Это была выдра. Зверь принялся расправляться с добычей. Сожрал ее быстро и пачисто. Облизнулся, снова плюхнулся в полынья. И опять всплыл с рыбиной в зубах.

Я вошел в темную чащу леса. За моей спиной кто-то пронзительно засвистел. Это же голос моего любимого объекта киноохоты — рябчика!

Ищу свистуна. Не шелохнусь. В левой вытянутой руке — микрофон, правая — на переключателе. На деревьях надо мной птицы нет. Значит, где-то на земле. Шарю взглядом по лесному валежнику. Наконец с радостью замечаю под маленькой елочкой серый рябенький комочек.

Сидит птаха, нахохлилась, раздулась, как шар. Головку вобрала в себя. По черному пятну под клювом узнаю рябкá-самчика. Притаился, недвижим, а глазок-бусинка смотрит на меня, не моргает.

Знаю я эту особенность рябчиков — затаиваться, делать каменную позу, а затем взлететь перед самым носом! Замечаю, как медленно-медленно, едва заметно птица поворачивает головку. Так медленно, что глазом этого не обнаружишь. Лишь через минуту-другую выясняется, что головка рябчика повернулась.

Стою долго. Уже и рука затекла. Рассчитываю на то, что свистун снова подаст голос. А он и не думает! Мне такая молчаливая борьба начинает надоедать. Размышляю: «Кто из нас окажется терпеливее?» Чувствую, что сдам, наверно, все-таки я.

Измеряю на глаз расстояние, которое разделяет нас с молчуном. Один, два, три... Кажется, шесть... Всего шесть метров! Как жаль, что не взял я кинокамеру с телеобъективом!

Тем временем откуда-то налетели мелкие пичуги-поползны и устроили над моей головой отчаянный пересвист. Рябчик, используя этот момент, осторожно приподнялся на лапках и тихо отошел в сторону. Видно, убедился, что я не опасен. Стал клевать что-то на земле. Проголодался!

Я свернул микрофон и сделал энергичный шаг. Рябчик испуганно отбежал и скрылся в ельнике. Было в самый раз сбегать в зимовье за кинокамерой. И прихватить охотничий манок, который облегчит поиски птиц.

Юргенс согласился участвовать в киноохоте. Мы взяли аппарат

со штативом, телеобъектив и запас кассет с пленкой. В густом прибрежном ельнике приготовились к съемке.

— Слушай! Сейчас будут откликаться рябки! — сказал я помощнику.

Начал свистеть манком. Подражал, как мог, птицам. Свистну — прислушаюсь. Еще раз свистну. Где-то далеко рябчик повторил мой звук.

— Слышал?..

Я еще раз позвал рябка. Теперь он откликнулся ближе.

— Бежит! Подключай аккумулятор!..

Следим, где появится рябчик. И вот заметили: бежит по земле самчик с черным пятном под клювом. Увидел нас, взлетел на дерево. Я в это время свистнул манком. Он тоже пересвистел с упоением. При этом распустил веером хвост и запрокинул назад головку.

Бегал петушок по ветке, крутил головкой, искал своего мнимого соперника. Летал вокруг нас, садился то на одно дерево, то на другое. Едва успевал я орудовать длинным объективом, ловить птицу в кадр и быстро наводить на фокус.

Не найдя соперника, смельчак-рябчик улетал. Но при моих призывных свистках через полминуты возвращался вновь. И все начиналось сначала: веером хвост, нетерпеливое желание схватиться с соперником.

И все же рябку надоело бесполезно прилетать — улетать. Сначала он стал неохотно откликаться на мой зов. Потом и совсем не вернулся: разоблачил обман.

Был теплый вечер, когда мы, нагруженные аппаратурой, шли на известный Ювану глухариный ток. Новым серебряным рублем поблескивала на небе луна и переглядывалась с заходящим солнцем. Дневное светило на одном краю небосвода, ночное — на другом.

— Этнос¹ стал большой. Погода стала хорошей, — заметил охотник.

На ток пришли в сумерках.

— Тут мансин-ким². Глухарь тут и токует, — показал на кедрач Юван.

Мы с Юргенсом оглядели место. Сырая тайга кругом. Только на буграх высокие кедр метлой вздымают к небу свои ветви. Густые заросли багульника расстилаются под ними. На одном из бугров облюбовали мшистую полянку для ночлега. Костер-нодья, тент от ветра и дождя — все, как полагается в лесу. Присели у костра, покурили, поговорили...

Юван предложил мне:

— Пойдем посмотрим, может, какой глухарь прилетел...

Юра остался возле огня. Мы с Юваном сделали большой круг по

¹ Луна (манс.).

² Глухариный ток (манс.), мансин — глухарь.

вечерней тайге. Но глухарей не увидели. Тайга казалась мертвой. Над ней гигантским пожаром полыхал закат.

Однако Юрий встретил нас сообщением:

— Я слышал хлопанье крыльев вон там,— он показал туда, откуда мы только что пришли.

— Это мансин прилетел! — оживился Юван.— Он на дереве будет спать. Рано утром затокует...

Долго сидели у костра.

Наступила полночь. Пытались поспать немного. У Ювана с Юрой это получилось. Я же не мог уснуть в ожидании первого в моей жизни глухариного тока. Весенний ночной воздух был напоен пьянящим ароматом багульника и тонким, едва уловимым запахом кедровой хвои. Луна блистала через мохнатые вершины живых кедров и затейливые размахи ветвей сухостоя. То ли скопище оленьих рогов развесил кто-то на мертвых деревьях, то ли застыли там в дикой пляске лесные духи...

Не спится. Я все время поглядываю на север. Там слабо высветляется край неба. Прислушиваюсь к почной тишине. Ее нарушает только легкий треск сучьев в костре. Чудится мне, что такими же звуками тайга откликается нашему огнищу.

Сбрасываю с себя полушубок. Напрягаю слух. Проснулся Юван и тоже прислушивается. Спрашивает меня шепотом:

— Зачем не спишь?..

— Кажется, начал токовать...

Прислушиваемся оба. Глухое и слабое «так-так» долетело до моих ушей.

— Токует! — едва не закричал я.

Юван встрепнулся:

— Это он! Который вчера прилетел... Мансин молчит — ты стой. Когда затокует — иди...

Осторожно ухожу с аппаратом в лесной мрак. Еще темно в тайге. Только вершины кедров слегка просматриваются на светлеющем небе. Стою, прижавшись к дереву, прислушиваюсь. Жду, когда «заточит» глухарь, чтобы сделать три-четыре энергичных шага вперед.

Подхожу ближе. Кажется, уже довольно. Остановливаюсь, ищу певуна. Он где-то над головой. Ищу и не нахожу. Как мучительны эти секунды!..

Вот он! Ошеломляюще первое впечатление. На вершине высохшего кедра, по которому я не раз скользил взглядом, сидел черный гигант. Я замер и залюбовался.

Царь-птица! Развернут веером хвост. Длинная шея. Торчит борода под клювом. На всю жизнь запомнился мне этот гордый силуэт.

Вытянутую шею глухаря трудно было отличить от вздернутых вверх мертвых сучьев кедра. Силуэт птицы как бы повторял экспрессию ветвей сухого дерева. Типина леса, едва слышные звуки, и словно в мольбе поднятые к небу сухие «лапы»...

Глухарь почему-то долго не «точит», а только издает редкий и

тихий звук «тэк-тэк». Я затаился за деревом. Готов даже не дышать, чтобы только он не увидел меня. А сердце что выделывает в груди! Кажется, вырвется наружу.

Боюсь одного: замолчит солист, улетит... Надо торопиться заснять первый кадр. Пока глухарь «тэкает», я незаметным движением перемещаюсь к удобной для съемки позиции. Как кошка, бесшумно передвигаю ногами.

Подкрадываюсь так близко, что можно снимать. Поднимаю кинокамеру, прицеливаюсь. Но глухарь, сидевший до этого каменным изваянием, взмахивает крыльями и улетает. Я с отчаянием опускаю аппарат. Какие-то секунды не могу прийти в себя: упустил такой кадр!

Но до моего слуха сразу же доносятся частые хлопки крыльев: сел на ближайший кедр! Слышу: начал «точить». Под эти звуки делаю три-четыре метровых прыжка. Стараюсь прятаться за стволами. На мое счастье, глухарь теперь «точит» часто. Вскоре я оказываюсь вблизи того кедра, на котором сидит птица.

Включаю кинокамеру и вместе с ней выглядываю из-за дерева. В окуляре вижу: глухарь ходит по ветке, распушив веером хвост. То наклонит голову, то гордо вскинет ее, вытянув шею вверх. Грудь выпячена. И смешно, как у неряшливого старика, топорщится взлохмаченная бородка...

Увлеченный съемкой, я не заметил, как просветлело в лесу. Молчавшая до этого тайга вдруг пробудилась десятками птичьих голосов. Забормотали тетерева в разных концах. Защебетали мелкие пичуги. Прокаркала ворона. Дятел огласил лес своей частой дробью. Проснулось все пернатое население.

От всего этого глухарь насторожился, перестал «точить». Издавал теперь только редкое «тэк-тэк». Вскоре замолк совсем. Я видел, как медленно сворачивался и опускался его хвост-веер, как исчезала бородка. И куда девалась вся красота!

Он еще долго прислушивался к лесному гомону. Не нравился ему этот содом! Как было вольготно на рассвете! Он слышал каждый шорох. Вся тайга принадлежала ему. А теперь эти шумные соседи!..

Неожиданно взмахнув крыльями, глухарь слетел с кедра.

...А в лагере нашем царила сонная идиллия. Я осторожно присел у потухшего костра, задумался. Приятная усталость, чувство удовлетворения. Состояние было таким, словно я в это утро сделал величайшее открытие.

Подбросил сучьев в костер. Проснулся Юван. Смотрит на меня заспанными глазами.

— Где мансин?..

Я улыбаюсь:

— Улетел на Урайпатыю собирать галечки. Вам привет передавал...

Лодка у Ювана совсем готова. Терпеливо ждем ледохода, чтобы после него поплыть вверх по Висиму на новый глухариный ток. А лед

уже потемнел, раскололся и, кажется, вот-вот хлынет вниз по реке. Нам казалось, что когда тронется лед — загудит, застонет тайга, льдины своими холодными зубами заскрежещут о берега. Но ничего грандиозного не произошло.

[88]

Накануне Первого мая, вечером, когда солнце рубиновым диском садилось за шпиль далекого леса, таежная природа замерла в торжественной тишине.

Утром вышли на берег Висима, а на реке чисто — весь лед ушел за одну ночь. Поздравили друг друга с праздником, стол накрыли, как подобает в таких случаях. А к вечеру собрали аппаратуру и снаряжение, чтобы перебазироваться к новому току.

Юван скрепил вместе две лодки — новую со старой маленькой калдавкой. Получился катамаран, который мы загрузили до предела. С помощью кормового весла Лаверин один поднимал лодки вверх по реке. Мы же с Юргенсом порожняком пробирались по берегу. Шли через завалы, сквозь таежную чащу, по болотам и звериным тропам.

Съемочную базу соорудили выше устья речки Саликольи. Наш дом — четырехместная палатка — вместил все кинохозяйство и нас самих.

Ювану не терпится взглянуть на ток в этот же вечер:

— Пойдем смотреть, сколько глухарей токует...

Этот мансин-ким находился в трех километрах от берега Висима. Сначала надо было пройти большое болотистое пространство с чахлой тайгой. Потом миновать два массива кедрового сухостоя, перейти лесной ручеек. И на маленьком пригорке, со всех сторон окруженном топами, увидишь арену тока — бугорок, плотно утрамбованный лапками глухарей.

К току мы подошли в предночную тихую пору. Но тишины в лесу не было. Отовсюду слышалось громкое квохтанье копалух и затаенное тэканье глухарей.

На главной арене шумели крыльями драчливые самцы. Здесь происходили репающие схватки пернатых бойцов.

Юван восхищенно прошептал:

— Вот это хороший мансин-ким! Завтра рано сюда придем...

На другой день мы проспали. Уже рассветало. Быстро одеваясь, проводник ворчал:

— Надо палатку на ток ставить. И там жить!..

Торопливо пошли в тайгу. Понесли аппаратуру, палатку, оленьи шкуры, спальные мешки. На току будет наше с Юваном ночное обиталище. Базой остается берег Висима, где хозяйничать придется Юргенсу.

Юван долго изучал место тока. Поднимал глухариный помет, рассматривал его, разминал в руках. Помет был свежим, и Лаверин предложил выбрать место для скрадки.

— Палатку надо ставить там, — показал он на ельник в десяти — двадцати метрах от пятачка.

— Так близко?!

— Видишь, другого места для шалаша нету!

Закипела у нас работа — стали рубить колья, сучья, ветки. В ельнике растянули двухместную палатку, заставили ее деревьями и закидали ветками-лапником. Внутри на штативе установили кинокамеру. Под ней разостлали шкуры, спальные мешки. Смонтировали магнитофон, от скрадки к пятачку протянули кабель для микрофона.

[89]

Укрытие готово. Тщательно замаскировано. Юван говорит, будет незаметно для птиц.

Возвратились на базу к реке.

У нас теперь два дома. Поздний вечер, ночь и раннее утро мы с Юваном будем проводить на току, а днем — отсыпаться на берегу Висима. Юра по утрам будет встречать нас завтраком. Ему на берегу жить не скучно: с ним две собаки на привязи.

В этот вечер на току почему-то было тихо. Мы бесшумно подкрались к палатке. Сели на лежащее поблизости дерево, затаились.

— Почему не слышно глухарей? — спросил я проводника.

— Может, рано. Или испугались шалаша, — шепнул Юван, но неожиданно толкнул меня локтем: — Вон сидит, видишь?!

Едва можно было различить силуэт большой птицы на сухом кедре. Опущен лопатой хвост, втянута шея, ни малейшего движения — глухарь сливался с ветвями мертвого дерева.

Послышались хлопки крыльев.

— Ишо один пришел! — обрадовался Лаверин.

В стороне прохлопала крыльями другая птица.

— Раз, два, три, — шептал Юван, загибая пальцы. — Слетаются! Дремать будут до рассвета. Нам тоже поспать маленько надо...

В палатке спать тесно. Ножки штатива у головы, горка кассет, приготовленная оптика, магнитофон — нельзя повернуться! Да и до сна ли, когда рядом — глухари!

И все же сон взял свое. Но был он коротким, тревожным. Проснулся я от прикосновения руки Ювана. И сразу услышал громкое глухариное «точение» возле палатки. Сон пропал моментально.

— Токует! — шепотом произнес охотник.

Первый взгляд на отверстие, в которое «смотрит» объектив кинокамеры. Там уже светлеет. Тянусь с электрическим фонариком к «Репортеру», включаю запись. Стрелка сильно вздрагивает и заходит за пределы шкалы. Значит, глухарь близко у микрофона.

Юван следит за моими движениями и шепчет:

— Пока темно, пускай этот аппарат работает...

Не терпится мне взглянуть на загадочного солиста. Освобождаюсь от спального мешка. Осторожно встаю и смотрю в съемочное окно палатки. В лесу полумрак. Лишь белеет микрофон на пятачке. Там впереди расхаживает петух-громадина с полукруглым хвостом. Самозабвенно поет свою тихую, странную песнь.

Не могу оторваться от зрелища. Не верю, что недоступная, таин-

ственная птица — передо мной, рядом. Я различаю каждое ее перышко, вижу блестящий глаз.

Глухарь сначала постоит, издавая звук «тэк-тэк-тэк». Потом, потрясая головой, «заточит», «зашелестит» и начнет энергично прохаживаться по току.

[90] Стараюсь вникнуть в загадочную песнь. Долго ищу сравнение и, кажется, нахожу. Это шелест листвы, тихое шипение сырых дров в костре, треск сучка. Первая половина песни особенно напоминает звук падающей капли в пустую посудину. Глухарь долго и соразмерно издает этот звук. Как бы настраивается. В это время он очень насторожен, чуток. Все видит, все слышит. Он проверяет — нет ли опасности вокруг.

«Оттэкав», птица отключается от всего. Закрывает глаза белой перепонкой, поднимает голову вверх, начинает трясти шеей, шевелить клювом — с самозабвением «шелестит», «точит». Это «точение» действительно напоминает звук при точке топора. Но мне оно напоминает и другое — шум осиновой листвы при порывистом ветре.

Закончив песню, глухарь прислушивается. В эту паузу до моего слуха доносится токование других глухарей. Наш герой не один! Услышав компаньонов, он снова начинает свое «тэканье». Цикл повторяется опять и опять...

Пока я наблюдал за птицей, заметно посветлело. Выключил магнитофон. Приложился к окуляру кинокамеры. Сердце мое учащенно забилось: через телеобъектив я увидел очень крупное изображение царя крылатых тайги!

И тут произошло удивительное. По сторонам послышались хлопки крыльев и квохтанье глухарок. Вскоре три рябенькие курицы опустились на пяточок к нашему герою. Я включил магнитофон и кинокамеру.

Юван вылез из спального мешка, потянулся смотреть в цель.

— Смотри! Копалухи дерутся! — с детским восторгом прошептал он.

На току происходила сцена, вызывающая и восторг и смех. С прилетом самок глухарь еще больше вошел в азарт. Стал токовать без передышки, захлебываясь. Ходил кругом, не обращал внимания на копалух. А они неотступно следовали за ним по пятам. Тихо стонали и покорно припадали к земле, когда краснобровый «хан» проходил мимо.

Как только он отходил от глухарок, они дрались между собой. Кричали громко, душераздирающе, клевали друг дружку — отстаивали право быть супругой важного «вельможи». Но он, как восточный повелитель в окружении гарема, не удостаивал своей милостью дам, с упоением «тэкал» и шелестел.

— Мансин-то какой! — шептал Юван и зажимал рот от смеха.

Глухарки слетелись к этому черному петуху потому, что покорили он их сердца своим видом и песней. А ведь кругом были слышны голоса других самцов! Но этот был особенным красавцем. Веером хвост, концами крыльев чертит по земле, белый орлиный клюв, красная бровь над глазом, шея отликает вороненой сталью...

Едва успеваю перезаряжать кассеты на кинокамере и менять катушки у магнитофона. Для обоих аппаратов не жалею пленки: то, что происходит сейчас перед глазами, бывает раз в жизни!

Тихо стрекочет аппарат. Глухарь перестал токовать. Прислушивается к странному шуму. Я боюсь — улетит сейчас! Но петух не опускает хвоста, как обычно делает перед взлетом. Медленно поворачивается в нашу сторону и направляется к палатке.

Слышу за спиной шепот Ювана:

— Он думает, тут другой глухарь токует...

Затаились, почти не дышим. Я слышу, как стучит мое сердце и пульсирует кровь в висках.

Что же произойдет сейчас?.. Не успеваю переводить фокус на идущую к нам птицу. Она уже заполнила хвостом-веером весь кадр, но продолжает приближаться.

Кончилась пленка в кассете. Кинокамера при этом издала характерный визжащий звук. Глухарь остановился, поворачивает головой, смотрит на объектив то одним, то другим глазом. До птицы всего три метра!

Волнуюсь при смене кассет: лишь бы не улетел! Но глухарь стоит. «Подожди, дорогой, подожди!» — говорю про себя, пока занимаюсь перезарядкой.

Снова стрекочет аппарат. Глухарь нагнул шею к земле и, быстро вскинув голову вверх, издал при этом странный звук «кхе-кхеу». Словно откашлялся. Такого мне не приходилось слышать. Значит, помимо своей знаменитой двухколенной мелодии глухарь издает еще и этот загадочный звук!

Юван тянется к моему уху:

— Так он кричит, когда драться хочет!..

Странные поклоны со вскидыванием головы повторялись. Кхе-кхеу... Кхе-кхеу... Глухарь явно вызывал на поединок своего соперника, находящегося, по его убеждению, в скрадке.

Вдруг наш черный бородач сорвался с места и быстро побежал в сторону от палатки. Мчался с высоко поднятой головой, как заправский спортсмен, мастерски перепрыгивал через поваленные деревья, лавировал между стволами кедров. Вот он резко остановился. Тут же в кадр вбежал другой бородач с распущенным хвостом. И оба они, кланяясь друг другу, стали охрипшими голосами издавать «кхе-кхеу».

В густых зарослях багульника мне не видны головы соперников: они низко опущены. Вижу только два подвижных веера-хвоста. Но внезапно оба глухаря подпрыгнули, шумно ударили друг друга крыльями и снова опустились в багульник.

Поединок продолжался недолго и закончился в пользу нашего «артиста». Соперник не выдержал его натиска, улетел. Хозяин пятачка бравым победителем с песней вернулся к ожидающим его самкам.

Утреннего солнца еще не видно. Только кроны высоких кедров засветились бледной позолотой. Пернатая мелюзга тайги уже зачири-

кала неугомонно. И от этого смутились глухарки. Насторожился черный красавец.

[92]

А когда луч солнца добрался до пятачка, заметно поубавился пыл нашего героя. Рябенькие самочки, не добившись взаимности, одна за другой покинули ток. «Кавалер», оставшись в одиночестве, стал более осторожен. Но продолжал вести свою мелодию. И как только улавливал шум кинокамеры, сразу прерывал песню. Медленно переступая с лапки на лапку, постепенно уходил с бугра. И вскоре скрылся в глубине тайги.

Еще долго слышали мы таинственный напев — древнюю глухариную песнь о торжестве любви и жизни.

Феликс Вибе

Печорский дневник

На Тытыле

Чусовая ~ река-музей

Самая красивая Башкирия

Печорский дневник

С удовольствием беру его в руки, мой «Печорский дневник», этот самодельный блокнот из тетрадей, который я сам сшил, чтобы он хорошо лежал в кармане штормовки. Корочки его — тоже из обыкновенной зеленоватой тетрадной обложки — все оборвались, выцвели, вытерлись и подклеены лейкопластырем. И не мудрено: он

проехал (пролетел, прошел, проплыл на плоту и опять пролетел) вместе со мной сотни километров, набухал от влаги и сох на ветру и у костра. Удивительно, что он еще так хорошо сохранился.

Я беру его и листаю. Здесь все так просто: люди, бобры, дождь...

25 июня

Слава сказал:

— Так. Уже пять минут, как летим.

На самом деле мы никуда не летим, а сидим в Уктусском аэропорту и погода нелетная. «Север закрыт» — так это у летчиков называется. А нам надо именно на север. Урал — Печора наш маршрут.

Зачем стремимся мы на север? Спроси меня — не знаю...

Юра Яровой — знает. У него командировка от журнала «Знание — сила». Он будет писать. К нему приехал из Москвы фотокорреспондент журнала Виктор Брель. Он имеет в руках и важно носит перед собой светло-желтую сумку с фотоаппаратурой. Это тоже вполне объясняет, зачем он едет на север.

Ко мне из Москвы тоже приехал человек. Это Вадим, мой друг, композитор. Он летит на север просто так, как и я, без объяснений.

Еще с нами Володя, кинооператор Свердловского телевидения, и Слава, уральский писатель. Он, по всей вероятности, едет просто отдохнуть от цивилизации.

...Сели в самолет. Вещей много — огромные рюкзаки, лодка, палатки...

Полетели!

Внизу — Свердловск. Вижу наш девятиэтажный дом в Пионерском поселке, озеро Шарташ... И вот уже под нами — вершинки игрушечных деревьев, болота, маленькие поселки, торфяные поля... Слева хорошо видны горы и горушки Уральского хребта.

Сомнений нет, лететь нам на север надо. Не ясно зачем, но надо!

К сведению просвещенного читателя. В итоге нашего путешествия

в свет вышел номер журнала «Знание — сила», на обложке которого в голубой дымке уральских далей — коричневые великаны — каменные идолы. На переднем плане мы видим как будто бы зеленую травку. Но просвещенный читатель должен знать, что это никакая не трава, а карликовые березы. Разумеется, все это вместе называется: снимок В. Бреля. В самой же статье читаем точное определение задач нашего путешествия: «...Нас интересовали не только этнографические и фольклористские вопросы. В центре внимания экспедиции были проблемы географические и экологические — сложности охраны уникальных природных комплексов». Автор статьи, разумеется, Ю. Яровой.

26 июня

В Ивделе сели в вертолет.

Летим дальше на север.

Мы — втроем. Я, Вадим и Слава. Экспедиция разбилась на две части: мы — передовой отряд землепроходцев-рыбаков и они — информаторы во главе с Яровым. Они еще побудут в Ивделе, побывают в геологических отрядах...

Пролетели реку Лозьву. Вся — как засыпана спичками. Это лес, оставшийся от сплава.

Огромные вырубленные («выбритые» — прокричал мне Слава) участки леса кончаются. Пошел девственный лес и болота. Болота рыжие, ржавые. Хорошо видно, как раньше было озеро, а потом оно зарастало из года в год наступающими полукружьями трав и кустарников, и вот уже только окошки воды проблескивают в центре...

Горы слева живописны и притягательны. Горы, как вода, как огонь, приковывают к себе наш взгляд, гипнотизируют, их можно рассматривать часами и пельзя наглядеться. Вспоминаю древнего китайского поэта Ли Бо:

...Гляжу я на горы, и горы глядят на меня,
И долго глядим мы, друг другу не надоедая.

...Загораем в Усть-Манье. Загораем в буквальном смысле на берегу реки Маньи, кристально прозрачной, текущей совсем рядом с посадочной площадкой, и в переносном — ожидая вертолет. Он должен увезти нас попутным рейсом еще дальше — на хребет. Вернее, даже за хребет.

Купили хлеба и сухарей. Усть-Манья — это поселок примерно в двадцать домиков. Уже Тюменская область. Северную границу нашей — Свердловской — мы уже пересекли...

Везение сопутствует нам. А вернее, хорошее, заботливое к нам отношение окружающих — летчиков и геологов. Летим на вертолете к хребту, на запад.

— Идолы! Идолы! — кричит мне на ухо Слава.

Впереди по нашему курсу видна гора Маньпупыгнер и на ней — цепочка каменных идолов. Слава рад, просто счастлив. И правда, испы-

тываешь непонятное волнение, видя на лысой макушке горы эту почти в человеческом порядке выстроенную цепочку...

Мы над хребтом. Идолы, пока я пишу эти строки, остаются южнее нас. Мы встретимся с ними позже.

[96]

Пролетаем великий водораздел: из видных нам снежников в этих горах рождаются истоки речушек и рек трех громадных водных систем — Обской, Волго-Камской и Печорской.

Садимся прямо на полянку у небольшой, абсолютно прозрачной речки — это один из притоков Илыча, в свою очередь являющегося притоком Печоры.

Слава вернулся с первой рыбалки и принес трех хариусов. Вадим уже чистит их, сейчас сварим уху и пожарим.

29 июня

— Не успел проснуться, открыть глаз, как комар уже в него залетел, — говорит Слава, вылезая из палатки.

Он сегодня проснулся и встал последним. Завтрак уже готов.

Итак, вчера после дня отдыха мы погрузились за десять минут в вертолет и полетели на Маньшупыгнер. Под нами — долины рек, леса, а на горизонте — горы, горы. На многих вершинах, вернее, на их северных склонах, лежит снег.

Но вот Слава зовет меня к своему иллюминатору и, волнуясь, как и в первый раз, показывает каменных идолов. И волнение передается мне. Мы все ближе и ближе подлетаем к ним. Мной впервые в жизни овладевает горячка фотографирования. Пока мы облетали гору посадочным полукругом, я снял идолов в разных ракурсах, снял столько кадров, сколько успел.

Быстро выгрузились. Вертолет улетает. Слава и Вадим пошли набрать снега в ведро на северном склоне (пить очень хочется), а я остаюсь наедине с каменными идолами. Волнение снова овладевает мной.

Сама вершина Маньшупыгнера гола, она покрыта только стелющимися карликовыми березками и мхом. И вот прямо на ней, как бы гуськом взбираясь на гору, возвышаются каменные великаны — огромные, высотой с семи-восьмизатжные дома столбы-останцы. И сразу видишь, что эти великаны имеют лица. Много лиц с многими выражениями. Угадываются и русские мужики с окладистыми бородами, и манси с плоскими носами и узкими прорезями глаз, и всяких других наций люди. Они и серьезные, даже хмурые, и лукаво веселые, и безразличные, но все — мудрые, значительные, будто впитавшие в себя неторопливую мудрость веков...

На иных останцах-великанах — целые иконостасы: рядами одни над другими расположены лики, одни явственнее, другие только намеком обозначенные природой. Вот улыбка пророка, вот лисья восточная хитрость, а вот глазницы черепов... Они многолики и многозначны, мансийские боги! Они, подумал я, многозначны, как художественный образ, как

настоящее произведение искусства. Глядя на них, можно понимать очень многое, разное — каждому свое...

Впрочем, все это — мои позднейшие размышления, а вчера я просто в волнении смотрел и смотрел на них, на эту группу каменных вечных людей, почерневших от времени...

Свежий ветер постоянно обвевал вершину Маньпуыгнера. Где-то внизу, в одном из логов куковала кукушка. Кругом — за идолами и во все стороны — тянулись гряды гор, поднимались отдельные вершины, как пирамидальная гора Койп на юге, и небо было покрыто белыми облаками, а само было и голубым, и белесым, и зеленоватым, и еще каким-то перламутровым вдалеке. И тогда я ощутил счастье, что стою тут, что мне привелось все это увидеть и испытать радость стоять в этом центре Уральского хребта, в его древнем мансийском храме.

[97]

Потом мы взяли довольно тяжелые рюкзаки, оставив половину вещей назавтра, и стали спускаться вниз, к Печоре. И когда мы отошли от идолов километра на два и вышли на склон, противоположный тому, по которому спускались с горы идолы, нашим глазам открылась глубокая, изогнутая дугой долина, и в самом низу ее — лента болотистых берегов. Здесь, в этой долине, рождалась великая Печора, здесь был самый верхний, самый первый ее исток. На подробных картах этот ее первый изгиб можно найти. Здесь она начинала свой 1800-километровый путь к Ледовитому океану.

Русло реки в том месте, где мы спустились к ней, было в два шага шириной. Вода едва закрывала небольшие камни...

Потом, когда мы разбили лагерь, я поднялся выше по реке и вдруг увидел, что главное русло обмелело, а слева в него впадает небольшой ручей. Пошел еще выше по каменистому, совсем почти пересохшему руслу и, к своему удивлению, увидел плотину высотой метра в полтора. Она была сделана очень искусно, сплетена из довольно толстых ветвей. На некоторых видны косые срезы, как если бы они были срублены топором. С одного края в плотине был устроен водоспуск, и вода сбегала прямо в камни русла. За плотиной начинался большой разлив — целая Венеция с островами и протоками.

Признаюсь, мне стало неприятно. Плотина в этих местах? Браконьеры? На территории заповедника, куда можно попасть, лишь получив специальное разрешение. Мы и рыбачим-то по особому разрешению... Я вернулся в лагерь и рассказал обо всем ребятам. Слава побежал по моим стопам. (Плотина была метрах в пятидесяти от нашей палатки.) Скоро он вернулся с радостью:

— Нам очень повезло: это бобры!

— А как же срубленные ветви?

— А ты посмотри: там следы зубов.

Действительно, вечером мы еще раз сходили «представиться бобрам». На срезе ветки — следы широких зубов.

— Нам страшно повезло! — еще раз сказал Слава.

Да, нам повезло: мы в самых заповедных, сокровенных местах Урала, где рождаются реки, где в грохочущий атомный век спокойно могут жить бобры, где с Маньпупыгнера спускаются и тысячелетиями никак не могут спуститься вниз каменные великаны...

[98] *К сведению просвещенного читателя.* Прошу разрешения процитировать журнал «Знание — сила», где дается оценка сделанного мною «открытия». Вот волнующее свидетельство прессы:

...Феликс, оказывается, обнаружил чуть ли не первую в мире высокогорную бобровую плотину. Когда мы рассказали научным сотрудникам Печоро-Ильчского заповедника о том, что под Болвано-Из (прошу обратить внимание на волнующую музыку названий! — Ф. В.) нашли поселение бобров, сотрудники сначала не поверили: не может этого быть! Пришлось поклясться, что это истинная правда, и только тогда дирекция стала срочно решать вопрос об экспедиции в это странное высокогорное хозяйство бобров.

Вот в таком разрезе.

Должен также сказать, что, несмотря на совершенный научный подвиг, я стараюсь ни на минуту не утрачивать присущей мне скромности.

29 июня (продолжение)

Выходим на Маньпупыгнер за оставшимися вещами...

Едва мы поднялись на плато Болвано-Из, как услышали рев вертолета. Вертолет сел и выгрузил Юру Ярового, Виктора Брея с неизменной желтой сумкой и фотоаппаратом на шее и Володю, который отличался от Брея только тем, что у него на менее толстой шее висела более тяжелая кинокамера.

До предела нагрузили рюкзаки. Снова — уже шестером — идем на Печору.

30 июня

Вчерашний переход дался мне нелегко. Рюкзаки получились большие и тяжелые. Я даже где-то злился на Славу, который шел впереди, что он не думает о плохо подготовленных к перегрузкам интеллигентах не такого уж молодого возраста. Можно было бы и не так спешить, пока мы не втянулись еще в трудную таежную жизнь... Ну да ладно! Сегодня небольшая усталость просто приятна.

Итак, мы встретили остальных троих членов нашей экспедиции. Они разбили у нас в лагере вторую палатку. Вчера все вместе ели картофельное пюре (из пакета) с мясом. Сегодня утром Вадим сварил рисовую кашу на сухом молоке. Очень вкусно.

Ребята рассказывают слышанную в Ивделе историю: один начальник геологической партии платил «птичьим алиментам». Дело в том, что кто-то из его подчиненных убил глухарку, а егеря этот факт засек, но персонально установить браконьера не удалось. Тогда суд вынес решение

платить штраф начальнику партии. Справедливо: хоть и идешь по самой что ни на есть нехоженой тайге, но все-таки не стреляй направо и налево. Беречь надо глухаря — это чудо наших лесов!

К сведению просвещенного читателя привожу выдержку из «Жизни животных» Брема: «Самый крупный и благородный вид тетеревиных птиц — это глухарь... краса лесов, радость охотника... При обычном течении вещей глухарь днем держится на земле...»

Свидетельствую: именно по земле прыгала та глухарка, которую мы неожиданно вспугнули в густом кустарнике три дня назад, продираясь к реке. Она, наверно, была с выводком, потому что нарочно волочила крыло и отлетала от нас не дальше чем на десяток метров.

— А где же у нее дети? — спросил я.

— В противоположной стороне, — сказал Вадим.

Мы поскорее ушли, подчиняясь непреодолимому желанию поскорее оставить в покое мать и детей. Спасибо тебе, случай, что ты дал мне возможность увидеть так близко эту большую пеструю птицу.

...Ложимся спать. Полчаса назад Юра Яровой, Витя и Володя ушли на Маньпуыгвер. Хотят дождаться там рассвета (не так-то уж до него и долго) и снять восход солнца с каменными идолами.

1 июля

Встали поздно, в половине десятого. На небе тучи, но без дождя. Ветра нет ни малейшего. Едва вышел из палатки — комары набросились, как звери.

Выходим втроем из лагеря, идем вниз по Печоре. Задача: перетащить часть груза километров на 10—15, где можно будет спустить на воду нашу лодку.

Река шумит внизу. Мы идем по правому довольно высокому ее берегу — здесь она омывает хребет.

Остановились, решили надуть лодку и если не плыть на ней, то по крайней мере везти на ней вещи. Вадим настаивал на этом еще вчера. Он хотел спускаться прямо из лагеря. Но большинством решили пройти хотя бы километров 10, чтобы не повредить лодку на камнях.

И вот лодка надувается. Вадим работает насосом...

Прошли «вплавь» километра два. Это довольно трудоемко. Очень много перекатов. Приходится тащить лодку, приподнимая ее за веревки обвязки...

Мы снова в нашем лагере. За час сорок пять минут быстрого хода без рюкзаков вернулись «домой». Переночуем — и завтра с оставшимися вещами — уже насовсем вниз по Печоре. Первый населенный пункт на нашем пути — Шежим, самый верхний кордон Печоро-Илычского заповедника.

Юра Яровой и «его люди» пришли с Маньпупыгнера. Витя снял прекрасный восход солнца с идолами.

Слава жарит картошку. По лесу он бегает, как лось.

— Надо готовиться к таким путешествиям, — сказал он нам. — Я вот каждый день вместо зарядки по четыре километра туда и обратно от дачи до станции бегал...

Меня это пугает: загонит он нас вконец!

Оправдывая разыгравшийся к ужину аппетит, Витя Брель сказал:

— Набегался от идола к идолу. Рассвет-то пять минут, а идиолов много.

2 июля

Покидаем лагерь.

Обстановка такая: мы втроем — я, Вадим и Слава — идем налегке вниз, по Печоре, а остальная компания погрузилась в вертолет вместе с лодкой и всем грузом и улетела вниз, в лагерь геологов напротив горы Койп, километрах в пятнадцати от нас. Вертолет сел на берегу реки, совсем неподалеку от нас. Мы как раз обедали, ели картошку с малосольными хариусами. Угостили летчиков...

Идем мы то прямо по руслу, то по разным берегам, срезая излучины. Места замечательные! Скалистые берега покрыты елями и кедрами, низменные — березами и тальниковыми кустами. Типичная горная река, изобилующая перекатами.

Мы отказались пролететь все это на вертолете за полчаса. Уж идти по Печоре, так по всей — километр за километром...

3 июля

Три часа утра. Только что пришли в лагерь геологов. Ребята ждали нас. Мы очень устали. Койп — высокая конусная гора — остался позади нас. Напрямую это 17 километров (так показывает карта). Но накрутили мы по реке, конечно, гораздо больше.

В памяти навсегда останется эта ночь без минуты темноты, и журчание воды по камням под нашими сапогами, и кедры — эти благородные дети тайги — по берегам, и живописные скалы, и гора Койп, все время маячившая перед нами со своими белыми пятнами снежников. Мы шли, шли и шли, и Койп наконец оказался сначала справа от нас, чуть-чуть повернувшись своим конусом, а потом позади.

Где-то километрах в десяти от лагеря геологов я увидел следы полозьев прямо на траве и прибрежной грязи. Слава предположил, что это манси приезжали на Печору половить хариусов. Потом стали встречаться следы людей. Еще через два-три километра появились едва заметные тропки, и наконец из-за поворота мы увидели двух человек в штормовках. Надо было подойти почти вплотную, чтобы увидеть, что это девушки.

Они сказали нам, где расположились наши, прилетевшие на вертолете. А я смотрел и смотрел на их лица. Они были нежные и краси-

вые — тоже как чудо природы, еще одно чудо этой ночи! Совсем мы огрубели среди комаров, забыли, что существуют на земле девушки...

Проспали до полудня. Ребята заранее поставили нам палатку. Но она была сырая — здесь прошел сильный дождь. Где-то часов в восемь солнце нагрело палатку, и в ней стало невозможно жарко. Тогда ее накрыли сверху одеялами, и наш сон продолжался.

Яровой, Витя Брель и Володя работают. Снимают и интервьюируют вокруг все живое...

[101]

4 июля

Идем вниз по Печоре.

Воспоминания детства приходят неожиданно. И не обязательно тогда, когда сидишь у костра, смотришь в огонь и задумываешься. Нет, сегодня детство пришло ко мне на кочкастом лугу. Просто пока Вадим вел лодку, я решил сократить путь и пошел прямо по лугу, срезая излучину. Детство пришло от запахов. Каких — не знаю. Видно, трава какая-то. Дух травы в сухой, знойный день.

...Мое деревенское детство прошло в Казахстане, в верховьях Иртыша. Там больше всего было таких дней — полынно-знойных, горьких военных дней. Мы — пацаны — были работниками. Бригадир Шевченко, один из совсем немногих оставшихся в деревне мужиков, назначил меня дневным конюхом. С восхода солнца и до заката я должен был пасти колхозных лошадей и рабочих быков. На рассвете он стучал кнутовищем в раму нашего окна:

— Виба, выходи!

И я шел, в сером рассвете плохо соображая, что к чему. А потом вставало солнце, и весь день сливался в сплошной круг зноя и желания спать.

Один раз заснул, привязав повод к ноге, и молодой, плохо обьезженный еще жеребец по кличке Золотогривчик, щипая траву, тянул и тянул меня за собой по земле, а я все никак не хотел проснуться, все хитрил, урывая у судьбы хоть минутку отдыха. О, как мечталось тогда о парте в большом прохладном классе! Где не будут виться над тобой ни разъяренные, величиной с кулак оводы, ни мелкая, почти невидимая мошка, от которой подушкой пухнет лицо. Каким сладостным пустяком казалась учеба!..

А Печора ведет нас все дальше.

Скажу еще только, что красота не приедается, не деласься к ней равнодушнее. Как запахом травы в сенокос не можешь надышаться весь день, несмотря на изнуряющую работу, так и здесь красота все льется и льется в тебя, не перенасыщая.

Благодатные, счастливые июльские дни...

Сзади нас все время — трехгранная пирамида Койпа с пятнами снежников.

5 июля

Проснулись, искупались.

Вчера, вернее, сегодня где-то в час ночи потерпели кораблекрушение: в лодке образовались две пробоины — большие дыры. Набралась вода, все промокло. Из рюкзаков текла вода, часть сухарей превратилась в кашу. Вместе со Славой поставили палатку. Хорошо еще, что она была сверху и оказалась сухой, как и наши спальные мешки.

Будем ремонтировать лодку, а Слава с рюкзаком пойдет вниз к ушедшим вперед ребятам — у них нет продуктов.

С лодкой мы связывали надежды на поход-удовольствие. На самом же деле грузоподъемность ее — 200 килограммов — оказалась необычайно мала, когда мы попытались уместить в ней груз целой экспедиции. О том, чтобы еще и ехать нам, не могло быть и речи. А перекаты! Ей-ей, они составляли половину пути. Когда я пишу в дневнике: «Вадим с лодкой», или «я с лодкой», — это значит, что один из нас ведет лодку в поводу, выбирая более или менее глубокие места, а другой чуть-чуть отдыхает, сокращая путь по берегу. А на перекатах мы вместе — изнурительная работа! — приподнимаем нашу резиновую помощницу за обвязку и перетаскиваем на глубину, стараясь не порвать дно. Однако не уберегли, порвали...

Починили, конечно, украсив тремя трогательными заплатами.

Отплываем, хотя идет дождевая туча. Но ребята нас ждут.

6 июля

По сути дела, шестое июля еще только начинается — час ночи. Все у нас перепуталось с этим бесконечным полярным днем. Или белыми ночами? Часам к двенадцати только чуть-чуть смеркается — и опять светло..

Мы дошли до устья Малой Порожной (правый приток Печоры; правильнее было бы называть ее «Порожная» — от порогов, а не от «порожня» в смысле «пустая», но что поделать?). Поставили палатку. Здесь образовался целый лагерь: кроме наших — еще несколько механиков около геологического вездехода, который чуть ли не целый месяц все никак не заводится, двое рабочих Воркутинской экспедиции, перегоняющие для геологов трех лошадей, и, наконец, собака Пальма.

Завтра пойдем дальше вниз, к устью Большой Порожной (еще один правый приток Печоры). Там будем делать плоты.

Пока мы спали, ребята собрались и ушли вниз, чтобы быстрее приступить к постройке плотов. Остались мы с Вадимом. Должны их догнать.

Идем по Печоре между Малой и Большой Порожными. Это десять километров камней — огромных валунов, скал, булыжников. Вокруг них кипит вода, образуя то глубины, то мели. Все время надо искать проход для лодки, оберегать ее от острых камней, перетаскивать через мели и через камни. Три-четыре метра плывешь на лодке, потом выпрыгиваешь

на камни, скачешь по ним, ведешь лодку среди лабиринта валунов... Акробатические этюды!

Только что пообедали. С полчаса вел лодку я, теперь отдал Вадиму и пошел на берег чуть-чуть передохнуть. Валуны на дне в этом месте покрыты очень скользкими водорослями. Я хотел закричать Вадиму: «Скользко!», но понял, что он в шуме воды ничего не услышит...

Пока я пишу, Вадим выполняет свою долю акробатических упражнений на камнях, осуществляя очень незначительное поступательное движение вперед. Когда-то мы догоним ребят?

[103]

Снова и снова постигаем относительность всего в природе. Едва только возникает твердое «да», как она тут же спешит со своим «нет». Только что было жарко, светило яркое солнце, но едва согрелись и высохли, как снова пошел дождь, и сырость прокрадывается всюду. Временность, непостоянство... Это входит в меня, как мудрость, как умение быть спокойным, как недоверие к абсолюту. Абсолютна лишь относительность природы. Такой и надо ее любить — сухой и мокрой, зеленой и выгоревшей, ласкающей и суровой...

7 июля

Поставили палатку у устья Большой Порожной. Устали страшно. Мы с Вадимом решили отстать от основной группы. Не хотим больше спешить. Какая радость воспринимать красоту бегом?

...Поспать не удалось. Часов в шесть утра нас разбудил Юра Яровой и сказал, что заболел Слава. Нужен валидол, который был у меня. Мы поспешили вместе с Юрой к ребятам, остановившимся лагерем километрах в двух ниже нас.

Вот что у них произошло. Они хотели сделать плот из восьми длинных бревен. Срубили, точнее, спилили — пила у нас есть — и подтащили к воде восемь бревен. Отличный еловый сухостой. Снешили, работали. Бешеный ритм диктовал, конечно, Слава. И вдруг он исчез. Нашли его лежащим в стороне, в высокой траве, бледно-серым. Не мог поднять ни руки, ни ноги. Довел-таки себя человек... А ведь здоровяк!

В довершение бед на стоянку явились лесники-наблюдатели Печоро-Ильчского заповедника и категорически заявили: «На плоту здесь не пройдет. Застрянете на ближайшем перекате». Выходит, и работали-то зря! Ребята решили бросить почти построенный плот и идти пешком к Елме, следующему притоку Печоры, где воды станет больше.

Слава лежал в палатке. Болей у него в области сердца не было, но руки-ноги поднимать он не очень мог. Созвали консилиум. Каждый из всех сил постарался вспомнить все, что знал о сердечно-сосудистых заболеваниях. Поставили диагноз: приступ стенокардии на почве переутомления.

К сведению просвещенного читателя. Впоследствии, в Свердловске, квалифицированные врачи подтвердили наше заключение.

Славу обязали съесть профилактическую таблетку валидола.

После этого праздника самолечения пошли на «плотоверфь». Все здесь было сделано отлично. На двух коротких бревнах-откосах лежали восемь аккуратно ошкуренных сухих бревен. На четырех уже были даже пропилены пазы, чтобы их можно было соединить поперечинами. И сами поперечины лежали готовые. Неужели же бросать все это добро?

[104] — Давайте хоть салик сделаем из четырех бревен,— сказал я.— Хоть Славу нашего натренированного немножко подвезете.

Быстро сколотили из четырех бревен плот-салик, столкнули в воду. Мы с Володей забрались на него и в мгновение ока проскочили ближайший перекаат, которым нас так стращали лесники. Причалили к берегу. Оказывается, незаметно промчались метров триста. Ребята повеселели. Пусть даже где-то плот будет застревать — все равно облегчение и удовольствие. Да, и удовольствие: ведь мы по-прежнему мальчишки, так и хочется на чем-нибудь прокатиться...

Итак, Юра, Слава, Витя и Володя уплыли вниз. Вернее, двое пошли пешком, а двое получили возможность плыть на салике.

Мы попрощались с друзьями. Теперь увидимся только в Свердловске. С самого начала предполагалось это расставание. Охваченный журналистскими задачами Юра Яровой и его помощники — кинооператор Володя и фотокорреспондент Витя, а также примкнувший к ним энергичный и бывалый Слава спешили скорее выйти к первым кордонам заповедника, а возможно, даже и побывать в его столице — Якше. Это сотни километров по Печоре.

Наоборот, мы с Вадимом освободили себя на этот раз от всякого «сбора материала». Нам просто хочется наслушаться пенья кукушек и неумолчного журчапья печорских перекаатов, насидеться в задумчивости у костра, вволю надышаться воздухом ветронутых неповторимых мест. Никуда мы не спешим. Можем мы раз в жизни позволить себе это в наш несущийся сломя голову век?

9 июля

Вчера вечером ходили на рыбалку, и нам наконец повезло: Вадим вытащил на мушку большого хариуса, а я почти такого же — на червя. Ловили на Большой Порожней. Вадим — на яме возле красивой скалы, километрах в трех от лагеря, а я — в самом устье речки, совсем близко от нашей палатки. Рыбацкая наша страсть почти удовлетворена. Питание также обеспечены, что немаловажно: из продуктов остались, по сути дела, одни только сухари.

Благословенные дни кончились. Третий день стоит холод. Градусов 5—8. Дует холодный северо-восточный ветер. Руки мерзнут. Ледовитый батюшка-океан дает о себе знать. А то совсем забыли, что мы — на Северном Урале...

Думаю эти дни о единении с Природой. Вадим тоже вдруг об этом заговорил сегодня. О том, что он, несмотря на холод, радуется всему, радуется, что после холода придет тепло... Единение с Природой — может

быть, это именно то, чего мы прежде всего, пусть неосознанно, ищем в наших летних скитаниях.

Вспоминаю наше путешествие по Уфе — от Красноуфимска до Саргаи — несколько лет назад. Там я впервые это почувствовал по-настоящему. Было очень тепло, жарко. Мы все время были у реки, купались. Людей почти не встречали. И вот я в один момент вдруг почувствовал, что полностью избавился от неудобства, которое не может не испытывать путешествующий городской человек на природе. Ему многое кажется под открытым небом неудобным: то холодно, то жарко, то кусаются комары, то сыро, то колет ветка, то страшно приближающегося дождя или ночи. А тут я почувствовал, что мне ничто не мешает. Даже наоборот, все вокруг прекрасно и нужно. Даже вроде кусучий двукрылый и тот вписывается в общую картину: что уж поделаешь, живет такая тварь... А сам я — частица всего этого. Всего огромного здания Природы, с лесом, рекой, зверьем (совсем рядом с нами в тот год ходили лоси), камнями и людьми. Я был кусочек, живой кусочек природы, и этой нашей, уральской, и всего мироздания вообще. Прекрасное чувство!

Здесь, на Печоре, я испытываю подобное в меньшей степени — холод мешает. Но все равно это чувство, раз родившись, все время во мне живо, оно — одна из радостей моей жизни...

10 июля

Вчера легли в два часа ночи. Встали сегодня поздно. Набираемся сил. Честно говоря, вымотались очень. Натренированность не то что слабая, а просто отсутствует. А с первых дней путешествия всегда испытываешь большой подъем, нервное возбуждение, которое создает иллюзию, что сил у тебя вроде бы больше, чем в действительности... Сегодня — все нормально. Пойдем вверх по Порожной...

Сидим с Вадимом на Большой Порожной. Ушли вверх километров на пять. Клева нет. Сколько я ни подбрасывал червя у поваленной и прижатой течением к берегу березы, где я накануне поймал двух хариусов, — ни разу не дернуло. Тогда я стал на саму эту березу, разглядывая ямку под ней. И вдруг увидел спокойно плавающих здесь хариусов. Они стояли на течении («молча» — хотел я написать), слегка шевеля хвостами и плавниками, поглядывая темными внимательными глазками, шевеля жабрами. Некоторое время я стоял, боясь пошевелиться, но потом осмелел, вытащил из банки червя, наживил его на крючок (хариусы по-прежнему стояли, их было штук пять) и подбросил рыбам. Они не обратили на моего червя ни малейшего внимания. И так я стоял минут пятнадцать на дереве и подбрасывал к их носам червя, а они его не брали. Так ничего и не добившись, я пошел к Вадиму. Он был на своем излюбленном месте — возле скалы. Сегодня и у него не брало.

К сведению просвещенного читателя. Я страшно смеялся, когда прочел у Брема следующие строки о хариусе: «По своему образу жизни он схож с ручьевою форелью. Подобно этой последней, он так же необы-

чайно стремителен в своих движениях и так же часами выстаивает на одном и том же месте, головою против течения, причем часто позволяет себя даже вытаскивать из воды руками...»

[106]

Тут я и смеялся. Руками! Это хариус-то! Сверхосторожная, сверхпугливая рыба! Знатоки советуют подкрадываться к месту игры хариусов не иначе как по-пластунски, подкидывать мушку или червя только из-за куста, и вот тебе пожалуйста — руками!.. Но может быть, я преждевременно смеялся? Стоял же я на берегу в каком-то метре от хариусов, а они меня нисколько не боялись. Может быть, надо было не подбрасывать им червя, а именно просто вытащить их руками?

11 июля

Холодно было вчера! Я горько шутил:

— Река завтра станет!

Но в основном не до шуток. Холод и ветер пронизывают насквозь...

Правда, не все неудачно было прошедшей ночью. Когда мы, замерзшие до последней точки, возвращались к лагерю по Порожной, Вадим именно в том месте, где я наблюдал хариусов, под березой, вдруг стал таскать этих голубчиков на мушку. Одного, другого — целых пять! Одного — опять на килограмм. Веселее нам стало. В два часа ночи (утра?) вернулись в лагерь, сварили уху, засолили рыбу, погрелись у костра — и в спальные мешки...

Лагерь наш мы называем «На семи ветрах». Это потому, что поставили палатку прямо на гальке полуострова напротив устья Большой Порожной. Замысел был — чтобы лучше отдувало комаров и было прохладнее. В смысле прохладнее — все в порядке. И это в середине июля!

Сегодня покидаем эти места. Построим плот из оставленных ребятами бревен.

...Спускаем плот на воду. Построили-таки. Пазы для поперечин пришлось вырубать нашим маленьким топором — ребята ведь забрали пилу с собой.

Проплыли километра два-три. Получается. Хотя на перекатах приходится спрыгивать с плота и тащить его, подталкивать шестами, выбирая места поглубже.

Небо в страшных черных тучах. Мне кажется, я никогда не видел такого низкого, такого сплошь мрачного неба. Вдоль по реке дует, гудит восточный ветер. А мы поставили палатку поглубже в лес и горюшка себе не знаем — тепло. Лес — вторая шуба. Это тебе не «На семи ветрах»...

12 июля

Двигаемся дальше.

У одного из перекатов я вдруг услышал совсем цыпленочий писк. Оглянулся: в лопухах у берега ходил крошечный куличок размером с наперсток, зелено-желтенький, с длинным черным носом. Запрыгнув на

камешек, он смешно, совсем по-взрослому, по-куличиному, подергивал едва обозначившимся хвостиком. Я отошел подальше, боясь ненароком ступить своим резиновым сапожищем микроскопического представителя фауны.

13 июля

Удостоила вчера нас природа Днем рыбы!

Остановились у одного симпатичного местечка и давай одного за другим ловить прекрасных хариусов. Теперь мы знаем, что такое настоящий клев!

Во время ловли два раза цеплялась мне на крючок маленькая семушка. Какая красавица! Вся в пятнышках, в том числе — в красненьких. Хорошо я ее не разглядел: спешить скорее снять с крючка и отпустить в воду.

Как приятно видеть чистую рыбную реку. Печора — такая река!

Снимаемся, укладываемся. Время поджидает, а то бы жили и жили...

15 июля

— Да уж, такую жизнь не каждый выдержит. — Это говорит Вадим, говорит со значением.

Дождь. Идет дождь. Как описать это? Он льет и льет без конца, то сильнее, то слабее, с очень короткими перерывами. Мы прячемся, но природа сильнее. Она решила, что все должно быть влажным, и наша палатка промокла, и Вадим просчитался, укладывая в лодку (она стоит теперь у нас на плоту, как сундук для рюкзаков и прочих вещей) спальные мешки, и они тоже промокли, и штормовки стоят на нас коробом. И хотя я ночью сушил над костром свой спальный мешок, но все равно из-за дождя не досушил и лег спать, ощущая сырость.

Ситуация географически такая: вчера изо всех сил пытались доплыть до Елмы — это левый приток Печоры. Показалось, что доплыли: вот она вроде, слева впадает в реку. А избушку не нашли...

Дождь опять идет. Природа объявила Большую сырость. Представьте себе на противоположном от нашего лагеря берегу невысокую, но крутую гору в еловой поросли. Так вот ее все время то наполовину, то насовсем скрывает сырой туман, из которого цедится и цедится без конца дождь. Торжество сырости! Мне кажется, если сделать фотографию всего этого безобразия, то снимок невозможно будет высушить до конца...

— Просто удивительно, — говорит Вадим, — как погода иногда влияет на настроение.

Завтра рано утром — в путь. Осталось совсем немного сухарей, сахар кончился позавчера, сегодня съели по последней крошечной дольке шоколада. Риса — на одну кашу.

16 июля

Плывем на плоту. Нашли все-таки избушку на Елме. Она оказалась на острове. На окне в избушке лежали скобы: ребята оставили нам — крепить плот. А записки не оставили. И так, мы уже девять дней не только не видели никого из людей, но и весточки никакой из цивилизации не имеем...

[108] Вдруг закуковала кукушка. Наконец-то! Мне все хотелось назвать верховья Печоры Страной кукушек. Их пение сопровождало нас повсюду. Только на Порожней вдруг мы перестали их слышать. Может потому, что жили на перекате и он все заглушал, или погода испортилась — и они молчали? И вот снова — домашний, успокаивающий, из детства, из песни знакомый голос: ку-ку, ку-ку!

На меня опять находит жадность: смотришь и не можешь наглядеться. Жалею, что проезжаем эти места навсегда, что они уходят, остаются позади, а ты не смог, не успел наглядеться на них. Такая красота!..

Вадим — на носу плота. Он у нас капитан и прокладывает курс: выбирает из двух или трех рукавов реки главный, чтобы мы не сели на мель или на камни.

— Ты что-то совсем поседел за этот год, Вадим, — вдруг говорю я, рядовой матрос, коротающий время на корме.

— Да.

— О знакомстве с девочками не может быть и речи?

— Какое там знакомство!

— Одни шахматы?

— Теннис. Замечательный спорт. Теннис — это и легкая атлетика, и бокс, и шахматы...

В полной тишине прозрачная вода несет наш плот. На дне виден каждый камешек.

— И самбо, — добавляю я.

— И самбо, — соглашается Вадим.

Так мы разговариваем, но мысли наши не про спорт, а про то, что наша жизнь все катится и катится неумолимо вперед, как эта река, то несаясь на перекатах, то чуточку отдыхая на плесах...

Подплыли к лагерю геологов из Коми филиала Академии наук СССР. Она, эта геологическая партия, состоит всего из трех человек: начальника, лаборанта и рабочего. Мы познакомились с лаборантом Виктором — 21 год, образование — первый курс. Начальник партии и рабочий находились в очередном маршруте. Виктор напоил нас чаем и дал пару отличных черных сухарей. Как я понял, партия исследует нечто палеонтологическое: ищут ракушки, отпечатки древних рыб. Виктор показал нам одну такую находку: окаменевшую ракушку, каких много на берегу моря. «Ей триста миллионов лет», — сказал он.

— Наконец-то видим человека! — сказал Вадим.

— Здесь людей много, — ответил лаборант Виктор.

— Как много? — удивились мы.

— Геологи, журналисты...

То есть восемь дней назад мимо них проплыли наши ребята, и это он считает, что народу много! Когда на десятки километров никого нет — встреча и с одним человеком кажется многолюдством. У нас, кстати, такое же ощущение — словно вырвались в царство цивилизации. Геолога, видите ли, встретили! А впереди — Шежим, огромный населенный пункт (шесть домов, нам сказали). Многолюдство!

[109]

Плывем. В среднем скорость хорошая. На перекатах — несемся, а на плесах, особенно при встречном ветре, почти застываем на месте.

Время от времени принимается идти дождь.

Сфотографировал Вадима у скалы на плоту возле большой ямы. Видимо, это про нее нам говорили, что сюда уже поднимается из океана на нерест большая семга. Та пестрая рыбка, что позавчера цеплялась мне на крючок, — это маленькие детеныши семги, которые вывелись здесь из икринок. Потом эти малявки скатываются в океан и там за какое-то количество лет подрастают (длина до полутора метров, вес — до 38 кг!), после чего возвращаются на нерест в родную Печору. Лов семги здесь, понятно, запрещен.

Встретились с Сергеем Михайловичем, научным сотрудником Печоро-Ильчского заповедника. Охотовед. Родился в Москве. В заповеднике уже два десятка лет. Симпатичный человек. Тема его исследований: «Причины, вызывающие изменение численности белки». Проще сказать, он живет тут в лесу совершенно один и ловит белок. Тотчас же их, между прочим, отпускает.

Плашка — орудие ловли белок. Это такая долбленка из полуметрового чурбака, которая настораживается специальной системой из деревянных палочек с приманкой. Белка, польстившись на сухой грибок, нарушает эту систему, плашка падает и накрывает белку. После чего ей уже одна дорога — в мешок исследователя.

— Прошлой весной, — говорит Сергей Михайлович, — я поймал здесь шестьдесят белок. В этом году — только одну. Резкий спад. Миграция.

Ну что ж, пожелаем охотоведу добраться до самых сокровенных причин переселений пушистого зверька. И не просто пушистого, а впечатлительного и нервного. На сосне рядом с палаткой оховеда — свежая беличья шкурка. Это — «смертельный случай», как сказал Сергей Михайлович, происшедший позавчера. Очень редко, но такое бывает: зверек, прихлопнутый плашкой, умирает от страха — не выдерживает сердце...

17 июля

Отплываем от Шежима, где переночевали и были очень гостеприимно встречены семьей лесника-наблюдателя Федора Карповича. Продукты есть — приобрели из запасов кордона.

Переговорили по радию с директором заповедника. Дня через четыре из Якши поплывут вверх ловцы бобров. Они нас и заберут на обратном пути. А пока еще четыре дня «единоличного» общения с природой. Отплываем...

[110]

Вчера была баня. Как раз угадали — семья Федора Карповича кончала мыться. Досталось и нам пару и горячей воды. Вадим только катался по полку, стонал, крихтел и охал.

— Какое это счастье — баня! — воскликнул я прочувствованно, любуясь крохотным оконцем, потолком и стенами в густом налете сажки. Баня была по-черному. Но все-таки, какое это счастье! Только намерзшийся и уставший человек может это понять...

Было вчера и пиршество — Федор Карпович пригласил нас отужинать. Вареная картошка, молоко, творог, свежий хлеб!..

Пока мы разговаривали с Федором Карповичем, с его женой и дочерью, приехавшей с ребенком погостить на лето к родителям, в дверях все время стояла живущая у них в доме старуха и смотрела на нас, и прислушивалась к разговору. Есть еще в мире места, где приход нового человека — событие!

Проплыли пещеру-грот в скале на правом берегу реки. Это километрах в четырех от Шежима.

По дороге заметили сплошь увешанные ягодами кусты красной смородины. Попитались. Потом я выскочил на берег, пока Вадим плыл один, обежал поправившийся мне лесок с осинками. Набрал грибов на хороший суп: красноголовики, обабок, крупные синявки-сыроежки.

Много плесов с остановившимся течением. Помогаем плоту шестами. Средняя скорость — километр в час.

Разбили лагерь на большом острове. Земля уже здесь цивилизованная: на большом лугу стоят шесты для будущих стогов сена. Это шежимские здесь косят.

...Он любит задавать зверям вопросы.

— Плыву я на лодке, а он — молодой медведь — из лесу вышел к берегу, где уже молодая травка растет, и пасется себе. «Ну, как дела, Михаил Иванович?» — спрашиваю. Он, конечно, наутек. Вот так метров тридцать было...

Или:

— Бобер, когда грызет, только «ширк-ширк» звук стоит. «Ну, как дела?» — спросишь его, он только юрк — и нету.

Это Поликарп Григорьевич, лесник Шежимского кордона, у костра рассказывает нам разные истории. Он — в бороде лопатой, очень живописный старик. Коренной печорский житель. И дед его тоже печорский. За прадеда не ручается, не помнит.

Прошлой зимой Поликарп Григорьевич прямо с крыльца своего шежимского дома убил опасного медведя-шатуна...

19 июля

Плывем.

Вдоль левого берега сопровождает нас бурундук. Он бежит уже за плотом метров четыреста, то прячась за корнями и дерном, нависшим над подмытым берегом, то выныривая на открытое место...

К сведению просвещенного читателя. Бурундук принадлежит к отряду грызунов, семейству беличьих. Из Брема: «Непушистый хвост несколько короче туловища, шерсть короткая и не особенно мягкая; на спине резко обозначенные продольные полосы...»

Говоря о характере «полосатой сибирской белки», как еще называет бурундука Брем, непременно следует отметить его крайнее любопытство. Он готов километрами сопровождать по лесу баб, собирающих грибы, прячась, подсматривать, да еще и посвистывать при этом. Вот и нас бурундук как положено проводил...

20 июля

Сегодня не плывем. Завтра или послезавтра, по нашим подсчетам, должны приехать «ловители бобров». Хочется домой...

Предстоящая ночь немного пугает — заморозки. Сегодня утром вся трава блестела от инея. Хотя в мешках нам и тепло, но окружающая суровость утомила уже немного. Прибавьте к холоду комаров, которые его совсем не боятся, пронизывающий ветер — у нас лагерь опять почти на семи ветрах — и полная картина нашего летнего отдыха будет нарисована...

21 июля

В Шежим прошли две лодки с боброловами. На лодках стояли клетки. В каждой клетке по две изолированных секции, обитых оцинкованным железом. Это — чтобы плененный бобр не прогрыз свою темницу.

Поговорил с боброловами о том, как ловят этих пушистых грызунов. Главный способ такой: на выход из норы набрасывают сеть, а затем беднягу начинают выгонять шумом и гамом. Иногда он сразу же выскакивает и оказывается в сети. Иной же раз, наоборот, забивается поглубже в нору и отсиживается там. В этом случае приходится его откапывать.

— Главная наша работа — работа землекопов, — так мне сказал предводитель бобролов, небольшого роста остроглазый человек лет сорока восьми, авторитет которого необычайно возвышала форменная фуражка защитного цвета с блестящей эмблемой лесничего.

Отловленных зверей предполагается расселить в низовьях Печоры, в очень северных широтах. Это такой эксперимент. Может быть, это будут самые северные в мире бобры. Спрашивается: а если бы бобры жили, наоборот, в низовьях Печоры, не ловили ли бы мы их тогда, чтобы переселить в верховья?

Собираемся, выезжаем. Лесники, которые где-то в этом районе косят сено, отвезут нас на моторных лодках в Собинскую заостровку — очередной кордон Печоро-Ильчского заповедника.

22 июля

Уже в Собинской заостровке. Вчера расстались с любимым плотом.

Майя Евгеньевна — симпатичная молодая женщина, лесничий. Высшее лесное образование. Задолго до того как встретились с ней вчера, много о ней слышали. Она прямой начальник всех тех лесников-наблюдателей, которых мы до сих пор встречали. Большой авторитет. [112] Всю дорогу вчера, когда плыли на моторной лодке от Шайтановки, где мы бросили наш плот, и сегодня я все выспрашиваю Майю Евгеньевну о задачах лесничества, лесников. Но, видимо, я такой дремучий неспециалист, что разговор все время топчется на месте.

— А что сейчас делаете? — это я спрашиваю.

— Сейчас — сенокос. Сено для лошадей заповедника.

— Хорошо. А зимой?

— Зимой на лыжах ходим. За почтой в Усть-Унью...

— А в смысле леса?

— Первое — чтоб пожара не было.

В общем, среди множества обязанностей есть одна постоянная — просто присутствовать на месте, просто здесь жить, чтобы следить за жизнью леса, чтобы люди знали, что сотрудники заповедника не дремлют, находятся на своих постах.

Эпизод из жизни Собинской заостровки: минувшей зимой отбили у волков («два больших рыжих») собаку. Собаки нашли глухаря, облаивали, а волки на них напали. Одной собаке сильно порвали горло, а другая подняла страшный лай и привлекла внимание людей. Стреляли, но картечь пришлась в основном по сосне — волки убежали. Собака выздоровела, хотя трахея у нее была повреждена...

Вадим топит баню по-черному. Дым идет страшный. Он все время выбегает, кашляя и отплевываясь. Почему не сделать трубу?

Утром Майя Евгеньевна связалась по ради с Шежимом и мы узнали, что «ловители» уже поймали одного бобра и обложили еще одного, то есть перекрыли сачками все ходы и выходы, и осталась только работа землекопов...

Майя Евгеньевна и Вадим ведут глубокомысленнейшие разговоры о преимуществах различных бань. Диапазон — от Сандунов в Москве, посетителем которых мой друг неизменно выступает, до этого помывочного сооружения в Собинской из двух десятков бревешек. Баня по-черному, оказывается, очень экономична. Если делать ее с трубой, дело нагрева камней необычайно осложняется.

23 июля

Собрали с Вадимом маслят буквально за домом Майи Евгеньевны. Ольга Николаевна, мать Майи Евгеньевны, пожарила их.

Собинская заостровка — этот оплот цивилизации в три двора — расположена в живописнейшем месте. Печора здесь разбивается на два рукава, образуя большой остров. И вот на правом берегу, напротив ост-

рова, на возвышенности стоит этот самый оплот. Один дом принадлежит Майе Евгеньевне. Другой — леснику заповедника Саше с женой и тремя ребятишками. В третьем доме живут дед Федор и его бабка. Бабке восемьдесят два года, и она сильно хворает. Дед моложе: ему восемьдесят один, и он ведет все хозяйство сам, даже доит корову. Они — потомки древних печорских жителей и, как мне объяснили, закоренелые староверы.

Это староверство помимо молитв и чтения старых книг по праздникам простирается даже до таких крупных общественных акций, как отказ от пенсии. Я разговаривал с дедом Федором об этом. Он отбивал литовку, готовясь к сенокосу, когда я подошел к нему и поздоровался. Майя Евгеньевна предупредила меня, что старик глуховат, поэтому мои приветственные слова, выкрикнутые в полуденной тишине над рекой, прозвучали как гром среди ясного неба. Затем я без обиняков перешел к религиозным проблемам.

Дед Федор ради возвышенной беседы с готовностью отложил хозяйственные дела. Он сходил в сараюшку, стоящую почему-то поодаль от дома, и принес книжку в коричневом кожаном переплете. Это было нестарое, начала нашего века, издание, содержащее популярное изложение легенды о Христе. С красочными иллюстрациями.

Дед Федор говорил о Христе, об апостолах, Иуде и кесаре как-то по-родственному, как о хорошо знакомых ему людях из соседнего села, скажем, из Шежима...

Я спросил его об отказе от пенсии.

— Говорят: грех, — сказал дед.

— Какой же грех?

— Ну, получать от государства деньги.

— Но погодите: ведь вы раньше, до пенсии, работали в заповеднике и получали зарплату?

— Получал.

— Так это был не грех? А почему же сейчас грех? Это же вам за работу в прошлом и платят.

Дед был озадачен.

— А вы когда отказались? — спросил я.

— Месяца два.

— И так и не получали?

— Получал, — ответил мне дед несколько сконфуженно. — У меня там племянница на почте... Высылает.

Мне показалось, что тут глаза деда блеснули лукавством. Словно он приглашал меня оценить оригинальность ситуации: широковещательно он позволил себе жест — отказался от ежемесячной суммы. А в то же время пенсию он все равно получает, так как племянница на почте бдительно стоит на страже фамильных финансовых интересов...

В Шежиге второго бобра не поймали. Убежал, видимо. Ну что ж, это было бы слишком запанибрата с природой — хватать по два бобра сразу.

У Майи Евгеньевны две собаки — Чугрей и Матрена. Чугрей —

[113]

бурий, с маленькими глазками, под медведя. Это он лаял тогда, когда волки напали на собаку, не убежал, спасал товарища, хотя был еще совсем молодым. Матрена — в основном белая, изящная. Специалист по птице. Молодого глухаря сама ловит в лесу и тащит домой, хозяйке. У нее (Матрены) большие переживания: студентка-практикантка привезла с собой из города собачку — фокстерьера по имени Чапа. Чапа бегаёт без привязи, часто бывает допущен в дом, ходит с Майей Евгеньевной на рыбалку. Ревность гложет сердце Матрены. Когда вчера мы с Майей Евгеньевной и Чапой возвращались с рыбалки, Матрена во время ответственного лая топала от ревности ногами, видя Чапу...

24 июля

Переночевали в Собинской третью ночь. Нас всё не везут. По радию сообщили, что человек, который должен был нас сплавливать, отправляется не вверх, к нам, а вниз по реке...

В расстроенных чувствах взял тетрадь со стола у Майи Евгеньевны. Название: «Дневник лесника-лесотехника». Заполнен он нашим знакомым Федором Карповичем. Стал читать.

3 июня. Погода плюс 8 тепла, ветер северо-восточный. Бобр 1 шт. по р. Шайтановке на 7 км у Лиственичной слуды. Гогли самцы 12 шт. летели вниз по р. Печоре у Долгого острова...

6 июня. Бобр 1 шт. на Кедровой яме видал на глас...

Выдержки я, естественно, привожу, полностью сохраняя орфографию оригинала.

— Майя Евгеньевна, что это такое: «на глас»?

— Ну, глазом, то есть, видел. Не только след, но и самого зверя или птицу видел.

9 июня. Погода. Западный ветер. Утром шел дождик в р-не М. Порожной. Из М. Порожной вернулись домой в Шежим. Крохалей 2 шт. самец и самка. Следья лося 1 шт. по реке Выдерей. Лось 1 год у Б. Порожны у избушки вышел в р. Печору и увидел нас — вернулся обратно в заповедник...

25 июля

Выехали из Собинской в Усть-Унью. Везет нас лесник Саша.

Стрекочет мотор. Я пишу, сидя в лодке. Ясное утро. Красивейшие плесы. Саша, когда проезжали один из омутов, постучал по лодке веслом: иногда бывает, что испуганная заповедная семга выпрыгивает из воды, пугая людей шумным всплеском. В данном случае не выпрыгнула.

Ночью, наверное, было холодно, зато сейчас, первый раз за последние недели, совершенно чистое, без единого облачка небо и тепло, несмотря на раннее утро.

Печора — уже настоящая река! Приятно, что мы прошли и проплыли сами все ее верховья от самой бобриной плотины.

Саша закричал (все время надо перекрикивать мотор):

— Здесь дно как плитками выложено!

Мы как раз проезжали место с крутым каменистым левым берегом. Я посмотрел на дно и действительно увидел ряды каменных квадратиков и ромбиков, будто специально выложенных кем-то. Так уж размыла гору река. И вдруг я ясно увидел силуэт огромной рыбы — не менее метра в длину, она плыла навстречу нам, работая плавниками и как бы сторонясь лодки.

Саха постучал по борту веслом: вдруг семга выпрыгнет? Безрезультатно...

[115]

Плывем. Иногда на перекатах мотор задевает о камни, и тогда Саха начинает отталкиваться веслом, Вадим — шестом.

К сведению просвещенного читателя. Мы уплывали все дальше от Собинской заостровки, а часть души оставалась в этом гостеприимном поселке. Зимой я получил письмо от Майи Евгеньевны и понял, что продолжаю оставаться равнодушным к любой мелочи тамошней жизни. Вот что она писала:

Мы живем тихо и спокойно. Для меня наступило самое любимое время — пора лыжных выходов и охоты. Лес зимой — это совсем не то, что летом. Я имею в виду, в лучшую сторону. Зимой он такой нарядный, запорошенный, видно каждый след зверя и птицы, и вся тайная жизнь зверюшек становится явной.

Впрочем, сейчас вокруг Собинской обитают не только зверюшки, но и звери. Это волки. Потом, в декабре — январе, они уйдут туда, где есть наезженные дороги, и будут придерживаться их. А пока снег не глубокий, и они могут бегать по лесу где угодно. Наш кордон уже понес ущерб: у Саши с Ниной волк съел их собаку. Этот волк пришел сюда с неделю назад, он один и никуда не уходит пока. Ходит совсем близко, там, где вы с Вадимом собирали маслята, там видела я его след позавчера. Это он стережет наших собак. Не знаю, чем кончится дело, но застигнуть его врасплох очень трудно.

Наши мужчины часто уходят в лес по обходу на несколько дней, и мы с Ниной живем одни. У ней, правда, куча ребятишек не дает скучать, а у меня — бумажные дела по работе и еще Люська-разбойница, она уже выросла в настоящую кошку.

Дед Федор продолбил лунки через всю реку, опустил туда крючки и теперь ловит помаленьку налимов. Наживкой служат вандыши (это наши гальяны или пескари), а их тоже поймать сейчас целая история. Но дед-то хорошо знает, кого где искать.

Сегодня Саха и дед идут в Усть-Унью и я отправляю письмо.

До свидания. Привет Вам от всех собинских жителей.

25 июля (продолжение)

Из Усть-Уньи нам улететь не удалось — не взял вертолет. Поплыли дальше вниз по течению — в Курью. Повезло нам: напелся попутчик, а у него — лодка с мотором.

Печора продолжает оставаться прекрасной. К елово-березовым лесам прибавились березово-осиновые или даже чисто осиновые, очень

светлые, симпатичные. Красивое, зеленоствольное, светлое дерево — осина. Мать прекрасных грибов — красноголовиков...

[116] Видели сплывающий вниз стожок сена, искусно сложенный на оригинальном корабле-катамаране из двух лодок. Обе — на моторах. Один был приподнят (чтобы не стучался о камни на перекатах) и работал сам по себе. Другим управлял мужчина. На стогу с удобством разместились две бабы. Скорость передвижения была приличной. Но мы их обогнали. Мотор у нас — зверь.

Печора стала большой рекой. Но на перекатах еще приходится приглушать или вообще выключать и поднимать мотор — можно зацепиться.

Проехали деревню Малая, подъезжаем к Большой. Так оно и есть на самом деле: в Малой — десяток домов, в Большой я насчитал где-то тридцать.

26 июля

Мы с Вадимом остаемся ночевать в аэропорту Курья. Так и написано большими буквами на голубом: «Аэропорт Курья». Это небольшой деревянный домик с залом ожидания и радиорубкой, она же — касса. Начальник аэропорта выключил в стоящем поодаль вагончике движок, и наступила полная тишина. До завтра связь с внешним миром прекращена. Все ушли, а аэропорт оставили в нашем распоряжении. Небо обволокла гигантская туча, слышится гром. Капает. Ветер...

Раньше все эти места — и Усть-Унья, и Курья с ее аэропортом — входили административно в состав Пермской области. Теперь — Коми АССР. Но все равно многие нас спрашивали просто:

— Как вам понравился Урал?

В самом деле, несмотря ни на какие наши административные повороты, все это — Урал. Хребет рядом.

27 июля

Летим!

Внизу — сплошной лес, и среди леса поблескивает извилистая лента Печоры. Здесь она уже крупная, спокойная, солидная река. До свидания, Печора!

На Тытыле

Вроде предисловия

Когда мы вечером сели в поезд, я все еще испытывал радостное чувство. Я ходил по коридору купейного вагона, улыбался всем без исключения людям, трогал светло-серые пластиковые стены, смотрел в окно на асфальт перрона, по которому прогуливались под руку с девушкой два

молоденьких милиционера, и удивлялся: что это? где мы? цивилизация! Неужели еще сегодня мы поднимались три десятка километров вверх по Косью на плоскодонке Ивана Анисимовича, и когда в узком проране, образованном причудливыми зигзагами драги, метровый водопад останавливал нашу лодку и мотор захлебывался, Иван Анисимович кричал, чтобы мы налегали на шесты, и мы налегали, то упираясь в камень, то теряя равновесие, потому что шест весь уходил под воду, и Иван Анисимович хохотал, несмотря на сложность момента, потому что, видимо, нельзя без смеха смотреть, как работают шестом интеллигенты...

[117]

А потом эта встреча с медведем! Не игрушечным, не зоопарковским, а настоящим, воспитанным на вольной ягоде североуральской тайги. «Он когда сидел,— сказал Вадим,— то в рост человека был, не меньше!»

Вот я все ходил по вагону, и меня распирали напыщенные внутренние монологи. «Люди! — так бы мог прозвучать один из них.— Здравствуйте, люди! Как хорошо, что вы есть! Как прекрасно, что вы есть и живете в городах, деревнях и поселках, в отличие от медведей и росомех, которые имеют обыкновение жить в лесах. Люди! Я с удовольствием расцеловал бы ваши милые человеческие мордахи только за то, что вы есть, за то, что мы так наскучались по человеческому образу и подобию за две недели таежного палаточного одиночества!»

Да, мы прожили две недели в тайге. Просто так. Для единения с природой. Для рыбалки, для кедровой шишки. Для борьбы с ранним инфарктом и гипертонией. Без транзистора. В этом — замысел: обязательно без транзистора. Как интересно встретить в тайге человека, рыбака или охотника, и после обмена приветствиями (он-то прекрасно знает, что в верховьях Тыпыла, у Пожвы, поставили палатку два чудака из Свердловска) спросить его:

— Ну, как там дела в цивилизованном мире?

И он ответит тебе:

— Каво там...

И разговор пойдет о том, клюет или нет на Пожве хариус.

Итак, в состоянии крайнего альтруизма («Здравствуйте, люди!») я ходил по вагону и запросто мог бы обнять и вот эту старушку, мило стоящую у окна, и двух товарищей офицеров, курящих папиросы, и толстого дяденьку-снабженца, который уже что-то жевал, не дождавшись сигнала отправления. Но как-то так получилось, что я не стал обнимать ни бабушку, ни снабженца, зато познакомился с симпатичной девушкой, оказавшейся инженером, едущим в Свердловск в командировку.

— А что это ваш черноглазый товарищ все сидит и сидит и не выходит из купе? — спросила она.

— Не надо,— сказал я скромно.— Не трогайте его. Он сегодня видел медведя.

Я сказал это и сам удивился. Вот стоят на перроне провожающие — красиво одетые люди. Все так спокойно, по-домашнему, сдержанно, как это бывает в наших небольших городах, где все почти знают

друг друга. И неужели это было сегодня в нашей жизни: буреломом заваленная тропа и медвежьи глазки, уставившиеся на Вадима не агрессивно, может быть, но и безо всякой излишней доброжелательности? Неужели было все это? «Он сегодня видел медведя». Где это так близко от городского асфальта?

[118]

Где это?

Дорогой читатель! Не бывало ли в твоей жизни такого? Вот ты ходишь по одной и той же улице пять, десять, пятнадцать лет, скажем, на свою любимую работу. Но однажды, совершая свой урочный маршрут, ты вдруг замечаешь, что ворота какого-то двора, которые всегда были закрыты, почему-то распахнуты настежь, и ты впервые в жизни видишь, что там стоят старые яблони, бегают удивительная собака всеобъемлющей породы — дворняга с лапами овчарки, туловищем таксы и мордой лисы, возятся в песке дети и на скамеечке сидит пенсионер. И, рискуя опоздать на работу, ты замираешь, остановленный щемящим чувством: много лет ты проходил мимо целого мира! Тайно от тебя, всего лишь за тоненькой досочкой забора, совершалась сложная жизнь.

— Как мало мы знаем! — восклицаешь ты. — Как мало видим из того, что происходит совсем рядом!

Я вовсе не призываю тебя, дорогой читатель, обойти и тщательно осмотреть все соседние дворы. Даже выражаю сомнение на этот счет. Но вместе с тем, мне кажется, как-то неловко восхищаться, скажем, швейцарской стороной, если ты не видел — будучи уральцем! — Денежкина или Конжаковского Камня, если не проплыл по Чусовой, по Уфе или по горной реке Инзер, если никогда не ловил в таежной первозданной глухомани хариуса. Или щуку хотя бы! Или, наконец, «шеклею», как называют на Уфе серебристых малявок — пресноводную камсу какую-то...

Поразмыслив так, мы с Вадимом и отправились в новое путешествие.

В «Печорском дневнике» я уже представлял Вадима. Мы с ним немало путешествовали по стране. Один раз даже чудовище искали за Полярным кругом. Возможно, вы слышали про «загадку озера Хайыр»? Разгадка заключалась в том, что родителями отечественного плезиозавра оказались чистейшие мистификаторы...

Но сегодня — Урал. Маршрут нам продиктовали: знакомые геологи, производственное объединение Уралзолото, королевская рыба хариус и пушной зверек — американская норка.

География выглядит так: Свердловск — Карпинск — Кытлым — Усть-Тылай — верховья реки Тыпыл (приток Косьвы, Косьва впадает в Каму, Кама в Волгу, а Волга, как известно... Но не хочу быть банальным).

Представляете примерно? То есть по карте Свердловской области —

вверх, на север, и потом — налево, на запад, до самой границы с Пермской областью.

Да, туда, на север, на Уральский хребет, в леса, где в таинствах рождаются реки, в те леса, о которых Д. И. Менделеев сказал на рубеже столетий, что от них зависит благосостояние громадных территорий, заселенных русскими.

Когда мы летели на вертолете, преодолевая последний участок нашего пути, я не мог оторваться от иллюминатора. Мы летели и летели, и под нами были березы, ели, кедры и ни одного домика, ни одной дороги, ни одного пня. Все было нетронутым! Как это прекрасно! Просто посмотреть несколько десятков километров девственного леса — значит, глубоко перевести дух, значит, успокоиться, отдохнуть и выздороветь.

Все это называлось — Тышылский государственный заказник по норке. Изучение его мы осуществили сверху вниз. То есть залетели на вертолете в верховья, а потом спустились с егерем Иваном Анисимовичем Васёвым вниз до самого устья Тышыла.

Здесь я и перерисовал себе в блокнот объявление, исполненное масляной краской по фанере:

**Тышылский заказник
охотникам и рыбакам
въезд запрещен в Тышыл.**

Записке этой ты, как говорится, верь лишь частично. Рыбакам въезд в Тышыл вполне разрешен. Человек с удочкой ничего плохого американской норке сделать не может. Он просто ловит хариусов. И на здоровье. Вот только ловит он их с каждым годом все меньше...

**Следы хищников,
или ночные раздумья**

Вираз над Тышылом — уже сверху видно, какой он прозрачный, я даже пытаюсь рассмотреть стайку хариусов, — и вертолет садится на полянке. Лихорадка разгрузки, вертолет улетает, а мы с Вадимом сидим одни в густой и высокой, почти в рост человека, траве. В наступившей тишине звенят комары. Кругом — ящики с консервами, мешки с мукой, крупой, картошкой, ведра, связки лопат — все, что успел притащить для геологов вертолет за два рейса. Один ящик развалился, и на траву — синеют этикетки — высыпались банки сгущенного молока. Открытие: комары не только звенят, но и кусаются!

В кустах, окаймляющих поляну, раздаются голоса — это идут геологи, смелые таежные люди, которым предстоит съесть все эти продукты. Знакомимся. Впрочем, о геологах — отдельный рассказ. А сейчас — скорее еще выше по Тышылу, на лоно нетронутой природы, в наш собственный с Вадимом лагерь!

Но чтобы разбить нашу палатку в самых верховьях Тышыла, там,

где он сливается с главным своим верхним притоком Пожвой, нам пришлось пройти примерно пять-шесть километров по тайге. И я должен наконец описать тебе, дорогой читатель, что же это значит — идти по тайге.

Сначала вы надеваете рюкзак. Один вы поднять его не можете, и ваш друг любезно подсаживает его вам на плечи.

[120]

— Не тяни! Не тяни! — кричите вы.

— Я не тяну, — отвечает Вадим и отходит в сторону, чтобы вы видели, что тянет вас один он — рюкзак.

Найдя равновесие, для чего вам, наподобие северного оленя, приходится расставить ноги и нагнуться самым носом к кочке с мхом, вы неискренне благодарите своего друга и с удовольствием оказываете ему аналогичную услугу... В левую руку вы берете связку спиннинга с удочками. Правую — оставляете свободной. Категорически настаиваю на том, чтобы одна рука оставалась свободной: иначе чем вы будете отгонять комаров и утирать слезы?

Затем происходит ритуал прощания.

Прощаться туристу всегда есть с кем. Если это не рыдающие родственники, то другие туристы, идущие в поход завтра, или местный житель, или, наконец, собака местного жителя, или просто полянка, где только что стояла ваша палатка.

— Спасибо! Спасибо! — отвечаете вы тем, кто желает вам счастливого пути. — Адью! Не беспокойтесь!

Прилив вдохновения после этих прощальных бодряческих восклицаний позволяет вам, несмотря на активное сопротивление рюкзака, преодолеть первые сто метров пути и углубиться в тайгу. Вы начинаете мнить себя великим путешественником, Пржевальским. Но тут искусно оттянутая вашим идущим впереди другом и бьющая вас по очкам и по носу еловая ветка заставляет вас начать трезво соображать предметы и обстоятельства.

Прежде всего вы обращаете внимание на то, что в тайге нет дороги. Совсем нет! Вы, конечно, не дурак, чтобы мечтать об асфальте. Пусть здесь нет даже приличной грунтовой дороги. Ладно. Но тропочку? Узенькую, хотя бы совсем узенькую тропочку можно было проторить?

Ничего этого в тайге нет. Вот вроде бы ложбинка какая-то, похожая на тропинку, намечается по косогору, вы устремляетесь по ней, но еще два-три шага — и вы в густой траве по пояс, по глаза. Правая ваша нога нащупывает под собой высокую кочку, зато левая вдруг проваливается в тартарары, и через секунду вы лежите на своем рюкзаке, дрыгая беспомощно ногами и руками, как жук, перевернутый на спину.

Вас спасает друг. Он вам «не враг и не так», а настоящий друг. Он бережно вытаскивает вас из ямы, отряхивает и помогает навьючить рюкзак. И вы снова делаете несколько шагов, чтобы встретиться с упавшей елью.

Все поваленные бурей или упавшие от старости ели, которые вы встречаете в тайге, лежат поперек вашего пути. Потому что если бы ель

лежала вдоль направления вашего движения, ее легко можно было бы обойти. Но она лежит поперек, и все ее многочисленные сучья — ваши. Сучья и ветви эти делятся на две категории: на несломанные, которые должны вас отталкивать, бить по лицу и щекотать, и на сломанные, необыкновенно острые, задача которых просто вспороть вам брюхо. Есть такое понятие в окопной технике — «еж». Это колья, сбитые крест-накрест и опутанные колючей проволокой. Лучше всего во время атаки подцепить «ежа» на штык и отбросить его в сторону. Лежащая ель — это тот же окопный «еж», но устранить его никак нельзя, а взять можно только прямым штурмом.

Вы закрываете глаза и бросаетесь на препятствие. Это не дает вам ровным счетом ничего: сучья только слегка пружинят и, предварительно оцарапав, отодвигают вас на исходную позицию. Тогда вы открываете глаза и пытаетесь разобраться в сложной паутине палок и колючек. Вам кажется, что если отогнуть один сучок и отломить другой, то вы сможете протиснуться к стволу поверженного великана. Действительно, ветви пропускают вас. Но они мертвой хваткой вцепляются в рюкзак, и ваш временный успех сводится к нулю...

Все описать невозможно. Скажу только, что когда вы, весь израненный и измотанный, добиваетесь все-таки до ствола и становитесь на него, чтобы перешагнуть на ту сторону, подгнившая кора дерева осклизается у вас под ногой и вы летите куда-то в колючую неизвестность, не зная, пронзит вас насквозь сучком ваша любимая природа или на этот раз помилует...

Через час единоборства с деревьями и кочками вы начинаете чувствовать, что нравственным вашим запасам пришел полный конец.

— Вадим, привал! — кричите вы, чтобы не заплакать, с удовольствием позволяя наконец рюкзаку перевернуть вас на спину. — Давай карту! Прошли полдороги или нет?

Геологи при прощании позволили нам перерисовать карту верховьев Тышыла. Вы разворачиваете чертеж, сличаете ориентиры на местности со значками на карте и восклицаете:

— Не может быть!

Вы еще и еще раз проверяете все и окончательно убеждаетесь, что прошли в общей сложности какие-нибудь двести — триста метров и речь может идти ни о какой не о половине, а о пятнадцатой или двадцатой части пути!

Но дороги назад нет. И в прямом и в переносном значении этого выражения...

Где-то после десятого или двенадцатого привала, когда вы действительно достигаете половины пути, вам вдруг все становится безразлично: вы почти не замечаете укусов комаров и перестаете мучительно доискиваться ответа на вопрос, откуда у вас берутся силы, чтобы переставлять ноги. Даже ваша ненависть к рюкзаку несколько притупляется.

В этот момент вам вдруг открывается красота тайги.

На фоне синего неба вы видите пучки длинных колючек на ветвях

высокого кедра. А рядом с собой замечаете маленький кедр, всего в рост человека. Вы удивляетесь нежной серой коре его ствола. Весь он ровный и симметричный, каждая веточка его цела. Ребенок! Как он не похож на своих взрослых братьев, покрытых растрескавшейся бурой корой, сучковатых, могучих, овеянных всеми грозными ветрами, но выстоявших... А вот ствол умершей от старости березы. Ветвей уже нет, обломилась вершина, и стоит один ствол, обильно украшенный грибами трутовиками; и ты знаешь, что держится он силой одной негниющей бересты и если его ткнуть, то он упадет безропотно в мох, просыпая из своей сердцевины коричневые трухляшки. Мох лежит повсюду толстой перной...

«Нетронутость, совершенная нетронутость — вот что прекрасно!» — вдруг догадываетесь вы. В самом деле, здесь ничего не срублено, не сломана человеком ни одна ветка, не сорвана ни одна ягода, ни кедровая шишка, не примята ни единая травинка, нет ни следа человека, ни звериного следа. Все стоит и растет само по себе, и если что-то падает, то умирая своей естественной смертью. Как это интересно, спокойно и хорошо и какая все-таки ерунда эти городские скверики!..

Впрочем, насчет звериного следа я ошибался. Ближе к реке, там, где вода нанесла ил, я увидел след волка. Он совершенно такой же, как и у собаки, только размеры... Размеры не оставляли никаких сомнений, кто именно тут ходил. Волосы зашевелились у меня на затылке. О мать-природа! Только что я называл тебя прекрасной. Но ты и сурова! Сурова в своей мудрости. Разве не поселяешь ты в озере щуку, чтобы карась не дремал? Я завертел головой по сторонам: где он может притаиться, зверь? Клыкастый, голодный, взъерошенный... За тем кустом? Или вот за этим пнем? Замаскировался, подлец!

— Вадим! Вадим! — кричу я и иду под защиту своего друга.

Он у меня занимается спортом — играет в теннис. В случае встречи с волком я надеюсь на его хорошую натренированность.

Вообще-то волка не надо слишком уж бояться. Известно, что он часто где-то рядом, но прячется, бежит от нас. Не то чтобы он боялся, но вроде бы предпочитает человека не трогать. Все самые страшные истории о кровожадных налетах на одиноких путников, на конные обозы и так далее при ближайшем рассмотрении не очень подтверждаются. То есть, во всех случаях многие слышали, что волки загрызли, скажем, бабушку или мужика. Но, как правило, это почему-то происходит в соседней деревне...

Так пишут натуралисты, сведущие люди. Я им полностью доверяю. Но тем не менее волосы у меня на голове еще долгое время заметно приподнимают фетровую шляпу рыбака и путешественника. Все-таки совсем это разное дело: читать у себя дома, лежа на диване, увлекательные «Заметки натуралиста» или стоять в тайге, там, где, может быть, всего час назад пробежал живой волк, и изучать на собственном опыте, как относится данный хищник не к человеку вообще, а к вполне конкретному человеку...

Но главные страхи, конечно, начинаются ночью.

Засветло мы ставим палатку. Разжигаем костер. Это целый ритуал, целая философия — выбрать место для лагеря. Он должен быть близко у реки, чтобы не было потом проблемой вымыть картошку, вычистить рыбу, достать лишней котелок воды. Кроме того, нельзя забираться в лес, в кусты из-за комаров: съедят. Надо, чтобы место было открытым и обдувалось ветром — число двукрылых кусучих уменьшится вдесятеро. Тут играют роль буквально два-три метра. Затем в зависимости от погоды надо расположиться так, чтобы солнце или грело вам палатку, или, наоборот, не перегревало ее, не запекало вас живьем в самое жаркое время дня. Таким образом, учитывая эти и целый ряд других обстоятельств, мы наконец ставим палатку. Затем костер. С ним, конечно, проще. Тут главная задача — не спалить ни палатку, ни тайгу в целом.

[123]

Когда мы возмемся с устройством лагеря, я всякий раз удивляюсь: у меня такое чувство, будто мы с Вадимом совсем не расставались, хотя он живет в Москве, а я в Свердловске. Будто не было целого года работы и всяких других событий и забот, отличных от разжигания костра. Будто эти ежегодные путешествия и есть настоящая и важнейшая часть нашей жизни, а остальные одиннадцать месяцев — это просто так, выполнение необходимых обязанностей, только подготовка к настоящему, к жизни в лесу. Я понимаю всю неверность этого чувства, но тем не менее оно неизменно приходит, и я подозреваю, что в этом заключена тонкая насмешка Природы (с большой буквы) над своим созданием — человеком (с маленькой буквы), который наивно пытается скрыться от Ее Непреложных Законов в суете сует и мишурном блеске своих бетонных городов...

Но между тем приближается ночь и вместе с ней подходят ближе к костру деревья, придвигаются пни. («А вон то — пень или это крадется кто-то?») Начинает моросить дождь. Большую часть вечеров на Тыпыле мы провели под шорох дождя. Что делать, — западный склон Уральского хребта. Вся влага Европы, зацепляясь за Конжаковский Камень, выливается в Тыпыл, в Пожву и в подобные им Яйвы, Усьвы, Вильвы, Ейвы и Койвы...

Мы забираемся в палатку. Она дополнительно накрыта сверху полиэтиленовой пленкой. Это надежно спасает нас от дождя, но в то же время рождает подобие гигантского барабана. Внутри барабана — мы. Шуршание по полиэтилену мелкого дождя и порывы ветра начинают вступлением величественной симфонической поэмы «Ночные страхи». Полчищем химер несутся на палатку-барабан крупные капли, срывающиеся с соседних елей. Сухими костяшками трещит в не погасшем еще костре еловое полено. Известно, что еловое полено — это самое звучное, самое громкое полено на свете. Криком пропавшей души звучит голос потревоженной кем-то кедровки. Шум реки на перекате то затихает до пианиссимо, то усиливается.

— Там кто-то ходит! — говорит Вадим.

Я категорически заявляю, что не следует злоупотреблять подоб-

ными фразами, когда тебя отделяет от ночной тайги тоненькая парусина палатки. Нехорошо, Вадим, не ожидал я такого от тебя...

Кто же может ходить за этой самой парусиной нашей палатки, кто может ее запросто прокусить и добраться до нас, так уютно согревшихся в спальнях мешках?

[124]

Наш ум лихорадочно делит всех лесных зверей на безобидных белок и зайцев и на свирепых хищников: медведей, волков и росомах. Медведь вряд ли придет к нам. Но, с другой стороны, бывалые люди говорят, что иногда ему не нравится, что в лесу горит костер, и он приходит и начинает крушить и ломать все кругом. Волк тоже вряд ли. Ну а вдруг?.. Росомаха? Эта может. Вспомнилась статья из книги «Звери и птицы нашей страны». Росомаха представлена там очень ехидным и кровожадным зверем. Любит опустошить лагерь охотников, все там съедает, разбрасывает...

Я крепче сжимаю в руке большой охотничий нож, с которым не расстанусь и в спальном мешке. Этим ножом, сделанным на одном из крупнейших промышленных предприятий страны, без труда можно освежать всех медведей Урала и Сибири, вместе взятых. Вадим очень любит чистить им картошку...

Серия крупных капель с вершин елей оглушительно стучит по барабану нашей палатки. Усилился шум воды на перекате, вроде в самом деле кто-то перебредает реку.

— Знаешь что, Вадим,— говорю я,— если сейчас на палатку упадет еловая шишка, можно запросто умереть от страха...

Благородная рыба хариус

Но приходит благословенное утро. Пни превращаются в пни. Капли дождя — в капли. И мы видим, что нет на земле ничего безобиднее еловой шишки...

Умываемся в студеной воде Тыпыла, стоя прямо в реке в резиновых сапогах.

Завтракаем.

Утро — это рыбалка.

Вадим оснащает свою длинную удочку мушкой, искусно сделанной из петушиного пера.

За петухом была специальная облава в Усть-Тылае. Во-первых, желателен рыжий петух. А во-вторых, нужно не какое-нибудь бросовое перо, скажем, со спины или хвоста, а особое, длинненькое и мохвATENЬкое, из тех, которые образуют опушку вокруг его шеи. Ту самую опушку, которую он топорщит, когда вступает в бой с соперником... Петух был пойман, умеренно ощипан, и теперь Вадим располагает достаточным запасом нужных перьев. Он берет крючок, прикладывает к нему перо. Один оборот пера вокруг крючка — оборот или две нитки... Удивительное дело, но из этих составных частей, не имеющих никакого отношения к миру

насекомых, в итоге получается совершенно живая мушка с мохнатенькой грудкой — перо петуха — и изогнутым пузом — коварный крючок. Когда эта мушка, увлекаемая леской, прыгает по волнам, создается полная иллюзия, что мотылек случайно намочил крылья в воде и теперь пытается взлететь. Просто сам бы зубами схватил! Понятно, что и хариус тоже обманывается...

Итак, хариус. Что же это за рыба за такая, без которой не обошелся в прошлом веке ни один уральский писатель? Ведь нет ни одной повести, ни одного рассказа «из уральского быта», чтобы там не упоминалась ловля хариуса (или «харьюза») и «уха из харьюзов».

Хариус, как свидетельствует Большая советская энциклопедия, «семейство рыб подотряда лососевидных... Обитает преимущественно в предгорных реках, реже в озерах... длиной обычно 25—30 см, иногда до 50 см, весом обычно около 450 г, иногда до 1,4 кг, питается беспозвоночными и мелкой рыбой...»

Исключительно правильные, хотя и несколько сухие сведения! Надо, наверное, как мы, ехать за сотни километров, забраться в непроходимый лес, встать на рассвете и красться от переката к перекату, чтобы, вытащив потом эти самые «450 г, иногда до 1,4 кг», разглядеть, как он красив, хариус! Этот длинный прекрасный спинной плавник, эта темная спинка и серебристые бока, эта маленькая благородная голова!

Ловля хариуса — это, скорее, охота. Это вам не ловля, скажем, леща, когда рыбак раскинул с лодки или с берега свои удочки и сидит часами, ожидая поклевки и полностью руководствуясь правилом: ловит рыбу тот, кто ждет. Хариуса ловит не тот, кто ждет, а кто бегаёт, рыскает по реке, подкрадывается.

Сначала нужно научиться определять, где он может стоять, тыпильский хариус. Вот конец переката. Река подмыла здесь один берег, обнажила корни березы, заставив ее совсем почти лечь на воду. Здесь — в тени ветвей или прямо за корнем — может стоять хариус. А вот несколько камней на перекате, за ними тоже может находиться в засаде в ожидании поживы стремительная рыба...

Хариус очень осторожен и пуглив. Стоит ему заметить что-то неладное: силуэт человека (скажем, чудака из Свердловска, приехавшего его ловить) или тоненькую тень от удочки — и, пожалуйста, он уже мчится стрелой под другую корягу, метров на сто ниже по течению. А ты ничего не знаешь и продолжаешь подкрадываться, продираясь сквозь кусты, подбрасываешь мушку, водишь ею так и сяк, дразнишь предполагаемую рыбу... Тщетно! Все надо начинать сначала!

Но приходит и удача. Вот какое-то шестое чувство заставляет тебя обернуться, и ты видишь, что Вадим выбирается из воды в своих болотных мушкетерских сапогах, и удочка гнется в его руках, и на конце лески, там, где она соприкасается с водой, бьется что-то серебряное и живое. Вадим вываживает рыбу на гальку пологого берега, и ты не переводишь дыхания, пока не видишь, что серебряная дуга запрыгала уже на камнях далеко от воды и Вадим придавил ее для верности рукой.

Ура-а-а! Здесь, в верховьях Тыпыла, хариусов меньше 400—500 граммов нет, и сегодня — да простят мне читатели презренный прозаизм — мы будем иметь на обед не консервы, дар цивилизации, а по отличной порции свежайшей, золотисто поджаренной рыбы. Уж Вадим-то сумеет это обеспечить!

[126] Диспуты на тему «Что такое счастье?» давно пора прекратить. Спорить не о чем: настоящее счастье — это поймать хариуса на мушку из петушиного пера!

...Но вот мы в лагере. Возвращение в лагерь — это как приход домой. Там, в тайге, а мы уходим за два-три километра вверх по Тыпылу и по Пожве, его притоку, мы не очень чувствуем себя дома. Там — дом медведя. Если след волка, как мы уже говорили, достаточно впечатляет (применяем терминологию театральной дамочки: «А как вам Максимов? Ах, это впечатляет, впечатляет!»), то впервые увиденный вами след медведя — это просто даже и не смешно. Отпечаток неуместной какой-то ширины, огромные когти, вдавившиеся в землю, и чувство полной вашей зависимости от диких сил природы — обреченность. Остается разве что воскликнуть вместе с этой самой театральной дамочкой: «И куда только смотрит милиция!» — и все.

Но мы возвращаемся в лагерь. В наш лагерь. Здесь все истоптано нашими — не лосиными, не волчьими, не медвежьими — а нашими следами, и это создает иллюзию, по крайней мере до ночи, некоторой безопасности. Костер наш потух, но я подбрасываю в золу сухие еловые веточки (нижние ветви ели — сухие в любой дождь), и через минуту они начинают дымиться, а потом вспыхивают. Костер — это моя забота. А Вадим приступает, возможно, к главной задаче своего пребывания в тайге — к кулинарно-гастрономическим фокусам. Заботу о высочайшем уровне кулинарии в нашей экспедиции он раз и навсегда полностью принял на себя.

Надо видеть его за приготовлением обеда! Это священнодействие с ножом, ложками металлическими и деревянными, баночками со всевозможными специями, маслинами из московского Елисеевского магазина, салфетками... А прибаутки! Из элементарной чистки хариуса он устраивает целый спектакль:

— Какой красавец! Какая чешуя! А какие чистенькие потрошки! У тебя готовы угли? Угли — это главное.

Я сгребаю в сторону березовые угли, удобнее поддвигаю плоские камни. Вадим режет хариуса, солит его, вываливает в панировочных сухарях и ставит на угли нашу сковородку — крышку от котелка. И все это он делает с таким удовольствием, с таким предвкушением радости от предстоящего пиршества, что эта радость передается и тебе.

Каждый раз, когда я в слоновых количествах поглощаю потом поджаренную им необыкновенную картошку, хлебаю невиданную доселе уху, пробую исключительного жареного хариуса или пью особым образом заваренный чай, я мучаюсь вопросом: действительно все это так вкусно или я нахожусь под действием кулинарного гипноза моего друга?

Во всяком случае, я твердо знаю: мне повезло. Многие рыбаки и охотники идут в лес только за добычей, заранее обрекая себя на физическое изматывание и всяческие лишения и ограничения, в том числе — кулинарные. Их идея — побольше наловить и добыть и притащить все это домой. А потом уже дома отдохнуть и попить. Само же пребывание в лесу они совершенно лишают комфорта, а приготовление пищи рассматривают как необходимость.

[127]

Рядом с нами остановились на ночевку два рыбака из Усть-Тылая. Поднялись на лодке снизу, чтобы половить хариусов. Когда они повесили над нашим костром свое жестяное ведро и стали валить туда без особой заботы и последовательности картошку, рыбу, лук, соль, мой черноглазый друг чуть не заплакал от огорчения. Для него, человека, рассматривающего приготовление ухи как высший ритуал охотничье-кулинарной религии, созерцание такой примитивщины было просто непереносимо! А ведь первоначальный продукт — благороднейший хариус — мог бы украсить королевский стол...

Думаю, что философия: в лесу — лови, добывай, а вкусно есть будем дома, — надо ломать. Она безрадостна и грабит прежде всего самого охотника. Пребывание в лесу с хорошей гастрономией — радость вдвойне. Добывательства при этом, может быть, будет несколько меньше, зато удовольствия — вагон. Кроме того, уху из свежего хариуса ты можешь съесть только в тайге. Ведь очень разные вещи: уха из рыбы только что пойманной или пролежавшей хотя бы три-четыре часа. Особенно жарким летом. Дома же, через сутки или двое после рыбалки, ты вообще уже будешь хлебать суп из соленой рыбы. А это почти то же, что и уха из тихоокеанского свежемороженого хека.

Так за что же боролись?

Геологи ходят по азимуту

Но пока мы подкрадывались к благородному хариусу, пока дразнили его мушкой и разводили таежную гастрономию на уровне столичного ресторана, пока мы любовались красотами девственного леса, государственные люди — геологи — выполняли государственный же план.

Геологи здесь живут не так уж скудно и изнурительно, как это поется в песне. Там — в песне — путь и непомерно далек, и долог, и нельзя повернуть назад, там только крепись, геолог, который и солнцу, и ветру брат. В данном случае, на Тышыле, не так-то уж всю дорогу ветрено. И назад тоже можно поворачивать. В том смысле, что выходишь из лагеря, пробегаешь свой дневной маршрут — и снова можно в лагерь, на отдых и ночевку.

Лагерь оборудован хорошо, насколько это возможно в тайге. Десяток палаток расположены кругом. Дюралевые раскладушки. Спальные мешки. В некоторых палатках братья солнца и ветра установили для полного удовольствия печки-буржуйки. Однажды даже от печкиной трубы

загорелась крыша палатки — не выдержала жара. Хорошо, что быстро потушили.

[128]

В центре лагеря — костер и возле него стол. Это кухня и столовая. Здесь — набор чайников, котелков, мисок, кружек и ложек. Кроме того, это и культурный центр. Потому что на столе стоит транзистор, сообщающий голосами московских дикторов разные новости и играющий нежную музыку, чтобы люди в тайге не совсем огрубели. Радиоволны протягивают в самую глубь страны постоянно ощущаемую ниточку, и кажется, что до Москвы гораздо ближе, чем до Усть-Тылая.

Есть, впрочем, еще один стол в лагере. Он дюралевый, складной. За ним сидит инженер-геолог Николай Янович, чертит на карте линии, рисует значки. Я с ним заговаривал несколько раз, пытался проникнуть в суть геологического поиска. Однако всякий раз баррикады научных понятий заставляли меня с позором откатиться назад. Как, скажем, не оробеть простому человеку перед высотой слов: мезозойская депрессия! Мезозойская — представляете? Только-только пытаешься взобраться на ослепительную кручу этого понятия: когда? сколько миллионов лет? ихтиозавры? или уже вымерли?.. Не успеваешь, накатывается второй эшелон — депрессия, — и ты летишь в тартарары, припечатанный на обе лопатки наукой.

В конце концов для себя я понял ситуацию так: в мезозойскую эру — по земле ходил тогда громадный пресмыкающийся динозавр — по нынешней долине Тышыла тоже текла река. Она и натащила сюда сверху, с гор, энное количество драгоценного металла. Для его-то отыскания геологи и должны исходить вдоль и поперек поисковыми маршрутами район Тышыла (это как раз те линии, которые чертит на карте Николай Янович) и пробить определенное количество шурфов, чтобы взять пробы грунта.

И вот геологи ходят по маршрутам. У него, у геолога, на груди — на специальной бечевочке — висит компас. Он выходит на нужную точку и идет через тайгу напрямик по азимуту. Останавливается, чтобы зафиксировать складки местности, естественные обнажения пород и так далее. Иногда находит оленьи рога. Профессиональная гордость состоит в том, чтобы ходить по азимуту абсолютно точно.

Шурфы «бьют» забойщики. Это — большие специалисты копать землю. Да, да, копать землю лопатой. Что, казалось бы, проще, а вот поди ж ты...

Дело в том, что смысл шурфа состоит в получении пробы грунта (шлиха) с какой-то глубины. Шурф вы можете копать какой угодно ширины — это ваше личное дело. Оплата же идет только по глубине — за погонные метры. Тут и курица поймет, что всего выгоднее копать как можно более узкий шурф, чтобы зря не переворачивать кубометры земли. Но с другой стороны, надо же как-то в нем поворачиваться, выбрасывать грунт. В результате родился некий оптимальный вариант шурфа. Для непосвященного человека он удивителен: вы видите перед собой узкую щель, в которую даже не очень солидный человек может влезть

лишь с трудом. И в то же время забойщик сидит там, копает и знает только побрасывает наверх земельку. Причем выдающийся забойщик копает шурф глубиной до пяти с половиной метров безо всякого помощника, без ведра и ворота, одной только лопатой! В это трудно поверить, но это так.

Высокая квалификация в любом деле достойна уважения. Жаль только, что после энного количества дней напряженного, удивляющего всех труда забойщик обычно склонен при появлении малейшей возможности «позволить». То есть напиться.

Есть такая практика. Хотя намечается тенденция к перелому. Петр Иванович олицетворяет эту тенденцию. Учитель физкультуры из Свердловска, человек небольшого роста, но крепкий и подвижный, говорил мне, немного стесняясь:

— Отдых у меня такой — два месяца в тайге. Забойщиком. А что? Думаю, что ему можно только крепко позавидовать. Для тех, кто занят педагогической или любой другой «городской», а тем более интеллектуально-нервной деятельностью, что может быть лучше трудотерапии?

Да, Петр Иванович — новая струя среди забойщиков. Остальные виртуозы лопаты были люди местные, специально ожидающие сезона, чтобы заработать хорошо, а погулять еще лучше.

— Мы — чалдоны, — представился нам один из них. — Меня зрят тут зимогором называют. Мой дед и бабка — ивдельские. Старатели. Чалдон я!..

Тут есть тончайший нюанс, дорогой читатель, в этом восклицании: «Чалдон я!..» В тыпыльских краях человек очень непрочь считаться чалдоном. Своим, значит, местным, растёским, древних здешних родов. Растёс — старинное село на верхотурской дороге совсем неподалеку отсюда. Жители его ведут свой корень от вогульских исконных охотников, а потом и от ямщиков. И хотя пришел Растес в крайний упадок — все население перебралось в Усть-Тылай, поближе к магазину, к мехцеху, к драгам, к хлебопекарне и метеостанции, однако понятия «свой» и «не свой», пришлый, зимогор будто совсем не притупились. Понятия, тянувшиеся еще с тех времен, когда тайга за Тыпылом делилась на участки: на километры вдоль хребта, поперек зимнему ходу лося, тянулась сплошная изгородь, а в промежутках — ямы с заостренными колами, чтобы навсегда улегся в них сохатый. У каждой семьи — свой участок.

Поломаны варварские эти обычаи, а настороженность, недобрые чувства к чужакам, пришедшим в наш лес, на нашу реку — остались. Лучше быть своим, уютнее, а другой раз и безопаснее...

Когда мы уже спускались по Тыпылу вниз и неожиданно встретили группу местных рыбаков (ловивших, кстати, не как мы — персонального хариуса «для поджарить», а — в расчете на засолку в бочонке), я даже немножко поежился под противоречивыми ударами взглядов. Здесь были и естественное любопытство, и интерес к новым людям, и ревность — зачем зашли в наши места? — и желание оказать гостеприимство, свойственное всем русским, и лесная настороженность, и даже злость — не выловили ли и х рыбу? — и так далее. Много всего, как говорится.

Но мы отвлеклись, а в лагерь, между тем, из тайги вбегает человек с лыжными — среди лета! — палками. Это один из студентов Свердловского горного института, на лето превратившийся в геолога. Он же — спортсмен, перворазрядник по лыжам. Вся жизнь этой целеустремленной личности расписана на виды тренировок — пробежки, ходьба, имитация бега на лыжах (тот же самый бег, но с палками в руках), гребля и так далее, в десятках километров и в часах. Вся эта спортивная радость — после работы геолога, то есть после 20—25 обязательных таежных километров по азимуту. Удивительный энтузиазм! Плюс, конечно, сила воли.

Надо сказать, что занятия спортом необычайно расширяют кругозор нашего геолога-лыжника. Так, еще в Усть-Тылае, когда отряд ожидал отправки на Тыпыл, он, совершая интервальную тренировку (пять раз по 200 метров, пять раз по 400 и так далее), на малонаезженной таежной дороге догнал трусившую по тому же маршруту росомаху. Спортсмен мужественно продолжал тренировку, но уже в обратном направлении и без интервалов...

Если мы населим лагерь еще двумя молодыми инженерами-геологами, рабочим Валерой, взявшим на себя обязанности шеф-повара, рабочим Сашей — «главным кладовщиком» и рабочим по прозвищу Портос из Усть-Тылая с его собакой Джеком, то, пожалуй, картина будет закончена. Конечно, вся эта компания существовала не сама по себе, а под руководством начальника отряда, который почти непрерывно пребывал с отчетом в Свердловске или в Ивделе в ожидании вертолета.

Вы чувствуете, что дело отыскания уральских богатств находится в надежных руках. Каковы же будут результаты? А вдруг окажется выгодно пустить по Тыпылу драгу? Неужели же смерть природе? Или давайте сформулируем вопрос так: драга — это обязательно смерть природе?

Думаю, что нет. Верю, что нет. Надеюсь, что если драга и пойдет по Тыпылу, то к тому времени добытчики золота научатся работать культурно, бережно сохраняя лоно нашей матери-природы. Пока же дело, к сожалению, обстоит не так.

Очень печально стоять в том месте, где сливаются вместе Косьва и Тыпыл, и смотреть, как в сказочно красивых берегах течет Косьва цвета кофе с молоком. Цвета очень крепкого кофе с большим, не по-столовски, количеством молока. Река кажется даже густой, вязкой. И наш алмазно-прозрачный Тыпыл, впадая в нее, увы, не отбеливает, не очищает ее, не делает прозрачнее — не хватает у него на это силы.

Да, недаром местный рыбак делит ловлю хариуса на две различные эпохи: «до драг» и теперешнюю, то есть «во время драг». Помнит рыбак то благословенное время, когда он не имел ни нужды, ни желания добираться до верховьев Тыпыла. Где-то в середине маршрута забивал он доверху последним килограммовым красавцем свой трехведерный бочонок, и программа его пребывания на реке заканчивалась до будущего года. Теперь не то. Теперь он проходит по перекатам десятки километров, исхлестывает удочкой каждое подозрительное на дежурного хариуса место и ругается:

— Нет рыбы!

Бригадой имеют на всех столько, сколько раньше каждый ловил персонально...

Итак, чьи же драги работают на Косье? Конечно, производственного объединения Уралзолото. Еще точнее — Южно-Заозерского его прииска.

[131]

Дайте подержать мешочек

Все прекрасно на Южно-Заозерском прииске с выполнением плана. Горные люди, как нам сообщили, каждый месяц намывают стране положенное количество золота и платины, хотя «объемы растут, а содержание металла снижается». Очень нужное здесь делают дело.

Погружаемся в подсчеты и получаем внушительные цифры: средняя драга намывает за год столько золота, что за него на международном рынке можно купить тысячи тонн хлеба. Целый колхоз-гигант, стало быть, плавает в мутной воде речки, скрежеща своими зубастыми ковшами.

Очень хорошо это, выгодно для государства. Однако тотчас же возникает и некоторое большое «но» в деятельности добытчиков золота: плачет природа. Вот почему стесняются здесь представителей общественности.

Позволю себе небольшое отступление. Как-то несколько лет назад ехали мы по исконным уральским местам в Висим, на родину Д. Н. Мамина-Сибиряка. Природа там удивительная. Но нельзя было не обратить внимания на покореженные какие-то, никак не вписывающиеся в общее великолепие пейзажа участки.

Я спросил:

— Что это?

— Драги изварначили, — ответил кто-то из попутчиков.

С тех пор это словечко «изварначили» всякий раз приходит мне на ум, когда я вижу горняцкую деятельность настолько поспешную, что ей некогда оглянуться и пощадить природу...

Вот мы едем с представителем прииска к драге на реке Большая Волчанка. Вадим, мой друг, сидит в глубине газика и на сегодня выбывает из игры. Он простыл, у него ангина, и черные глаза его смотрят на мир так печально, словно он уже сейчас предчувствует, что во всем нашем путешествии ему отводится наиболее трагическая роль — встреча с медведем.

Кроме того, нас сопровождает приехавший из Свердловска по своим служебным делам инженер из производственного отдела объединения Уралзолото. Он произнесет сегодня историческую фразу о так называемом жареном петухе. Но — обо всем по порядку.

Итак, мы едем к драге. Как назвать ее, эту дорогу? Думаю, лучше всего назвать ее музеем перевернутой вверх ногами земли. Она идет по

местам, где прошла драга, по ее отвалам, по «хвостам». Работает драга второй десяток лет, и, значит, проехать к ней — все равно что увидеть по годам, как восстанавливается потревоженная работой добытчиков золота местность.

[132]

В начале дороги, где драга «варначила» землю лет пятнадцать назад, каменные хребты-полукружья поросли не только иван-чаем — этим неизменным спутником перерытой земли, — но и кустами тальника, а кое-где даже и кучками молоденьких берез.

— Вот видите: восстанавливается природа, — сказал представитель прииска. — Растут деревья. И наука так же считает: все залесается.

Надо сказать, что Пермский университет действительно проводил исследование под названием «Разработка классификации и биологических методов рекультивации земель после дражных работ». В итоге — выводы, полные оптимизма: безо всяких усилий с нашей стороны любой камень постепенно покрывается лесом. Спасибо на добром слове, как говорится!

Остальную дорогу, до самой уже драги, мы ехали по местности, которая названа в моем блокноте «каменистой пустыней». Только единственный представитель флоры — неутомимый иван-чай смотрел на нас сиренево-розовыми глазками своих цветов. Но, несмотря на всю пейзажную тоску, представитель прииска, ощущая мощную поддержку университетской науки, все-таки повторил без большой, впрочем, убежденности:

— По нашим местам — все восстанавливается, можно обойтись без рекультивации.

Тогда инженер из Свердловска и сказал эту историческую фразу:

— Вас, видно, жареный петух еще не клюнул!

И я обрадовался, заулыбался. Ура! В этой фразе, помимо прелести самой по себе (образность, гениальная краткость), содержится долгожданное возмездие. Издевались как хотели — думали, что петух — совсем дохлый, даже жареный. А он возьми да и клюнь! Пребольно! Только надо ли ждать, когда «изварначенная» природа нас клюнет?

Производственное объединение Уралзолото ищет способы давать стране то же золото без ущерба для природы. Но пока еще ищет на отдельных только драгах, на тех, которые ближе к центрам, к городам. А вот там, куда забрались мы с Вадимом, старая вчерашняя бесшабашность еще вполне торжествует. Единственное, что делают в порядке рекультивации на некоторых драгах, — это ровняют отвалы бульдозером. Приветствуем начало! Но хотелось бы большей активности.

Вот мы осматриваем панораму карьера, где пижонистый желтый шагающий экскаватор варначит землю, как хочет, на полный ковш (этот ковш вполне мог бы служить гаражом для нашего газика). Да, применение экскаватора в комплексе с драгой или гидромониторами — прогрессивное дело. Дешевле обходится переработка горной массы, можно взять россыпи, которые раньше считались погребенными, недоступными. Однако при щедрых затратах на разрушительные работы на восстановление местности пока выделяется мало.

Особенно затосковал я, когда оказался посреди отвалов драги на

Косьве. Представьте себе квадратные километры булыжника, примерно такого, каким мостят дороги, отсыпанного в знаменитые эти полукруглые хребты! То есть, как валились они из хвоста (стакера) драги, так и лежат здесь недвижимо второй десяток лет. Интересно, сколько времени хотят просидеть на этих камнях иные ученые в ожидании их облесения?

Но, тревожась о страждущей природе, не забыл ли ты, дорогой читатель, что драги и работающие на них люди добывают стране очень нужный драгоценный металл? Сколько угодно можем мы лукаво называть его «презренным» — надобность в нем не только не отпадает, но, наоборот, растет.

Я, например, всего этого не забыл и в итоге нашего пребывания на прииске попросил:

— Покажите мне, пожалуйста, это золото. Как оно хоть выглядит?

Но оказалось, что золото «снимают» один раз в сутки, укладывают в мешок и пломбируют. И все это уже было сделано.

— Дайте хоть мешок подержать, — продолжал выпрашивать я.

Тогда меня представили стражу — худощавому человеку в форменной фуражке и серо-зеленой гимнастерке. На боку он имел револьвер. Не самой, конечно, модной системы, но и не из тех, которые заряжают, насыпая порох в дуло.

Страж рыцарски доверил мне подержать в руках мешочек. Был этот мешочек длинноватый и узкий, из довольно облезлой прорезиненной ткани, как если бы его сшили из рукава старого рыбацкого плаща. Сквозь ткань прощупывались какие-то металлические штуки. Как мне объяснили, это и было золото.

Никакого подобострастного чувства во время этого прощупывания я не испытал.

Вниз по Тыпылу, или Слово о прекрасном болоте

Иван Анисимович Васев, тогдашний егерь Тыпыльского госзаказника по норке, приехал за нами на своей лодке — шестиметровой плоскодонке.

Сначала мы слышали рычание мотора за поворотом, потом мотор заглох — на пережат на нем не забережешься — и мы увидели, что человек ведет на веревке лодку, затем — на плесе — снова запрыгивает в нее и, отталкиваясь шестом, подплывает к нашему берегу:

— Здравствуйте...

Иван Анисимович угловат, высок, плечи приподняты. Крупный нос оседлал металлические очки. Неразговорчив. Видно, вообще не любит лишних слов, а тут еще и с нами не очень знаком. В Усть-Тылае перекинулись немногими фразами, договорились о встрече. Ну, еще петуха помог ловить...

Погрузили все в лодку. Лодка — образец целесообразности по

здешним местам. Длинная, узкая, плоскодонная. Доски по заказу Ивана Анисимовича нарезали на лесопилке. А сколотил все он сам, благо простота гениальная: борта из целых досок, шпангоуты — металлические уголки. Но получился образец. Лучше ничего не придумаешь. Трое сидим в лодке, плюс груза — с мотором — килограммов сто, а осадка всего сантиметров пятнадцать.

[134]

Прощай, лагерь! Всякий раз обманываешь себя: мы еще вернемся. А уж чего там... Страна велика. Прощайте, ели, прятавшие нас от дождя, и береза, у которой стояли наши удочки, прощай, полянка, прощай, берег, — вы были нашими друзьями две недели. Спасибо вам. Вы делили с нами холод и дождь, и удачу рыбалки, и темноту ночей у костра, и наши беседы — спасибо вам!

Ни жизнь, ни смерть моя —
Не в униженье людям,—

сказано у Поля Элюара.

Наша жизнь в лесу — не в униженье природе. Мы расстаемся, как друзья. Мы с Вадимом вообще никогда зря не погубили ни одного дерева в лесу. Для костра — сушняк. Здесь в нашем распоряжении были целые стволы сухой ели и не совсем сухой поваленной березы. А если надо срубить что-то, всегда можно найти деревья, угнетающие друг друга, и разумно проредить лес. Место, которое мы покидаем, лучше, чище того, которое мы застаем. А иначе как смотреть в глаза матери-природе?

...Иван Анисимович не включает мотора. Течение и так несет нас достаточно хорошо. Он сидит на корме у мотора, Вадим посередине, я — на носу. Рядом с нами шесты, нет-нет да и приходится подправить ход лодки, быстро скользящей по воде.

В тишине Тыпыл начинает свое колдовство. Как описать тебе это, дорогой читатель, как передать чувство мальчишеской радости, охватывающее тебя, когда каждый поворот реки открывает перед тобой то группу валунов из гранита, обтекаемых серебрящейся водой, то каменную стенку-скалу, то вековые сучкастые кедры, стоящие группой старцев-мудрецов, то вдруг синюю гору вдаль. Грудь твоя дышит глубоко, ты в неутомимом радостном волнении, а глаза смотрят и смотрят и не могут наглядеться и ждут нового поворота...

Иван Анисимович доставляет мне филологические наслаждения.

В Тыпыл впадает небольшая речка.

— Что это, приток? — спрашиваю я.

— Нет, заостровье, — отвечает Иван Анисимович.

Я такого слова и не слышал никогда. Но точен и понятен его смысл. Значит, я не заметил, как Тыпыл разбился на два рукава, огибая длинный остров. Вот теперь остров кончился, и второй рукав-заостровье снова соединился с главным руслом. Хорошо!

Про утиный выводок он сказал:

— Бежат, только лапы у них брякают.

Брякают — это, конечно, гипербола, но я не первый раз видел бегство диких утят от опасности, и точнее про них не скажешь.

В закоряженных местах у берегов и на ямах за перекатами, где может прятаться рыба, мы поднимаемся и плывем в лодке стоя, чтобы лучше рассмотреть хариусов. Увидеть их не просто, потому что спинки у них темно-зеленые, такие же, как водоросли на камнях, устилающих дно. Но иногда видно, как одна или две рыбины обходят лодку.

[135]

Тыпыл продолжает свое колдовство, и мы сидим час и другой молча, если не считать указаний Ивана Анисимовича, к какому берегу лучше прижиматься, чтобы не сесть на мель или не удариться о камни. И тогда мы действуем шестами.

После очередного поворота Иван Анисимович, осмотрев берег сквозь свои очки (один глаз — минус три от природы; другой — минус семь, это уже война, контузия, Карельский фронт), сказал:

— Морошки бы надо пособирать.

— Ягоды! Это прекрасно! — воскликнул я.

— А вы знаете морошку? — спросил Иван Анисимович.

— Это бруснику-то?

— Морошка — не брусника. Она на болоте растет.

— Клюква?

— Нет. У нее ягода крупная, вроде как малина.

Я решил, что тогда это костяника или что-то подобное. Допустить мысль, что на Урале есть ягода, которую я не только не видел никогда, но даже и по имени не знаю, я не мог. Мне казалось, что меня спасает стаж. Если я четверть века числюсь уральцем, то это должно надежно оберегать меня от подобного рода курьезов.

Мы причалили к правому берегу, вытащили лодку и, вооружившись котелками, углубились в лес. Шли сначала просто через лес, еловый и березовый, какой почти повсюду растет возле Тыпыла, но потом он стал реже, и деревья — березы — стали меньше, а под ногами зачавкала вода — началось болото. Мы еще долго шли, все время немного поднимаясь вверх, огибая кочки и топкие места, и где-то справа, я видел, деревья вовсе кончались и начиналось открытое место, а слева был хотя и болотистый (согра), но настоящий лес, с елями и кедрами. Но Иван Анисимович вел нас как бы между болотом и лесом, по кромке их. И когда он нагнулся, сорвал ягоду и сказал: «А вот морошка», я понял, что никакой стаж не спасет меня от позора: я никогда не видел этих ягод. Вадим — тоже. (Тот же самый соседний двор, мимо которого пробегаешь полжизни!)

Морошка. Кустик с большими треугольными листьями, стебелек-стрелка, и на ней в зеленой чашечке — пупырышки больших ягод. Действительно, похожа на малину. Но не красная, не малиновая.

— Вот это недозревшая еще, — объясняет Иван Анисимович, срывая ягоду желтого цвета с небольшой красинкой, как у крохотного яблочка. — А вот спелая.

Спелая морошка — оранжевая, непрозрачная, если попробовать — со сладким соком, со своим особым, морошкиным, вкусом.

— Вы собирайте не совсем спелую, пока домой доберемся, она дойдет. Без зелени собирайте, одну чистую ягоду.

Рвать морошку приятно — большая. Сорвал одну, бросил на дно котелка, слышишь — брякнула, посмотришь — лежит что-то солидное. Не то что там клюква или тем более брусника. Одна морошка, как десять брусничинок сразу. А вот без зелени никак не получается, срываем вместе с чашечкой.

Иван Анисимович разъясняет:

— Вы вот так возьмите ягоду, зажмите между пальцами и срывайте, чтобы отщипывало.

Он показывает, как надо брать ягоду между средним и указательным пальцем, а большим «отщипывать» ее, вырывать из зеленой чашечки. Мы пробуем ему подражать — не очень получается. Неспелая ягода крепко сидит на стебле. Но еще и еще попытка, и вот уже я кричу радостно, победно:

— Отщипывается! А у тебя, Вадим?

Идем мы все так же, по границе болота и леса. Углубляться в болото нет смысла: там морошки нет. И в лесу тоже нет. Она — на границе.

Лес какой-то странный, сказочный. Как мало все-таки сказать: лес. Он бывает такой разный. Я помню чисто березовые рощи по дороге Свердловск — Челябинск, даже в пасмурную погоду там все светло от березовых стволов. Собирал я белые грибы в сосновых лесах за поселком Комсомольский на железной дороге Ивдель — Обь, где среди негусто стоящих спелых сосен нет ни одной валежины, а только короткий плотный мох, будто все убрано и чисто выметено заботливой хозяйкой. А липовые рощи у Качканара? А дубовые в Красноуфимском районе? А осиновые колки с маленькими крепкими красноголовиками и кусучими комарами среди пшеничных полей Тюменщины? А сплошные ели за Нижними Сергами в Свердловской области?.. Все это — лес, леса, но какие не похожие один на другой!

Лес возле Тыпыла, там, где мы собирали морошку, был на свое лицо, со своим характером. Колдовское это было лицо, замшелое, буреломное. Встречались тут ямы-берлоги с водой на дне, будто специально вырытые для устрашения забредшего сюда человека. А уж если деревья лежали, то обязательно вырванные с корнем. Было в этом лесу что-то от театральных декораций, когда художник решил изобразить отчаянную глушь, населенную злодеями и зверьем.

Я увидел здесь кедр, самый большой из всех, какие мне когда-нибудь удалось видеть. Он лежал на земле, поверженный бурей или собственной старостью. Лежал громадный, не меньше чем в три обхвата, оцетинившийся мощными сучьями, и не было в этой картине образа смерти, а был просто отдых великана. Я навсегда запомнил его.

...Между тем наши котелки наполнялись морошкой — «отщипывалось» хорошо.

Я решил сфотографировать Вадима и Ивана Анисимовича. Егерь замер в неподвижности перед объективом, приподняв свой котелок и повернув его в сторону фотоаппарата, чтобы на снимке документально запечатлелось, что именно мы собираем.

Потом Иван Анисимович сказал:

— Пошли, может быть, увидим лосей.

И мы пошли прямо в болото. Вернее, болото было у нас под ногами, а вокруг росли березы, но только небольшие, как это бывает с деревьями, когда их питание — один только торф. Под ногами у нас иногда хлюпала в небольших окошках вода, но в основном мы шли по подушкам из травы и мха. И мне нравилось это болото, не страшное оно было, не топкое и не противное. Иван Анисимович на ходу срывал и бросал в котелок поверх морошки трилистку (или трехлистку? или трилистник?) — целебную траву с молочно-зелеными листьями, аккуратно разрезанными на три равные продолговатые дольки, которая, по поверью, останавливает кровотечение и выполняет массу других полезных действий.

До сих пор мы все время почти незаметно поднимались вверх. А тут мы почувствовали, что подъем кончился, и тотчас же кончился лес, и мы вышли на открытое место.

Не знаю, может быть, я слишком восторженно воспринял это, всегда испытываешь радостное чувство, когда из лесу выходишь на открытое, хорошо обозреваемое место, по даль, которая открылась перед нами, показалась мне необыкновенной. Вниз, насколько хватало глаз, шел пологий болотистый увал. Далеко справа он был окаймлен мыском редкого и низкорослого березового леса, горизонт украшали голубые горы, а настоящий лес, который все время был слева, отошел куда-то назад, как бы не желая вторгаться в чужое царство — царство Прекрасного Болота.

— Вот отсюда выйдешь и часто — осенью — видишь лосей, — сказал Иван Анисимович.

Лоси, конечно, очень украсили бы пейзаж. Несомненно, для лосей это — обетованная земля. Но главное не в этом. Главное в том, что земля наша прекрасна. Благословенны ее поля, леса, реки, озера, благословенны и ее болота. Мы часто ругаемся: утонул в болоте, увяз в трясине. Радует: осушили болото. А тут я чуть не закричал: не надо! не осушайте его! Оно — часть чего-то целого, одна из страниц единой нашей природы, и не будь ее, этой страницы, обезображена будет долина Тыпыла и что-то будет украдено у нас. Где же без болота будет расти клюква, и морошка, и целебная трилистка? Где же будет отдыхать после леса наш глаз и пастись лоси? И где же, подумал я, будет рождаться облако? Я подумал, почти почувствовал, стоя там, у края этого открытого царства воды, кочек, травы, мха и ягод, что если «тучка золотая» и вочует «на груди утеса-великана», то рождается она, эта тучка, наверное, здесь, в матерински щедрых испарениях Прекрасного Болота. Будь же благословенно и оно!

...Потом, когда мы вернулись в Свердловск и я рассказывал моим друзьям, как впервые в жизни собирал морошку, кто-то сказал:

— А вы помните, что Пушкин, умирая, попросил принести ему моченой морошки?

Медведь забавляется

[138]

Мы плывем вниз по Тыпылу. Иван Анисимович лишь изредка на короткое время заводит мотор: река сильно обмелела и, кажется, состоит из одних перекатов — особенно не разгонишься. Несмотря на наши старания обходить камни и мели, время от времени лодка садится на гальку и мы выскакиваем в воду, чтобы облегчить ее и вывести, толкая шестами, на глубокое место.

Фотографирую кедр. По берегам Тыпыла преобладают ели, но в нижнем течении группы кедров, целые роци выходят прямо к реке.

Я люблю это дерево — плодовое дерево тайги. Меня радостно волнует его круглая крона — темно-зеленая тучка на синем небе. А шишки! Нет человека, который, увидя кедр, не поинтересовался бы, есть шишки или нет. Независимо от времени года, независимо от того, собирается лезть на дерево человек или нет и сколько продукта осталось в его таежной котомке, каждого глубоко волнует вопрос, есть ли на кедре шишки.

Шишки есть. Мы видим их и на одном, и на другом кедре, и на многих. Накануне я видел кедровку, которая перелетела через реку, таща в клюве шишку. А вот и большой кедр, подступивший к самой воде. Мы причаливаем. Решено, что я полезу.

Конечно, есть умельцы, большие специалисты, которым ничего не стоит залезть на кедр. С помощью электромонтерских «кошек» и других приспособлений они забираются на любое дерево и сшибают шишки. Для интеллигента-горожанина взлезание на кедр — целое событие. Вадим хочет отговорить меня, но я непреклонен. И тогда он кричит Ивану Анисимовичу:

— Он полезет!!

Иван Анисимович сохраняет полный нейтралитет, он молча стоит поодаль, не собираясь ни подстрекать никого, ни отговаривать.

Вы, храбрый человек, подходите к кедру и осматриваете его. Мощный ствол уходит далеко вверх, разветвляется, образуя крону, и манит вас шишками где-то там, на уровне неба. Вас несколько удивляет, что внизу ствол совершенно голый, цепляться не за что. Однако вы полны решимости и кидаетесь на дерево. Даже если ваш друг помогает вам, упираясь руками в вашу поясницу, все ваши усилия уходят только на то, чтобы, обхватив ствол руками и ногами, некоторое время на нем повисеть. Потом вы разжимаете руки и падаете. Целое цирковое представление!

Передохнув, любители шишек замечают, что они могли бы воспользоваться стоящей рядом с кедром елью. Храбрый человек карабкается на ель, а потом уже с нее перебирается на кедр...

Как бы то ни было, но когда вы, весь вымазанный в смоле и с

исцарапанными руками, будете потом стоять на родимой твердой земле, вы поймете, что в вашей душе навсегда поселился этот миг: на самой верхушке кедра, несильно раскачиваемой ветром, вы притягиваете к себе лохматую ветку, срываете с нее шишки и бросаете вниз, прямо в серебриющийся Тыпыл, рядом с лодкой, где их подбирают Вадим и Иван Анисимович.

Так мы доплываем до устья Тыпыла.

[139]

Когда-то здесь был большой поселок. Теперь осталась одна маленькая банька, играющая роль охотничьей избушки. Мы ночуем в ней, чтобы на следующий день совершить всем вместе последний марш-бросок до Усть-Тылая, а персонально Вадим — чтобы встретиться с медведем. Отсюда до Усть-Тылая напрямую по суше 7—8 километров, по воде — не меньше двадцати. Причем уже вверх по Косьве, против течения. Поэтому Иван Анисимович просит, чтобы один из нас поехал с ним, а другой — для облегчения лодки — прошел пешком полдороги, до встречи в условленном месте. Решено, что пешком по «тракторной дороге» пойдет Вадим.

И вот наступает утро последнего дня нашего путешествия, теплое, солнечное утро, не предвещающее ничего чрезвычайного. Мы грузим рюкзаки в лодку. Иван Анисимович передает Вадиму свое походное ружье — ржавую одностволку и патронташ с десятком патронов.

— На всякий случай, — объясняет он. — Вдруг медведь...

После этих слов, оказавшихся пророческими, Иван Анисимович показывает Вадиму начало «тракторной дороги» и мы еще раз договариваемся о месте встречи — он должен ждать нас у отвалов, у каменных гряд, оставшихся после работы драги, куда его приведет дорога.

И вот мы идем на моторе по мутной Косьве, и это разительно отличается от курортной прогулки по Тыпылу. Здесь я уже чувствую себя не беспечным отпускником, которому посчастливилось отхватить солидный кусочек уральской экзотики, а скорее членом какой-то воображаемой комиссии по обследованию. Я смотрю вперед и по сторонам, но глаз мой не наслаждается красотой и даже не просто смотрит. Он подмечает недостатки.

Вот еловый лес подошел к самому берегу реки. Можно было бы сказать, что пейзаж прекрасен, если бы берег не был обезображен, измазан осевшими слоями глины, принесенной водой. Вот удивительный камень-скала, который сделал бы честь любому туристскому маршруту, если бы его омывала действительно река, а не эта мутная жижа. А вот наконец и «хвосты» драги — каменные бесконечные насыпи. Здесь Косьва течет не по своему исконному руслу, а петляя среди камней, по проорам, образованным прихотью «великих работ». Это уже не река, это — стоки промышленных вод...

Впрочем, надо помогать мотору, работая шестом без усталости и, желательнее, виртуозно. Но все равно иногда на этих непрерывных водопадах и поворотах нам не хватает ни силы мотора, ни моей виртуозности. Тогда Иван Анисимович выключает мотор и мы выходим из лодки и та-

щим ее, идя по берегу репинскими бурлаками. С той только разницей, что они шли по песку, а мы карабкаемся по камням.

В одну из таких пауз мы явственно услышали выстрел в лесу. Он донесся оттуда, где мой черноглазый друг должен был пробираться по «тракторной дороге».

[140] — Вадим медведя стреляет, — сказал я, усмехнувшись, и ни на секунду ни у меня, ни у Ивана Анисимовича не возникло подозрения, что я могу быть близок к истине.

В условленном месте Вадима не было. Вот таежная тропа выходит на отвалы, здесь он и должен был нас ждать, а его нет. Осыпая камни, я взобрался на одну из гряд булыжников и закричал что есть силы:

— Вадим! Ва-ди-и-им!!!

Неожиданно я услышал, что он отвечает мне не из лесу, а из глубины каменной пустыни. Оказывается, он проскочил место встречи и шагал к Усть-Тылаю не в силах остановиться.

Когда я увидел его, сразу понял, что с ним что-то случилось. И это что-то жило в нем весь остаток дня и вечером, когда мы садились в поезд Карпинск — Свердловск, и потом еще несколько дней. И пока ЭТО не прошло, я заставил его взять бумагу и поделиться с человечеством впечатлениями о происшедшем в лесу. Он исписал несколько листков, и я, ничего не изменяя, предлагаю их твоему вниманию, благосклонный читатель. Конечно, мы с Вадимом приносим заранее извинения за некоторые шероховатости стиля, но я думаю, что если недостатки стиля — это единственные утраты, которые понес человек после встречи с глазу на глаз с медведем, то мы имеем перед собой достаточно смелого человека. Итак, слово очевидцу:

«Вечером, когда мы ели уху, егерь сообщил нам, что одному придется идти пешком километров пять по «тракторной дороге», чтобы облегчить подъем лодки вверх по разрезам. «Я дам ружье и три патрона с пулей. Вдруг медведь...» Он это сказал так, как будто — купи билет и сходи в кино! Утром, поднявшись на рассвете, он прошел со мной метров пятьдесят, показывая «тракторную дорогу», которая оказалась тропой (трактор по ней прошел зимой года три назад), заваленной валежиной, буреломом, с глубокими ямами — результат сильных дождей. Раза три на тропе встречался след медведя — он такой огромный, что берет оторопь. Скорей проходишь дальше, не давая мыслям увлечь тебя в медвежьи страхи.

Вдруг в пятнадцати — двадцати метрах, на очередном повороте, я увидел голову с маленькими глазами, внимательно смотрящими на меня, и крупную тушу. Медведь сидел на тропе и ждал. Не знаю, ждал ли, но внимательно меня изучал. Первое чувство — не страха, а защиты. Страх приходит потом. Шагнув влево, к дереву, я взвел курок ржавой одностволки, которую не чистили года два, и, подняв руки с ружьем и спиннингом, закричал. В этот крик я вложил все эмоции, которые родились в тот момент: ненависть к зверю, смелость, одновременно страх и мужество. Помню, что мои глаза расширились и мне самому стало страшно своего крика. По-моему, он не обратил на все это никакого внимания.

Однако через какое-то время он встал на четвереньки, собираясь оставить тропу. Я увидел, что он настроен не агрессивно и не собирается на меня нападать. Тогда я достал патрон с пулей и, держа его наготове, выстрелил вверх дробью. Через секунду я его уже не видел, слышался только треск. Затем все смолкло. Тогда, вставив в ствол патрон с пулей, я как победитель продолжал путь».

Вот так, оказывается, не как-нибудь там, а как победитель... Честно говоря, когда я разглядел моего друга бегущим по камням в направлении Усть-Тылая, с трудом докричался и остановил его и увидел лицо, залитое потом, с глазами, которые еще оставались расширенными, я никогда бы не догадался, что это называется: победитель продолжает путь.

Хотя справедливости ради мы должны отметить, что подавляющее большинство людей, встретившись с медведем в лесу, бежит от него без оглядки, лишь потом осмысливая происшедшее. Вадим же набрался мужества «попугать» медведя, прогнать его, чтобы продолжать путь к нам. Я горжусь своим другом.

Не описываю нашего путешествия из Европы в Азию — из Усть-Тылая мимо Косьвинского Камня в уже азиатский Кытлым. Кто проехал по этим местам, тот навсегда сохранит в памяти и их необыкновенную красоту, и картины квадратных километров булыжника, пока еще не облесенных естественным путем. Главное наше чувство было: здравствуйте, дома, автобусы, дороги, заводы, поезда! Здравствуйтесь, люди! Мы соскучились о вас, мы радуемся вам!

Чусовая — река-музей

Этот маршрут по Чусовой мы с Вадимом долго откладывали, относя к числу очень несложных, протоптанных, известных. В самом деле, Средний Урал — давно обжитые места, ничего неоткрытого, опасного, не сравнить с нашими северными скитаниями, где в условиях полного безлюдства мы неделями иной раз предоставлены только самим себе... Таким он, собственно, и оказался, этот маршрут, хотя, забегая вперед, скажу: ни о каких разочарованиях не может быть и речи!

Конечно, поначалу испытываешь двойственное чувство, когда видишь прекрасную скалу-боек, необъятной глыбицей вырастающую перед тобой из-за поворота реки, не успеваешь насладиться ее созерцанием и вдруг замечаешь прикрепленную на ней на приличной высоте табличку из блестящего металла (нержавейка?) и читаешь текст: «Омутной, 163». Это значит, что камень называется Омутной и удаление его от туристской «мекки» — Коуровской турбазы — составляет 163 километра.

С одной стороны, хочется от всей души поблагодарить заботливых людей, славно потрудившихся, приколавывая к скале эти знаки, и где-то

совершенно успокаиваешься, зная, что теперь твое местопребывание на голубой планете Земля определено с абсолютной точностью. Но, с другой стороны, возникает в душе некий неосознанный протест: бежал от цивилизации, а она не дала перевести дыхания, настигла, напомнила о себе принудительным сервисом.

[142]

Впрочем, погода стояла отличная, теплая, солнечная, и никаких оснований для уныния не было. Мы плыли в обществе очень интересных, симпатичных, бодрых людей — группы работников нашего прославленного гиганта, Нижнетагильского металлургического комбината, и, собственно говоря, плыли благодаря их любезности. Они довели нас не без комфорта на машине из Нижнего Тагила через Висим — родину Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка — к берегу Чусовой и снабдили отличными, совсем новыми байдарками (себе оставив старые; и подобными вполне рыцарскими заботами окружали нас всю дорогу).

Среди тагильчан были настоящие асы туризма. Наш молчаливый руководитель, Владимир Викторович Глен, мастер спорта по туризму, ранней весной 1981 года совершил в Заполярье с небольшой группой лыжников 600-километровый переход высшей категории сложности. Так что наши новые друзья этот поход по Чусовой могли рассматривать как предельно домашний и почти курортный и даже позволили себе взять с собой в дорогу жен и детей.

Детей было семеро, немного меньше, чем взрослых, и при этом трех девочек звали одинаково — Олями. Это, конечно, рождало определенную путаницу, но дети были симпатичные, в меру шумные и безусловно талантливые. В заключительный вечер нашего пребывания на Чусовой они дали нам концерт, который неожиданно внес серьезные поправки в мое отношение ко всему происходящему на уральской реке. Но об этом — в самом конце повествования...

Мой друг Вадим привез из Москвы нового нашего знакомого, преподавателя института культуры Игоря Петровича, человека, умеющего довести наслаждение любой мелочью ежедневной действительности до уровня утонченного искусства. В невероятных количествах поглощая туристскую кашу и уральский кислород, он почти все время улыбался и до конца путешествия играл роль человека Жизнерадостного, как мы впредь и будем его называть. Вадим же, мой черноглазый друг и музыкант, наоборот, все это лето грустил. В контрасте с Жизнерадостным он вполне заслужил имя туриста Печального.

— Дождь, наверное, завтра соберется, — говорил, с огорчением глядя на закат, Печальный.

— Хорошая будет погода, — возражал Жизнерадостный и всякий раз оказывался прав: погода нас только радовала, да и вообще оптимизм в любом путешествии всегда предпочтительнее.

И был еще один участник нашего турпохода. Это певец Урала Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Собственно говоря, он и продиктовал нам наш маршрут. В годы своей юности в 1868—1872 годах писатель проходил (и неоднократно) этим путем, отправляясь на учебу в

Пермскую духовную семинарию. То есть из родного поселка Висим он ехал в Усть-Утку, затем по Чусовой до Кына и оттуда по тракту — в Пермь. Вот этот путь по реке от Усть-Утки до Кына мы и запланировали повторить.

Конечно, «участник нашего турпохода» — сказано слишком претенциозно. Приносим извинения. На самом же деле мысль наша была предельно скромна: плыть по Чусовой и при этом не иметь в виду, не вспоминать произведений Мамина-Сибиряка решительно невозможно. Особенно это относится к знаменитому очерку его «Бойцы» — настоящей энциклопедии весеннего сплава по Чусовой барок, груженных металлом уральских заводов. Нет такой деревушки, значительного камня-бойца, просто мало-мальски приметного места на реке, которых бы он не упомянул.

Преисполняешься благодарности к писателю: запечатленные им лица и события столетней давности придавали нашему сегодняшнему путешествию временную глубину. Когда помнишь, что и до тебя жили в этих местах люди со своими делами, заботами и переживаниями, причем люди сильные, подчас удивительные, — чувствуешь себя не однодневным порхающим мотыльком, а существом историческим, имеющим глубокие корни, начинаешь и вести себя «на лоне природы» как-то совсем по-другому. Это сакраментальное туристское «а теперь посмотрите направо, а теперь взгляните налево» приобретает некую значительность и смысл.

Итак, машина привезла всю нашу пеструю компанию к берегу Чусовой на окраине села Усть-Утка. Мы быстро разгрузились и только было приступили к главному — расшнуровыванию гигантских пакетов с байдарками, чтобы собрать их, как к нам подъехал мотоциклист. Это был работник местного лесничества. Несколько стесняясь, он призвал нас к тушению лесного пожара.

— Где?

— Километров пять отсюда.

В наши планы это, естественно, не входило. Вроде мы выстроились на спринтерской старте, а нам не только сигнала не подали, но вообще предложили выйти со стадиона... И это было не совсем справедливо. Скажем, Володя, аппаратчик пекококсового цеха, ради нашей поездки кого-то подменял, работая по две смены, и вот теперь, вырвавшись из коксового производства на свежий чусовской воздух, должен был знакомиться еще и с лесным пожаром.

Но когда тебя призывают на помощь, не будешь же загорать на солнышке. Собрались по-деловому, немножко злясь на дурацкий случай, и погрузились в подъехавшую машину лесничества. На берегу оставили только женщин, детей и Валерия, остроумнейшего человека, слесаря-наладчика центральной лаборатории ИТМК. Он должен был потихоньку собирать байдарки.

Пожар был нестрашный. Не какой-нибудь там верховой, стремительный, как ураган, от которого и белка не ускачет. Дым, правда,

клубился изрядный, но ветер отсутствовал и горело не сильно, тлело в основном понизу, на территории соток в пять-шесть. Лес стало очень жалко — красивый он был, разнообразный, живописный. И не на ровном месте стоял, а все в ложках и на горках. В одном ложку тек ручей. И вот раздалась команда:

— Ведра! Берите ведра!

[144]

Здесь, на месте происшествия, находились еще два или три лесника, но действовали они как-то замедленно, размашисто и в разные стороны, вроде в понедельник после не совсем правильно проведенного выходного. А был вторник.

Расположившись цепочкой, с полчаса мы передавали друг другу ведра с водой и выливали их в тлеющий мох. Это было довольно трудно: берег у ложка попался крутой, и нас на полную цепочку не хватало, так что приходилось с каждым ведром делать прыжок по склону метра на три наверх и, подняв ведро над головой, передавать его склонившемуся к тебе товарищу. За полчаса мы взмокли и выдохлись. Но главное, это было не только трудоемко, но и совершенно бесполезно. Ведро воды, потушив две-три тлеющие былинки, бесследно исчезало в почве.

Хорошо, что кто-то догадался — схватил лопату и стал действовать ею. Здесь дело пошло по-настоящему. Слой мха оказался совсем тонким, а под ним обнаружился песок. Лопатами мы быстро перекопали горящие участки и, собственно говоря, ликвидировали пожар. Кое-где еще нет-нет появлялся дымок, тлели сухие корни, но огонь мы полностью сбили. Я подумал, что все это без нас могли сделать эти двое-трое лесников, но вот почему-то не сделали.

Обратно в Усть-Утку шли пешком. Когда вышли на берег Чусовой, решили искупаться, чтобы смыть пыль и копоть. Жизнерадостный Игорь Петрович нашел глубинку на середине реки, нырял и фыркал, как тюлень, ржал конем от удовольствия. Печальный Вадим скромно полоскался у берега...

День уже клонился к вечеру, а мы еще не собрали байдарки. Я злился, что времени не остается, чтобы побродить по селу, поговорить со знающими людьми, осмотреть остатки деревянного шлюза и гавани, откуда выплывали в Чусовую груженые металлом барки.

Сегодня Усть-Утка имеет только сельскохозяйственное значение, а когда-то это было «селение-пристань», по выражению Мамина-Сибиряка. Здесь зимой делались барки, сюда свозилась продукция Нижнетагильского, Салдинских, Висимо-Уткинского, Черноисточинского и других демидовских заводов. А по весне, когда шла большая вода, караваны барок сплывали вниз по Чусовой, снабжая металлом многие губернии страны. До постройки железных дорог Чусовая была важнейшей транспортной артерией Урала. Конечно, остатки шлюза в Усть-Утке надо охранять не меньше, чем камни-бойцы. Это страницы нашей истории.

Усть-Утка дорога нам и как памятное место, связанное с биографией Мамина-Сибиряка. Перед самой нашей поездкой, благодаря любезности доктора филологических наук И. А. Дергачева, я познакомился

с юношеской повестью писателя «Отрезанный ломоть». Это очень несовершенное и незаконченное даже произведение, проба пера начинающего автора, но в ней есть места, по которым можно угадать почерк будущего певца Урала, есть цепкая наблюдательность, умение воссоздать живую картину жизни. Сюжет повести — путешествие по реке. Юноша Мамин не называет ее, но это ясно — Чусовая. И многие страницы очень биографичны.

[145]

Мы садились в собранные наконец-то байдарки — причем я в байдарке собирался путешествовать первый раз в жизни, — но думал я не об этом не совсем рядовом для меня моменте — мне виделся юноша Мамин и его прощание с этим крутым берегом. Вот отрывок из «Отрезанного ломтя», явно нарисованный с натуры:

— *Благословите, батюшка!*

— *В добрый час!*

Двое из семинаристов взялись за весла, третий — сын провожавшего священника — за неимением определенных занятий поместился в носу лодки около самого багажа...

Лодка отвалила от берега, гребцы мерно ударили веслами по воде, и лодка тихо поплыла вниз по реке. Вот подхватила ее речная струя и быстро понесла к Желтой горе, стоявшей на завороте реки...

Семинарист, поместившийся в носу лодки, был не кто другой, как я; священник, оставшийся на берегу, был мой отец.

Когда отплывала наша лодка от пристани, я долго смотрел на плечистую высокую фигуру отца, неподвижно стоявшую на высоком берегу...

Мы тоже отплывали от высокого правого берега Чусовой. И камень-боец Желтый на самом деле стоит на реке сразу же за Усть-Уткой. Только если уж быть совершенно точным, ему предшествует камень Красный, обосновавшийся как раз «на завороте реки». Но повесть «Отрезанный ломоть» вовсе не путевой очерк, и автор не давал нам никаких обещаний касательно документальности своего произведения.

— Почему Желтый называется Желтым, а Красный — Красным? — спрашивал между тем Печальный. — Не вижу особой разницы.

— Нет, Желтый именно Желтый, — отвечал Жизнерадостный.

И действительно, стоило нам подплыть ближе, как мы увидели, что в названии камней не допущено никакой путаницы: Красный четко краснел составляющими его горными породами и какими-то специфическими лишайниками и травами, а Желтый именно желтел.

Плыли мы, не договариваясь о порядке и не заботясь о скорости, — само течение реки диктовало нам скорость и создавало определенный порядок. Мы отдыхали от каждодневной необходимости куда-то спешить, подхлестывать и организовывать самих себя, «дрессировать», по выражению Чехова. Чусовая взяла эту заботу на себя. Спасибо ей, голубой, прекрасной дороге. Курортность целыми тоннами вливалась в наши потрепанные цивилизацией организмы.

Вообще я заметил, на нашем Урале — только бы угадать погоду,

и тогда не надо никакого юга, никакой Ялты и никакой Пицунды. Как-то, помню, мы провели в величайшем удовольствии недели две в верхнем течении Уфы, купаясь, ловя рыбу и всячески «единяясь с природой». А вернувшись в Свердловск, встретили знакомого, только что приехавшего из Кисловодска.

— Как? — спросил я.

— К черту! — ответил он. — Холод и дожди замучили.

[146]

Зачем, спрашивается, катался за тридевять земель, перегружал транспорт?

На первую ночевку мы остановились напротив камня Омутного. Нельзя было не подивиться его незыблемому, монолитному семидесятиметровому величию! Возле камня река образовывала типичный круглый и, видимо, глубокий омут. Удивительны все-таки названия чусовских бойцов. Кратки, точны, образны, как сама народная речь — ничего ни убавить, ни прибавить. Уж если Ребра — то словно в самом деле исхудала или вконец издохла гигантская лошадь, если Печка — то поверишь, что гиганты могли выпекать здесь громадные хлебы, если Великан — то действительно самый большой из всех боец...

Я решил возле Омутного побросать спиннинг — вдруг шальная щука схватит?

— Давай, давай! — подбодрил меня Игорь Петрович, турист Жизнерадостный. — Обещали разнообразить стол свежей рыбкой.

Мы с Вадимом действительно набрали пропасть всяких рыболовных снастей и вели исключительно умные разговоры о поимке рыбы. Надо было как-то соответствовать этой ваятой нами высокой ноте. Но, может быть, именно поэтому мой Вадим, турист Печальный, готовясь к какой-то сверхосновательной, неспешной, обдуманной и успешной рыбалке, стал выражать самые серьезные сомнения:

— Какая здесь может быть щука? Что зря воду исхлестывать? Тысячи туристов плывут. Что это за рыбалка? Надо найти настоящие места.

Но я бросил спиннинг раз, другой, третий, и вдруг блесну кто-то схватил. Быстрая подсечка, и я вытащил на берег зубастую щуку.

— Ура! — закричал турист Жизнерадостный. — Давай ее сюда!

А Печальный просто отвернулся в негодование при виде такой самодеятельности.

В поджаренном виде эта не так и не там пойманная щука была вполне хороша!..

И нам было хорошо среди гостеприимных тагильчан. Каждый из них вносил что-то свое в общий тонус путешествующего коллектива, чем-то его дополнял.

Инженер-исследователь центральной лаборатории металлургического комбината Иван Трофимович всем своим обликом призывал нас к вдумчивому и серьезному отношению к действительности. Несмотря на несколько игривые розовые плавки, в которых он имел обыкновение купаться, обратиться к нему иначе, чем назвав на «вы», мы просто не

считали возможным. Его коллега, начальник лаборатории качества, человек в узкой бородке Дон-Кихота, как бы обеспечивал наше интеллектуальное представительство в здешних местах. Уже названный выше коксовик Владимир распространял вокруг себя завидную доброжелательность, а Валерий — этот главный специалист по сбору байдарок, светлая голова и золотые руки — был нашим юмористическим центром.

Да, ни один здоровый коллектив, созданный хотя бы на несколько часов, не обходится без своего юмористического центра. Обычно это человек, взявший на себя трудную роль быть всегда бодрым и жизнерадостным, уметь любую невзгоду, трудность, напряжение нервов превратить в шутку, улыбку, смех. Роль трудную прежде всего потому, что играть ее может лишь человек талантливый, одаренный... Но здесь мы должны остановиться, ибо перед нами разверзается пропасть теоретизирования вокруг одной из самых сложных проблем — что такое сам смех?

В общем, теория скучна, а древо жизни вечно зеленеет. Достаточно было Валерию во время нашего обеда вдруг сказать при виде миски с нарезанным хлебом: «Это все мне?» — как мы начинали радостно хохотать.

Это все от таланта. От тончайшей интонации, от нюанса. А разве мы не смеялись точно так же, когда незабываемый артист Свердловского театра музыкальной комедии А. Г. Маренич еще откуда-то из-за кулис кричал с непередаваемыми интонациями что-нибудь вроде: «Иду, иду, моя курочка!..»

Один может из ничего, из воздуха создать радость и смех, а другой из светлого дня брюзжанием своим способен сделать пасмурный вечер...

А еще, может быть, эта смешливость от свежего воздуха. Пока не написана диссертация: «Резкое возрастание количества смешного на человеко-единицу на лоне природы от избытка кислорода», но думается, что такой ученый труд вполне возможен.

Однако возвращаемся на Чусовую. Мы почевали напротив камня Омутного, и, надо сказать, величественность окружающего как-то возвышала и нас. Хотелось быть сильнее, умнее, лучше рядом с этими вечными, грозными, молчаливыми утесами. Неудобно мельчить, произносить банальности... То есть эстетическое воздействие, несомненно, имело место.

Но все же мы с Вадимом почему-то долго сопротивлялись свободному восприятию и впитыванию красоты Чусовой. Возможно, это шло из некоего чувства ревности и недоверия к такому нетрудному «пензионерскому» маршруту: неужели что-то еще может удивить нас и быть красивее, чем горы, ущелья и текущие изо льда и снега реки Приполярного Урала? Но то, что прекрасно, все равно прекрасно, и ты будешь покорен им рано или поздно.

Со мной это случилось у камня Кирпичного. Представьте себе вдруг возникший на правом берегу реки огромный и прекрасный рыцарский замок, будто сложенный руками умелых мастеров из красных обожженных кирпичей, украшенный зубцами, выступами, башенками и

[147]

бастионами. Он совершенно оригинален, ничего подобного ему среди других бойцов нет, и щедрость и выдумка природы, способной на любую причуду, не могут не поразить. Конечно, Кирпичный — слишком прозаическое, приземленное название. Так хотелось бы что-то вроде: Рыцарский замок или Чусовской бастион, но, может быть, в предельной скромности имени уникального камня содержится своя правда.

[148]

Величие чусовских камней-бойцов умножается их мрачноватой славой. Невольно представляешь себе, каковы-то они весной, когда вода несет сильным, высоким, стремительным потоком, вынося на бойцы любой плывущий предмет. Как-то было все это в те далекие времена, когда по Чусовой сплавливали тяжелые барки с металлом? Каково-то приходилось сплавщикам-бурлакам, вступавшим каждый раз с рекой в смертельную схватку?

Размышлял обо всем этом и юноша Мамин, уже имевший, как мы видим из повести «Отрезанный ломоть», основательные знания о бурлацком житье-бытье. Вот цитата, звучащая как набросок для будущего знаменитого очерка «Бойцы»:

А весной, когда войлоком обложится небо, когда солнце едва одним краем сердито смотрит на землю, когда с воем и стоном идет ветер по лесу, трава не смеет подняться над землей, когда бушует в свих берегах река, рвется и мечется как бешеная, обливая пеной прибрежные скалы и разбивая вдребезги все, что попадет под руку, птицами несутся вниз по реке сколоченные на живую нитку барки, бросает их, как щепки, во все стороны сердитая река; берега бегут вверх, волной ходит по палубам серая сермяжная масса бурлаков, кряхтит и ругается, зростью налегает на поносные (громадные весла-бревна.— Ф. В.) и складывает тут свои последние силы. Тянет барку в заводь, заманивает ее речная струя на поемные луга, изъ всей силы-мочи бьется бурлачество, вечные мозоли садятся на руки от такой работы, ноет и болит спина целую жизнь...

Наша сегодняшняя жизнь, жизнь беспечных туристов, протекала в полном контрасте с этим невеселым прошлым. Дни стояли — сплошное солнце, наши байдарки скользили в тишине и неге вниз по течению, и только изредка перед каким-нибудь перекатом Печальный мой друг поделится мрачным предсказанием:

— Сядем на мель!

Но Жизнерадостный тотчас же возразит:

— Пройдем!

И незамутненный оптимизм опять побеждал: мы проходили перекаат за перекаатом и даже ни разу не повредили нежное байдарочное дно. А рядом с нами и мимо нас проплывали десятки других туристских плотов и лодок, и над всей туристской страной Чусованней (Чусовинней?) царил покойствие и безмятежность.

— Откуда, великие путешественники? — спрашиваю проплывающих мимо.

— Из Ленинграда. А вы?

— Мы — уральские.

Пауза.

— А это что за река? — более для поддержания беседы спрашивают ленинградцы, видя впадающий справа по течению большой приток.

— Это замечательная река Серебрянка, — отвечаю, — по которой, между прочим, Ермак покорял Сибирь.

— А-а-а... — как слабое эхо несется над водной гладью ничего не значащий отклик.

Полно, да поняли ли меня? Проснулись ли в памяти по-южному загорелых людей распевные слова былины о походе Ермака Тимофеевича: «По Серебряной пошли, до Жаровли дошли, оставили они тут лодки-коломенки...»? Кстати, в год нашего путешествия исполнилось ровно четыреста лет, как Ермак со своей дружиной поднялся по Чусовой и Серебрянке (1581 год), чтобы потом перевалить в Обь-Иртышский бассейн и вступить в бой с воинами хана Кучума.

Серебрянка — отдельная наша боль. Мы остановились возле ее устья и поднимались по исторической реке вверх километра на три. В прозрачной воде резвились, ловя мушек, хариусы. Думалось о том, что каждая река отличается своим особым обликом. Серебрянка — совсем другая река, чем Чусовая. Здесь тоже скалы, но скалы свои, другие, подчас тесно смыкающиеся друг с другом. В некоторых местах долина Серебрянки выглядит как ущелье, и общий облик ее как бы строже, суровее, резче, чем у более широкой Чусовой. Мои попутчики вообще заметили, что она «еще более уральская», чем Чусовая.

Мы планировали подняться вверх по Серебрянке еще выше, но буквально на следующий день вода в ней вдруг поднялась вдвое и превратилась в мутный глинистый поток. Как там бедные хариусы? Сумеет ли «проморгаться» и остаться в живых уральская форель? Дождей не было, так что вывод можно было сделать только такой: у одной из драг производственного объединения Уралзолото прорвало плохо сделанные отстойники, и река оказалась загрязненной на десятки километров. Из Серебрянки муть прорвалась в Чусовую, и мы стали свидетелями ее загрязнения до самого Кына и много дальше.

Как можно таким образом обращаться с рекой-красавицей? В каком свете выглядим мы перед всей страной (наверное, «набор» проплывающих по Чусовой ежегодно туристов представляет собой полную модель, как говорят теперь, нашего государства), открыто выставляя напоказ такое варварское отношение к особо ценным рекам Урала? Ведь наши горы рождают источники, питающие громадные водные бассейны (Волго-Камский, Обско-Иртышский, Печорский), и так хочется, чтобы мы вносили в общую борьбу страны за сохранение природы кристально чистые наши ручьи и реки, а не глинистую муть...

И еще одно событие довелось пережить мне в тот же день: вспыхнул пожар в селе Усть-Серебрянка. Мы в лагере были вдвоем с Вадимом (обогнали основной отряд туристов) и спали, когда над нами настойчиво стал кружиться, явно желая к чему-то привлечь наше внимание, патрульный вертолет. Мы выбрались из палатки и увидели огонь и дым над

Усть-Серебрянкой. Это старинное уральское село, но явно пережившее пик своей истории. Сегодня оно, увы, брошено людьми. Обидно и немного страшно было нам накануне смотреть на эти несколько десятков еще крепких изб, подчас из не успевших еще почернеть бревен. Не бесхозяйственно ли бросать просто так, без применения, на этой популярной и многолюдной туристской тропе такие вот естественные гостиницы? Туристские приюты, говоря профессиональным языком?..

Но теперь село горело. Лагерь покинуть было нельзя, и Вадим остался его стеречь, а я быстро переправился через Серебрянку и бросился тушить огонь. По счастью, ветер дул в одном направлении и обреченной оказалась лишь причусовская половина села, хотя мне пришлось немало потрудиться, чтобы во многих местах разобрать и растаскать в стороны заборы, по которым огонь энергично пробирался и против ветра. Таким образом удалось создать противопожарную полосу, отделив горящую половину Усть-Серебрянки от остальной ее части.

Трудился я часа два в полном одиночестве, обжег руки и наглотался дыма, по правде говоря, все время ожидая, что кто-нибудь придет ко мне на помощь. Но кто? В окрестностях села бродило стадо коровье-его молодняка, но пастухов не было видно. На перекатах по Чусовой стояли с удочками несколько рыбаков, по-видимому, приехали или пришли сюда из Кына, но они явно и не помышляли присоединиться к пожаротушению. Может, потому, что были уверены: покинутому селу все равно уже не жить?

Впрочем, половина Усть-Серебрянки пока жива. Надолго ли?..

Но обратимся снова к повести «Отрезанный ломоть»:

— *А скоро Клин-то?* («Клин» вместо «Кына» — незначительная маскировка юноши Мамина.— Ф. В.)

— *Скоро.*

— *Ровно его маленько отодвинули от нас: плывем, плывем, а Клина все нет!*

— *Тише едешь, дальше будешь,— улыбался лоцман.*

— *А сколько мы проехали со вчерашнего дня?*

— *Да вот как подплывем к Клину-то, как раз будет верст семьдесят...*

Издаലെка мы увидели высокую белую церковь, стоявшую в самой середине Клина...

Мы тоже увидели эту церковь. Увидели остатки крупных каменных блоков, составлявших когда-то очень внушительную по тем временам и кипевшую работой пристань. Погода в отличие от той, дождливой и сырой, описанной Маминым-Сибиряком, была (я рискую уже надоесть этой отличной погодой!) необычно жаркая и сухая. И приплыли мы в Кын в самой середине дня. Это была суббота, и добрая половина населения купалась в реке.

Когда мы проплывали мимо одного из косяков плавающих жителей Кына, Печальный наш друг, имея в виду взвешенную в воде муть, не смог удержаться от грустного вопроса:

— Вы купаетесь, девушки, или пачкаетесь?

Симпатичные нимфы чусовских плесов только смущенно пофыркали ему в ответ, а Жизнерадостный впервые за все путешествие не нашел возражений. Отсюда мы можем сделать вывод, что плохое отношение к природе способно подкосить даже самый буйно разросшийся оптимизм...

Итак, мы увидели на берегу церковь, каких немало в наших краях, — красивую, цепляющуюся маковкой за проплывающее облако, облупленную, пустую, гордую в своем одиночестве, поросшую березками, на разной высоте зацепившимися за расщелинки в кирпичах. Где-то на уровне третьего или четвертого этажа в окнах виднелись лазающие мальчишки. Их голоса звонко раздавались под сводами. Я крикнул им, чтобы они осторожно хватались за рамы, — не ровен час, изгнившее дерево обрушится... Печаль, настоящая на жару. Застывшая история. Вчерашний день...

Однако последуем дальше за Маминим-Сибиряком.

...Под небольшим навесом толпилась кучка людей, глазевшая, как мы причаливаем.

Далее описывается, как герои повести немного пообсушились у огня, наняли лошадей и отправились в неблизкий путь — верст за двести по так называемому Кунгурскому тракту в Пермь. Дорога эта начиналась (и начинается сейчас) прямо от Кыновской пристани. Чисто по-уральски она засыпана шлаком, по-видимому, отходами некогда существовавшего здесь металлургического завода. А вот мемориальная доска: «Первому организатору кооперативного движения в России Кыновскому обществу потребителей...» Как видим, интересные моменты были в истории Кына. Общество основано в 1864 году и в пору чусовских путешествий будущего писателя уже активно действовало. Сейчас главная организующая сила местной жизни — колхоз с броским названием «Мир».

Итак, мы проводили из Кына в Пермь юношу Мамина-Сибиряка, и это ставило некую точку в нашем маршруте. Хотя мы слыли в тот же день еще к камню Мултык, одарившему нас вкуснейшей и прозрачайшей водой из ключиков, бьющих у его подошвы.

Против камня Мултык — 220 километров от Коуровской турбазы — мы поставили палатки на последнюю нашу ночевку на Чусовой, и здесь состоялся уже упомянутый концерт силами талантливых тагильских детей. В этом концерте над прочими эстетически ценными моментами почему-то преобладала популярная песня, содержание которой выражалось в следующих словах:

Пропала собака, пропала собака,
Пропала собака по кличке Дружок...

Вечер был грозовой (единственный с дождем за все наше путешествие), поэтому концерт как-то оттянулся до самых сумерек, и ощущение было такое, словно мы специально приехали в эту даль, чтобы

посеять на берегах исторической реки печаль о невозвратимой утрате... Однако песню затем сменили импровизированные танцы, и мы уже стали казаться себе восточными раджами, в честь которых устроен праздник с участием искусных танцовщиц. Может быть, вы заметили, что все девочки в определенном возрасте очень музыкальны и хореографически одарены, вообще искусство танца всегда умножается на молодость, на естественное желание молодого тела скакать и прыгать. Одним словом, спасибо вам, три Оли и все остальные тагильские дети! С вами Чусовая ни на минуту не сделалась для нас суровой, или чужой, или негостеприимной.

Именно тогда, в тот грозовой вечер, неожиданно родилось твердое чувство: путешествие по Чусовой — это прежде всего маршрут познавательный, я бы даже сказал, учебно-познавательный, потому что его прочертила по Свердловской и Пермской областям река-история, река-музей, и познакомиться хотя бы бегло с историей своего края, почувствовать его красоту и поразмышлять над страницами его прошлого надо как можно раньше, как это сделали для трех Оль и других талантливых тагильских детей их мудрые родители. Думается, что подобное размышление должен одобрить даже турист Печальный, а Жизнерадостный, несомненно, просто крикнет: «Ура!»

Если маршрут учебный и познавательный, то это со многим нас примиряет, даже с блестящими табличками-этикетками на замшелых чусовских камнях-бойцах. Но эти таблички, конечно, только самое начало превращения Чусовой в настоящий музей под открытым небом.

Оглядываясь теперь назад, ясно вижу, что музей этот еще не оборудован, не подготовлен для осмотра. Экспозиция его — пока одни только мечтанья, хотя, казалось бы, чего уж проще! Скажем, тот же берег возле Усть-Утки. Как хорошо, если бы здесь стоял простейший стенд, объясняющий всем, какое это важное место в прошлой жизни уральских заводов. Несколько выразительных цитат из произведений Мамина-Сибиряка помогли бы значительно поднять интеллектуально-исторический уровень туристского сплава по реке.

Кстати говоря, журнал «Урал» опубликовал (в январском номере 1983 года) интереснейшую заметку Е. Ястребова, автора одной из книг-путеводителей по Чусовой. Внося поправку в свою же книгу, он высказывает очень аргументированное мнение, что пристань Каменка, с которой начинается путешествие на барке вниз по реке герой-рассказчик очерка Мамина-Сибиряка «Бойцы», это вовсе не деревня Каменка, и сейчас существующая в верхнем течении реки, а именно Усть-Утка. Даже один раз проплыв по реке и сделав сравнения и сопоставления, невольно полностью соглашаешься с этой точкой зрения. Так что встает вопрос о пересмотре и замене мемориальной доски в деревне Каменка и установке соответствующих памятных знаков в Усть-Утке.

Нельзя не соорудить ознакомительного стенда и в месте впадения в Чусовую ее притока Серебрянки. Тогда не проплывет мимо исторического места ни один турист, не восторгнувшись и не представив себе

ермаковых воинов в кольчугах, с мечами и пищалями, с лицами людей, решившихся на славу и на смерть...

И в Кыне, возле гранитных брусков старой пристани как хорошо было бы прочесть одну-две цитаты из Мамин-Сибиряка и сообщение, что певец Урала проезжал здесь не один раз.

О превращении брошенных деревень в туристские приюты даже и не говорю. При нынешнем зачаточном состоянии организации музея под открытым небом это представляется чуть ли не возведением волшебного дворца. А почему, собственно? Ведь и средств-то потребуется не так чтобы уж слишком много: дома-то готовые! Лично я против всяких лишних административных надстроек, но я бы учредил две-три неслыханных доселе должности, скажем, должность начальника реки Чусовой и одного-двух заместителей-рыбинспекторов. Хотя бы. Ибо должен быть зоркий глаз и пригляд за всем плывущим по исторической голубой дороге, поющим здесь песни и разжигающим костры, размахивающим удочками по берегам. Просто один факт существования начальника реки сильно дисциплинировал бы все происходящее на ней и возле нее. Я настаиваю на названии — начальник реки. Пусть он называется директор музея «Река Чусовая»...

[153]

Мечты, мечты, где ваша сладость... Но, с другой стороны, нет оснований для уныния уже хотя бы потому, что необходимость создания такого музея относится сегодня к истинам очевидным. Певец Урала Мамин-Сибиряк предвидел это еще сто лет назад:

Река Чусовая будет в непродолжительном времени служить одним из любимых мест для русских туристов, ученых и художников. Немного найдется таких уголков на Руси, где сохранилась бы во всей своей неприкосновенности суровая красота дремучего северного леса, где перед вашими глазами в такой величайшей панораме развертывались бы удивительные картины гор, равнин и скал...

Самая красивая Башкирия

Горы и горушки

Мы летели из Уфы самолетом. И сначала под нами были поля. Поля, перерезанные дорогами, речушками, оврагами. Почти только поля, а леса совсем мало. Но потом деревья стали наступать, и вот уже пошел лес, много леса, сплошной лес, горы и горушки, покрытые лесом.

Горы и горушки, крутобедрые ложбины между ними... Это были южные отроги Уральского хребта, последние, уже совсем нестрашные всплески тысячеверстного каменного вала между двумя частями света.

Здесь хребет умирал, но он уже успел дать жизнь реке Урал, чтобы не потерялась граница, чтобы не было никаких недоразумений насчет того, где кончается Европа и начинается Азия.

[154]

Мы летели в Старосубхангулово. Это большое село и районный центр. Но район назывался не Субхангуловским и тем более не Старосубхангуловским, а Бурзянским. Так в аэропорту в расписании и написано: «Бурзян», хотя никакого Бурзяна вроде бы не было, а было только Старосубхангулово. Но мы летели в Бурзян, и район назывался Бурзянским, и с этим ничего нельзя было поделать.

— В Бурзяне аэродром на скале, — сказали нам в Уфе.

И действительно, самолет прошел на бреющем полете совсем низко над очередными круглыми горушками и, выбрав из них одну, не так уж сильно покрытую лесом, быстренько сел.

О нашем приезде знали, и нас ждала машина из заповедника. Вот оно как, главного-то я как раз и не сказал: мы с моим неизменным другом по путешествиям Вадимом держим путь в Башкирский государственный заповедник.

Машина нырнула с горки вниз и оказалась в районном центре Старосубхангулово. Ряд визитов вежливости, и мы снова в пути. Наш шофер Натфулла оказался удивительно симпатичным парнем. Я вообще заметил, что все шоферы всех машин, везущих нас куда надо, как правило, отличные ребята!

Дорога горизонтально не шла, а шла только вверх или вниз, то есть опять горушки. Горушки были также слева и справа. Одни — покрытые лесом, другие — с обнажениями скал, третьи — с обширными безлесными полянами, которые то ли вытоптал скот, то ли вырубил нарочно человек, то ли просто от веку так завела мать-природа. Но все они, эти горушки, были удивительно изящны, красивы, живописны и составляли самую существенную часть пейзажа. Да, если Мамин-Сибиряк называл когда-то окрестности Висима, своей родины (тоже ведь граница Европы и Азии, только намного севернее), «страной горных ключиков», то Башкирский заповедник, да и весь Бурзянский район, вполне можно назвать страной гор и горушек.

Помню, в Перми проходила очередная выставка «Урал социалистический» — совместный вернисаж художников и скульпторов наших уральских областей и республик. В числе прочих там была представлена и картина, изображавшая один из уголков Башкирии. Ни названия картины, ни автора ее я не помню, но помню хорошо, что она была решена с полным пренебрежением к классическим законам перспективы, и поэтому изображенные там горы и поля с тракторами существовали совершенно рядом, вместе, нарочито втиснутые в одну плоскость, как в детском рисунке. Да и вообще трактора там ползали под какими-то немислимыми с точки зрения центра тяжести углами. Цвет всему был придан такой радостный, такой свежий и яркий, что я невольно пробормотал:

— Сказка! Эх, какие штуки изобретает формализм!

Ни на секунду я не поверил, что художник хоть в какой-то степени мог быть близок к натуре.

И вот теперь я был реально в такой же сказочной стране. Здесь все жило именно в такой волшебной яркости, чистоте и радости. А если страна волшебна, то при чем тут центр тяжести и прочие реалистические вериги? Я понял художника, приветствовал его и любил. Вот оно как бывает! Отдаю этот пример полностью во власть нашего искусствоведения для постановки проблемы неожиданного и сильного эстетического воздействия живописного полотна на отдельных индивидов через несколько лет после просмотра...

[155]

Впрочем, мы едем и нашу дорогу обступили вязы, липы, березы и дубы. Целые дубовые леса! Потом их постепенно сменили сосны, лиственницы, и вот уже стела возвещает, что мы въезжаем на территорию Башкирского заповедника. На стеле под вырезанным из фанеры силуэтом глухаря — свод правил, чего в этих местах делать не следует. Видимо, лучше тут вообще ничего не делать...

Еще два-три километра, и мы въезжаем в Центральную усадьбу заповедника. Место это тоже красивейшее и тоже, конечно, украшенное обступившими его со всех сторон горюшками. На карте оно так и названо: Заповедник. Хотя здесь нам сказали, что Центральная усадьба расположена в поселке Саргая. Это по имени местной речушки. Ну что ж, мы уже, кажется, привыкли, что с названиями в этих краях должны происходить какие-то таинственные вещи...

Был исход дня, и позади — бессонная ночь в дороге. Но, несмотря на усталость, я чувствовал, не переставая, что вокруг все красиво. Это было так же, как ощущение тишины после утомительного шума, как прохлада после изнуряющей жары. Да, приходилось признать, что мы находились до сих пор, жили где-то в местах не таких прекрасных.

Потом мы провели много дней в этой, наверно, самой красивой части Башкирии, но радость не проходила. «Пить красоту», — так я, извините за банальность, определил для себя это состояние. Пить красоту... Мне это выражение категорически не нравится. Есть в нем что-то от мещанского страдательного романса. Но оно все-таки с грубоватой точностью все выражало.

Кругом фауна

В лесах заповедника много бродит всякого зверья. Называем отдельных на год нашего здесь пребывания.

Заяц-беляк — 2450. Белка — 40. Очень мало! Но она имеет свойство мигрировать: сегодня здесь, завтра там, сейчас мало, завтра — полный лес... Лисица — 120. Горноста́й — 125. Куница — 70. Ласка — 520. Марал — 320.

Марал! Остановимся на этом имени: на Урале он больше нигде не встречается. «Этот крупный олень, — пишет В. Шнитников в своей книге «Звери и птицы нашей страны», — живущий в горах Тянь-Шаня

и Алтай, в Саянах, в Забайкалье, в Амурском и Уссурийском краях, с давних пор является очень ценным промысловым животным и желанной добычей охотников. Дело в том, что в китайской и тибетской медицине необычайно высоко ценились, да и до сих пор ценятся, молодые рога марала и изюбря — панты...»

[156] Ну что ж, подписчикам журнала «Здоровье» должно быть отлично известно лекарство «пантокрин», которое чудодейственным образом помогает буквально от всего, точно так же, между прочим, как черная редька или тетрациклин. Правда, сам лично я марала на природе не видел. Не повезло. Не выскочил, не показавшись мне марал ни разу. Да в это время года (июль) его и трудно увидеть. Он пасется неведомо где и очень осторожен. Вот другое дело весна, когда он, теряя бдительность, выходит на солонцы, или сентябрь, когда начинается гон, и марал, наоборот, ищет места, откуда далеко может разнестись его рев — свирепая угроза соперникам и одновременно призыв маралухам.

Но марал — я готов подтвердить это под присягой — очень красив. Я утверждаю это потому, что видел в заповеднике чучела, изготовленные неравнодушным человеком Яковом Ивановичем. Он изготовил их много, целый музей. Тут и лиса, и куница, и рысь, тут и тетерев, и глухарь, и различные виды орлов, коршунов, ястребов и всяких мелких птиц, тут и громадный бурый медведь, пахнувший нафталином, но тем не менее достаточно пугающий своей неизбывной мускульной мощью, и, наконец, рогатые головы лося и марала. Так вот, достаточно посмотреть на одну только голову марала, эту увзкую морду с аккуратно вырезанными поздрями, на эти рога чуть ли не в два метра размахом, чтобы сказать категорически: хорош!

— У меня такая есть мысль, желание такое: сделать чучело марала в полный рост, — говорит Яков Иванович. — Пусть люди смотрят.

При этом он перебирает в руках целую связку стеклянных глаз для будущих чучел рысей, медведей и волков, и эти еще не существующие экспонаты музея вроде бы уже посматривают на нас из какого-то своего не совсем реального далека...

Яков Иванович — человек увлеченный. Он раньше работал здесь же в заповеднике бухгалтером, составлял годовые отчеты. Но вдруг почувствовал интерес и влечение к изготовлению чучел. В итоге занял должность таксидермиста. Это значит мастера по чучелам.

Всякая умелая и вдохновенная работа заразительна. Мы мало учитываем этот удивительный воспитательный момент в своей практике, больше надеемся на назидание, на призыв к сознательности, давим, что называется, на психику (подростка, в основном)... А между тем, поговори с любым виртуозно работающим человеком любой специальности, он обязательно вспомнит, что «заразился» красивым трудом от кого-то, бывшего с ним рядом. Для хорошей рукодельницы — это мать или бабушка («Так у нее ловко все получалось!..»). Для токаря — другой выдающийся станочник. Для летчика — летчик-ас. Труд и трудолюбие воспроизводят в других сами себя...

Если бы вам довелось увидеть, как любовно мнет чью-то отлично выделанную, мягкую шкурку в своих руках Яков Иванович, вам ей-ей захотелось бы стать не кем иным, как только таксидермистом...

Но вернемся к нашим маралам. Благородные олени завезены в Башкирию с Алтая. Это точно. А вот когда именно — сведения расходятся. По одним данным, они прибыли сюда в 1932 году в количестве десяти голов. По другим — в 1940—1941 годах и уже стадом в 38 единиц. Но факт остается фактом: им сейчас тут живется неплохо. Отрадно. И это несмотря на то, что в начале пятидесятых годов заповедник неоднократно закрывали и леспромхозы как хотели хозяйничали на его территории, а браконьер, никем не пуганный, подкарауливал красавца оленя за каждым кустом.

И еще одно позволяет мне с уверенностью утверждать, что марал очень красив: это кадры фильма, который снимала здесь Свердловская киностудия. Режиссер Аркадий Морозов любезно показал мне цветную пленку, и я имел возможность насладиться великолепным зрелищем. Вот небольшое стадо маралов пасется. Вот поднял голову и чутко прислушивается рогатый красавец. Вот он мчится, скрываясь в чаще...

Следующие обитатели заповедника: лось — 290. Рысь — 4. Маловато хищниц! Глухарь — 160. Тетерев — 360. Рябчик — 2500. Отлично! ПERNАТЫЕ присутствуют!

Где-то в начале семидесятых годов, поддавшись некоторой экологической панике, сотрудники заповедника перетравили и перестреляли всех здешних волков. Об этом есть даже победные фотографии: лежат в снегу серые разбойники, в буквальном смысле слова отбросив хвосты... Несколько лет отчеты удовлетворенно фиксировали: «Весенние учеты показали отсутствие волков на территории заповедника». Но потом, по зрелом размышлении, человек ослабил свирепость. И в самом деле: какие же это естественные условия жизни для зайца или марала, если они время от времени не будут бегать стометровку при встрече с волком. В 1980 году в здешних местах насчитали примерно полтора десятка серых разбойников.

Но вот еще одна цифра, которую невозможно оставить без внимания: медведь — 74! Простой расчет: площадь заповедника 72 тысячи гектаров, следовательно, примерно по медведю на тысячу гектаров, или, иначе говоря, по медведю на десять квадратных километров. Значит, если вы идете по территории заповедника и при этом имеете видимость налево и направо по пятьсот метров, то, пройдя десять километров, вы теоретически непременно увидите бурого хозяина.

И действительно, встреча с медведем здесь не так уж редка. Я уже не говорю про Ирека Юсуповича, старшего научного сотрудника, осуществлявшего некоторое время назад исследование под общим названием: «Экология бурого медведя». Он этих встреч просто искал. Такой есть метод работы — «тропление медведя». То есть разыскивается свежий след, по нему идут и в мельчайших подробностях изучают деятель-

ность косолапого. Даже в какой-то степени неудобно перед зверем: уж слишком пристально исследуется каждый его шаг. (Из отчета: «Проведены тропления медведя со сбором суточных экскрементов в апреле, мае, июне месяцах для выявления характера питания. Обследованы места, где медведь проявлял хищническую деятельность. Проведен количественный учет поедёй на местах кормежек и визуальные наблюдения в природе за повадками зверя...») Медведя пасут почти что как корову! Но его самого это, по-видимому, смущает очень мало. Во всяком случае, плотность зверей достигла рекордной величины и назревает научная проблема: какова вообще максимально возможная их численность на единицу площади? Может быть, в скором времени мы станем свидетелями медвежьих городов?

Впрочем, я не очень серьезно отношусь к учету лося, медведя, марала, белки и прочих зверей в заповедниках. Слишком приблизительные получаются цифры. Выходят лесники в назначенные дни по определенным маршрутам и подсчитывают следы. Потом все суммируется. Сами понимаете: один и тот же чересчур подвижный зверь может попасть в перепись дважды и трижды, а ленивый и неподвижный, наоборот, отсидеться где-нибудь в кустах и вовсе избежать научной регистрации. Но, с другой стороны, что делать? Что мы можем предложить взамен?

Словом, я еду «по учету медведя» с лесником Шагимарданом Шаяхметовичем, «сыном башкирского народа», как он представил себя при нашем знакомстве. Подчеркиваю: еду, а не иду. На рассвете Шагимардан Шаяхметович, как мы условились, приехал к нам верхом, держа в поводу вторую оседланную лошадь. Она предназначалась мне.

— Как зовут? — спросил я после утреннего приветствия. Видимо, мне показалось неприличным взгромоздиться на спину живому существу, даже не спрося имени.

— Орлик, — ответил Шагимардан Шаяхметович.

— Орлик, Орлик, — сказал я, похлопывая лошадь по шее и маскируя некоторое замешательство при виде стремени, висевшего где-то на уровне моих глаз. Достать до него ногой значило бы сравняться в гибкости с чемпионами художественной гимнастики. Следовательно, приходится прыгать. О Гриша Мелехов, как это тебе удавалось птицей взметнуться в седло?

— С крыльца лучше, — подсказал Шагимардан Шаяхметович.

Действительно! Как это я сразу не додумался. Я взобрался на крыльцо и, стараясь не промахнуться, прыгнул в седло. Мы поехали.

Когда конь идет шагом — это еще ничего. Но вот рысь! Может ли что-то противостоять этой нечеловеческой тряске? Я пытался вспомнить что-нибудь теоретическое: что там надо, привстать на стременах? Или, наоборот, «врастать в седло»? Наклоняться вперед или откидываться назад? Я пробовал и то, и другое, и третье — все тщетно: зубы мои стучали, фуражка сползала на нос, внутренности отрывались, а седло било по заду...

Но несмотря на все это, мы ехали «по учету медведя» и разговор велся соответственный. Шагимардан Шаяхметович вспоминал свои личные встречи с хозяином тайги. Однажды, как я запомнил (насколько я мог запомнить, путешествуя на Орлике описанным выше образом), они вдвоем с другим лесником, на лошадях, наткнулись на очень странного молодого медведя. Он не убегал, но и не нападал на лесников, а просто сидел у них на дороге — вроде рассматривал или пугал. Хотели его объехать, а он опять перебежал и становился у них на пути.

Да, есть у медведя подобный образ поведения: сесть на человеческой тропе (он прекрасно знает, где она проходит), дожидаться появления homo сапиенса и насладиться его поспешным бегством. Видимо, не все бурые хищники способны на такие опыты, а только отдельные «рисковые ребята» — завзятые театралы. Так что охрана охраной, заповедник заповедником, а время от времени хищного зверя отстреливать нужно. Это входит в нормализацию наших с ним отношений. Только так, и третьего не дано. Третье — это, видимо, сначала «театральные увлечения», а потом и, возможно, несчастье. Поэтому не будем слишком сюсюкать в модных изъявлениях нашей безраздельной любви к окружающей природе. Будем любить мишу на расстоянии. Так же, как и прочих хищных зверей.

— В лесу ходить самое страшное — это я боюсь от рыся, — слышу, между тем, сквозь тряску витиеватые разглагольствования моего гида.

Начинается новая серия рассказов, но уже про рысь, нападающую на человека, в отличие от прямолинейного медведя, исподтишка и сзади...

Но достаточно «зверских» отступлений. Мы спустились в узкую долину небольшого ручья и здесь увидели следы реального медведя. Просто это прочерченные в густой траве хорошо примятые тропки. Впрочем, Шагимардан Шаяхметович показывает мне и более точные знаки именно медвежьего здесь пребывания:

— Дягил ел, видите? Кусочек оставил еще закуски, ха-ха.

— Медвежья дудка, — показываю я свою осведомленность.

— Дягил, — строго поправляет меня лесник, имея в виду, конечно, «дягиль», но башкирский язык, очевидно, предусматривает в данном случае твердое «л».

И я вспоминаю, что мы не просто в лесу, а в заповеднике, где безраздельно царит наука и где приличествует выражаться почти полатыни. Медвежья дудка — это безответственный щебет дилетанта, а вот «победи дягиля» или, еще лучше, «погрызи дягиля» — уже, конечно, факт научного наблюдения. То есть мы находились где-то в самых истоках зарождения таинств науки и ее особого языка.

Но вот и отпечаток медвежьей лапы у самого ручья, в прибрежной ямше. Вполне достойные размеры! Но не очень страшно: в обществе лесника и лошадей это просто работа, маршрут «по учету медведя». К тому же след оказался передней лапы, а замерять по науке следовало заднюю. Так что где-то мы даже немножко рассердились на хищника...

Шагимардан Шаяхметович фиксирует на плане нашего маршрута медведя номер раз.

Мы продолжаем наш объезд и в так называемом Медвежьем логу — узкой долине другой маленькой речушки — натыкаемся на новые следы зверя. И хотя абсолютная уверенность, что это не тот же самый косолапый, отсутствовала, мы все-таки зафиксировали его для исследования как медведя номер два.

[160]

Конечно, думаю я, так называемая чистота научного опыта подвергается серьезным испытаниям, но в основе факт зарегистрирован: медведь по здешним местам ходил, муравейники разорял, когти о сухостойное дерево точил (ему нравится, чтобы после демонстрации его мощи под деревом оставалась гора сухой коры), дягиль, наконец, ел. Больше того, вся эта бурная медвежья жизнь находилась под охраной государства. Где-то в других местах медведь напуган грохотом бульдозера, где-то стонет, отравленный неосторожно разбросанным химикатом, где-то вообще гибнет под пулей браконьера. Здесь он, что называется, жуирует в самом широком значении этого слова. Это и есть самое главное.

И я размышляю о том, что люди эти, лесники заповедника, бестрепетно (и безоружно, кстати) путешествующие по медвежьим местам, самим фактом своего присутствия играют огромную роль во всей жизни здешнего края. Их ежедневный труд — поддержание высокого не только хозяйственного, но нравственного, прежде всего, понятия — заповедник.

Все-таки очень это хорошо: идти или даже с великой тряской ехать на Орлике по заповедному лесу и знать, что кругом в очень приличной плотности бродят охраняемые законом звери, в том числе и косолапые медведи.

Лесная диссертация

Зачем его изучать, лося? Все ведь, кажется, ясно: крупное парнокопытное, питается ветвями березы, сосны, осины... И книги о нем различные написаны. Но научный сотрудник Николай Михайлович работает над диссертацией «Особенности экологии копытных Башкирского заповедника». И знаете, особенности эти есть. Есть свои отличия, свои наблюдения.

Взять хотя бы миграцию лосей, свойственную именно копытным, живущим на Урале. Зимой они идут на восток, к Уральскому хребту, в поисках мест, свободных от слишком глубокого снежного покрова. Весной — откочевывают на запад, вплавь преодолевая бурную Агидель — Белую.

Углубленное изучение жизни зверя по-настоящему увлекательно, интересно, я бы сказал, философично. Вот как вы думаете, какой лось или марал прежде других погибает в зиму суровой бескормицы? Чрезмерно заботливая мать? Неокрепший лосенок? Нет. Исследования показы-

вают, что меньше всего шансов выжить у самого сильного красавца самца. Он, оказывается, слишком много сил отдал безумствам любви и поэтому «вошел в зиму», как говорят хозяйственники, сильно истощенным. Так что другие лоси, не первые силачи и не первые красавцы, имеют перед ним в этом смысле какие-то преимущества. Такова диалектика. В этом явлении заключается не только что-то печальное, но и отчасти нечто утешительное — сознание определенного равенства в распределении жизненных радостей между всеми особями живого мира. Одному — одно, другому — другое. За бурную растрату себя — наказание бессильем и немощью... Впрочем, когда так называемая мудрость жизни останавливала пламенного Ромео?

[161]

Исследования копытных в Башкирском заповеднике дают новую пищу нашим размышлениям о лесных пожарах. Нет, нет, речь не идет о снятии устрашающих транспарантов на тему трагических последствий в результате оставленной в лесу непотушенной папироски. (На дороге, ведущей в заповедник, висит, кстати, несомненно талантливый плакат, привносящий что-то новое в разработку этой известной темы. Язык пламени изображен здесь в виде лося. Зверь как бы наполнился огнем, сгорая в лесном пожаре. Очень впечатляет!) Нет, наше отношение к стихийно возникшему, бушующему и смертельно опасному для всего живого лесному пожару остается неизменным. Здесь пересмотров никаких быть не может. Но вместе с тем мы должны знать, что «экосистемы способны адаптироваться к пожару». Более того, «при правильном использовании огонь может быть очень ценным экологическим инструментом». Вот даже как.

Цитаты приведены из книги американского исследователя Ю. Одумма «Основы экологии». А конкретные данные содержатся в диссертации самого Николая Михайловича.

Да, мы еще не сказали, что своими особыми наблюдениями и данными по пожарам Башкирский заповедник располагает как раз благодаря печальным событиям 1975 года. Именно в этом году пожары охватили значительную его территорию, по сути дела, горела одна пятая основного Узьянского участка. (Участков два: Узьянский участок и Прибельский филиал. Но об этом позже.) В итоге в переносном смысле этого слова «сгорел» один из директоров заповедника. Собственно, он до этого год всего и работал, а тут такие беспорядки. Как говорится, на него возлагали, а он не оправдал...

Но дело-то в том, что горы и горушки заповедника обладают, оказывается, опасным свойством. В их недрах содержатся руды различных металлов, вот они и притягивают к себе грозовые разряды. Отсюда так называемые сухие грозы, имеющие обыкновение в избытке разражаться в здешних местах. Вот вам и пожары.

Спасительное и справедливое (по отношению к итоговым оценкам) время поставило все на свои места. И вот какие — возвращаемся к диссертации Николая Михайловича — интересные получают данные. Горельник — вовсе не черная и обугленная, бесплодная и бесполезная,

как она рисуется нашему воображению, земля, а земля, изо всех сил возрождающаяся к жизни. В Башкирии еще раз подтвердилось и ранее наблюдавшееся явление, что после пожаров бурно развивается травянистый покров, а также корневая поросль березы, осины, ивы, ясеня и других деревьев. На третий год после пожара на одном квадратном метре горельника можно было скосить в два раза больше сена, чем на контрольном участке, обойденном огнем. Первой травой на выжженной земле был, конечно, иван-чай — этот нестигаемый солдат в сиренево-розовом мундире, неустрашимо идущий на штурм безобразия всяческих пустырей, насыпей и канав, отвалов и горельников. На том же квадратном метре насчитывалось до сотни (!) экземпляров осины, побеги березы и сосны. На отдельных гарях поросли осины и ивы занимали 30—40 процентов площади. Все это — любимый корм лосей — животных сугубо древесноядных. Так что лось, спроси мы его мнения, не возражал бы, чтобы какую-то часть освоенной им территории мы специально подвергали огневому воздействию ради получения через два-три года обильного корма.

Марал же, более травоядный, вовсе приветствовал бы такое применение огня как «экологического инструмента», ибо он с удовольствием пасется на гарях почти сразу же после пожара. Вот выдержка из диссертации Николая Михайловича: «Горельники с обильным возобновлением иван-чая и лиственных пород с первых же дней зимы явились местами концентрации маралов». Такие дела.

Сама картина лесного пожара в нашем воображении всегда рисуется ужасной: огонь наступает, звери в панике бегут... Конечно, не станем умалывать ни опасности, ни трагических последствий лесного пожара, но будем иметь в виду и такие данные из диссертации: «Наши наблюдения также показали, что маралы не боятся огня. 7 июля 1975 года полугодовалый самец спокойно перешел линию огня внутрь пожара, его не смутили ни огонь, ни сильный дым. 12 июня самка с детенышем спокойно паслась в нескольких десятках метров от границы пожара...»

Впрочем, достаточно. Мы и так уже слишком далеко зашли в «тропении» копытных. Оставим это увлекательное, но довольно трудное занятие Николаю Михайловичу. Это его долг, и мы можем быть уверены, что он этот долг выполнит. Хотя, повторяю, это очень трудно. Как говорится, лосей много, а диссертант один. Но он будет зимой, как только лоси придут, неутомимо гоняться за ними на лыжах десятки километров, заполняя толстый блокнот сведениями о следах и поездах.

Видели ли вы колокольчик?

Мы шли тогда по феномаршруту — это такая кольцевая тропа в несколько километров, по которой ежедневно проходят наблюдатели заповедника, чтобы фиксировать фенологические явления: какая травка зацвела, какая птичка пела и так далее, — но мысли мои были не о трав-

ках. Думал я о том, что очень часто меняются в заповеднике научные сотрудники. Никак не получается, чтобы все должности были заполнены, и при этом людьми, твердо решившими посвятить себя большой, настоящей и длительной работе в этих лесах, на этих горюшках, с этими зверями и птицами.

Мне особенно хотелось бы настоять на слове «длительной». Мы вообще должны уважать длительность трудового процесса. Не верится в героев, которые могут сегодня куда-то прийти, быстренько все увидеть и победить. Блеф это. Лишь работа, имеющая достаточную протяженность, приносит действительные плоды. Это срубить дерево не так-то уж и много времени надо. А вот вырастить его или изучить...

Но тут я прервал свои размышления жизнерадостным восклицанием:

— А вот он, колокольчик!

Не знаю, видели ли вы его. Именно такой. Он называется колокольчик персиколистный. Но дело не в названии. Он — особый колокольчик, может быть, царь колокольчиков. Он больше обыкновенного раза в два-три и, главное, такой прозрачный, такой голубой, такой нежный, что сразу изо всех цветов башкирского луга — а их очень-очень много, и самых разных — видишь только его. Да, другие цветы прекрасны. Но он — само совершенство, эталон самой нежной голубизны!

Красота — что это такое? Вот тебя знакомят с женщиной и ты потрясен: она прекрасна... Вот цветы. И этот хорош, и этот симпатичен, а этот так ярок! И вдруг — как знак из другого, высшего мира! — прекрасный цветок! В изумлении останавливается время, загораются твои глаза, высоко вздымается грудь — прекрасное существует!

Итак, он прекрасен, этот колокольчик персиколистный. И сразу же, едва ты понял его красоту — о ужас! — рука твоя тянется, чтобы схватить цветок, сорвать его. Видимо, это от дикости городского человека, от стяжательского пережитка, от этой ненасытной жадности все затащить в свою квартиру, на свои квадратные метры. Схватить, затащить, поставить в вазу, а потом лечь на диван и смотреть. Идеал достигнут!

Жаль, до слез жаль человека, мир которого — квартира, а не вся наша земля. Высшее общение с природой для такого — это покупка дачи, то есть приобретение еще одной квартиры...

Накануне, скажу я вам, и я сорвал такой цветок. Потянулся к нему, схватил и сорвал. А потом, собирая землянику, потерял где-то в траве. Преступление ведь! Хоть бы любимой в подарок!

Конечно, это места дикие, малонаселенные. Кроме медведя, может быть, в этом году никто бы на тот цветок не набрел. Но на будущий год? Через десять лет? Через сто? Не обокрал ли я склон горы? Вырастет ли прекрасный колокольчик снова? Мне рассказали, что в Подмосковье студенты-биологи университета иной раз целыми курсами искали цветы, а такой колокольчик находили не всегда. Вот оно как! Не всегда находили! И не в шутку спрашиваю я: видели ли вы колокольчик?

И очень прошу, если вам доведется его увидеть, не рвите его, порадуйтесь ему живому. Ведь даже мухомор не следует пинать ногой — он нужен лесу.

Современная наука о травах очень строга. Она размышляет о необратимости, о невозстановимости явлений в растительном мире. Вот вы сорвали, скосили одни травы — на их месте поднимутся другие, порой совсем на них не похожие. Вот свели лес — вместе с ним навсегда утратится уникальный травяной покров. Вот вы просто прошли по тропе раз, другой, вот проехали на лошади или мотоцикле — и вместо колокольчика здесь вырастет подорожник...

Более двухсот лет назад замечательный русский путешественник академик Иван Лепехин писал про эти места Башкирии: «Сколь изрядным был по горам лес, столь и изящные на них росли травы, и мы лучшее собрание трав сим горам долженствовали».

Пусть еще через двести лет и еще через триста люди будут «долженствовать сим горам» замечательные собрания трав. Здесь их около семисот различных видов, причем немало редких. И пусть среди них на радость всем всегда растет и прекрасный колокольчик.

На страже палеолита

Башкирский государственный заповедник имеет филиал. То есть помимо своей центральной части владеет еще солидным куском территории в некотором отдалении. Опять же, конечно, с различными зверями и двумя примечательностями: Каповой пещерой и бурзянской злой пчелой. Называется: Прибельский филиал.

Каповой пещере можно было бы посвятить отдельную песнь. Как голубизна колокольчика персиколистного — образец самого нежного голубого цвета, так темнота в Каповой пещере, по-моему, — самая бархатная, самая абсолютная темнота. Когда мы были там, я нарочно погасил свечу и минут пятнадцать мы находились один на один с истиной: для того, чтобы что-то увидеть, надо, чтобы до вас долетал хотя бы самый крохотный лучик отраженного света. Правда, мой друг композитор Вадим утверждал, что он слышит, как мимо нас раз и еще раз прошелестели крыльями летучие мыши. Музыкальные уши! Темнота от этого, казалось, только еще больше сгустилась...

Красота и величественность Каповой пещеры никого не оставит равнодушным. Представьте себе где-то метрах в ста от берега реки Белой — красавицы Агидели — огромную арку входа и рядом с ней — зеленое волшебное озеро с бьющей из-под земли водой. Представьте себе в летний зной холодок подземелья. И наконец, само подземелье, с валунами у входа, и дальше — с многочисленными гротами, сталактитами и сталагмитами. Свыше двух километров различных ходов и валов, два этажа, подземные озера. Уникальное явление природы! Да плюс еще ко всему этому далекий наш предок постарался: запечатлел на стенах

пещеры свое уважение к стилю реализма — нарисовал мамонта, лошадей и носорога.

Рисунки эти неожиданно большие, есть до метра в длину, и сделаны они красной, довольно яркой (если учесть прошедшие тысячелетия) краской. И вот стоишь, смотришь на горбатого мамонта, выхваченного из темноты желтым светом фонаря, и чувствуешь, что мозг твой не способен понять этих величин: двадцать тысяч лет. Или сто тысяч. Палеолит! Однако специальная экспедиция Академии наук под руководством профессора О. Н. Бадера подтвердила: «Палеолитический возраст рисунков верхнего этажа Каповой пещеры не подлежит сомнению».

[165]

Этот факт, эта находка (ее сделал в 1959 году зоолог заповедника А. Рюмин) позволили нашим ученым внести поправки ни больше ни меньше как в представление об истоках искусства всего человечества. Повторяю: всего человечества. Раньше считалось, что они, эти самые истоки, находятся в Пиренеях. Якобы только рисунки из пещер Южной Франции и Северной Испании были первыми и единственными пракартинами Всемирного художественного фонда. Но вот, оказывается, и Урал сказал свое слово. Многие солидные труды пришлось переделывать с учетом этих красных мамонтов и лошадей, выполненных в стиле реализма с элементами условности.

Да, я не оговорился, говоря об элементах условности. Наш палеолитический предок, видимо, не первый раз замешивал красную землю на животном клее (результат химического анализа), чтобы побаловаться кистью. Поэтому на сей раз в тишине и безопасности пещеры, при свете большого костра, он позволил себе, вызывая восхищение соплеменников, более свободный, раскованный мазок и ноги мамонта, в пику ползучим натуралистам (из соседних пещер?), не стал выписывать подробно и тщательно, а набросал единым общим силуэтом, в котором слились вместе и собственно нога, покрытая длинной шерстью, и само движение. Все это вместе читается очень современно.

Разговор туристов:

— Хорош!

— Отличный мамонт. Постарались, кандидаты...

Да, настоящее искусство в каждую новую эпоху продолжает звучать современно. Просто даже не верится, что это нарисовано не вчера, не рукой сегодняшнего человека. Словно на самом деле некий честолюбивый молодой ученый от души постарался изобразить древних зверей, чтобы иметь возможность создать оригинальную кандидатскую диссертацию...

Капова пещера, таким образом, составляет нашу национальную гордость. Беречь ее и всячески охранять — такова задача. От кого охранять? Ну конечно же, от туриста.

Турист вездесущ. Он летит на самолете, едет по железной дороге, подпрыгивает на ухабах в автобусе, идет пешком. На турбазе в Каге (напрямую это километров 150 от пещеры, а по реке Белой раза в три

больше) он начинает всесоюзный маршрут № 59. Получив надувной резиновый плот и имея на борту пару ящиков с насущным продуктом и юмористическую надпись «Крокодилы», турист сплавляется по течению под музыку собственной гитары.

[166]

Турист многочислен: где-то пять тысяч человек отправляет база каждый сезон вниз по реке. Примерно столько же и неплановых энтузиастов непереносимого летнего передвижения по лону земли бороздят своими байдарками и самодельными плотами воды красавицы Белой. Итого — десять тысяч. И каждый имеет в левой руке, поскольку правая занята веслом, описание маршрута, и, предвкушая встречу с чудом природы, твердит про себя цитату: «Для осмотра пещеры нужна теплая одежда, веревка, надежный фонарик».

Всем перечисленным турист, и плановый, и неплановый, запасся в избытке. Он не знает, наивнейший человек, что главным препятствием для знакомства его с пещерой будет не отсутствие фонарика, а встреча с основательно сделанной металлической решеткой и сторожем.

— Почему? — кричит возмущенный народ.

— А потому, — резонно отвечает сторож и жестом, полным достоинства, указывает на доску с открытым текстом, прибитую к коренастому столбу.

Прочтем вместе со всеми:

**Доступ в пещеру
Шульган-Таш (Каповая) закрыт
Пост. Сов. Мин. БашАССР**

Придя в себя после оцепенения, туристы затевают с неумолимым стражем полемику. Однако последний остается непреклонным.

Между тем лет пятнадцать назад при пещере имелся экскурсовод. Он водил группы по подземным этажам и придавал происходящему аромат сервиса. Хотя бы просто объяснял туристу, что в пещеру некрасиво идти с горящей берестой — неровен час, закоптишь уникальный рисунок. А тем более нежелательно подпаливать смоляным факелом висящих под потолком вниз головой летучих мышей...

Проблемы Каповой пещеры раздираемы противоречиями. С одной стороны, если организовывать массовый ее осмотр, то надо максимально обезопасить путешествие по ней. Именно «благоустройство пещеры» предусматривает упомянутое в прочитанном нами объявлении постановление. Благоустройство — это хорошо. Но, видимо, не следует доходить в нем до «ультрамодекна».

В акте обследования от 1977 года предлагается: «Построить по подземным экскурсионным маршрутам бетонированные пешеходные дорожки... Все маршруты осветить от стационарной электросети с иллюминационным оформлением всех морфологических элементов и настенных рисунков пещеры. Экскурсионный осмотр ее сопровождать специально подобранными музыкальными мелодиями». Вы видите, что авторы этого акта на наших глазах (слава богу, пока только на бумаге) превратили

уникальную пещеру в провинциальную дискотеку с иллюминацией и музыкой. Они, очевидно, считают, что с таким «соусом» человеку легче проглотить двадцать тысячелетий, отделяющих нас от палеолита.

Далее. Институт Башкиргражданпроект предложил детальную планировку всей территории, прилегающей к пещере. Предусматривается туристский приют со всякими службами и подсобными предприятиями, для которых требуется, по мнению института, автоматическая телефонная станция как минимум на пятьдесят номеров...

[167]

В общем, индустриальный век не на шутку наступает на неповторимость прекрасного природного явления.

Но с другой стороны (и эта сторона, к счастью, все более побеждает), если пещера и ее рисунки — это уникал, то сюда на пушечный выстрел нельзя подпускать наших талантливых благоустроителей. То есть тут надо только беречь и охранять. Больше ничего. Неприкосновенным должно быть материальное подтверждение слов из Большой советской энциклопедии: «Древнейшие следы человека, обнаруженные на территории Башкирии, относятся к эпохе п а л е о л и т а».

Очень злая пчела

Все знают выражение: «заниматься бортничеством». Все, кто учил в школе историю, слышали это выражение, читали его в учебнике, зубрили наизусть, возможно, даже употребляли в ответе на уроке и получали неплохую отметку. Занимались бортничеством. В Башкирии, например, бортничеством занимались где-то с IX века...

А вот что это значит? Что именно? Бьюсь об заклад, что половина людей, хорошо знающих само это выражение, не имеют ясного представления о его действительном смысле. Нарочно спросил знакомую девочку, семиклассницу:

- Лена, что такое: занимались бортничеством?
- Бортничеством?
- Да. Ты слышала такое выражение?
- Конечно.
- А что это такое?
- Что? Ну, что-то древнее.
- А точнее?

Точнее она не знала. Изучать изучала, а знать не знала! (Это тот же эффект, о котором я уже говорил однажды: многолетнее невнимание к соседскому двору, скрытому от нас забором...)

Когда мы говорим о разведении пчел, глазам сразу же рисуется улей, этот игрушечный домик, над которым вьются «мохнатые труженицы», как любят называть пчел в радиопередачах. Но люди не сразу придумали удобный и для пчел, и для себя улей. Древнее пчеловодство началось с борти. Бортъ — это, по сути дела, дупло в большом дереве, в котором поселились пчелы.

Поначалу, очевидно, просто нашли в лесу дупло с диким медом. Разорили его. Потом догадались: зачем зорить? Ведь можно каждый год собирать дань с мохнатых тружениц! Стали люди вести дело культурно: забирали не весь мед, а только часть, чтобы пчелы зимой не умерли от голода. То отверстие, через которое черпали мед, тщательно закрывали от дятлов и куниц. На дерево вешали обрубок бревна на цепи, чтобы забравшийся сюда медведь затеял с ним возню, а до меда не добрался. А еще лучше — пленнулся бы вниз, где его ждали специально заостренные осиновые колья. (У того же академика Ивана Лепехина есть рисунок, запечатлевший бортовое дерево в Башкирии. Это настоящая смертоубийственная ловушка для медведей. Просто страшно смотреть на острия коварных кольев, словно в ожидании добычи окружающих основание дерева...)

Бортовое дерево, кормившее людей замечательно вкусным продуктом, стало передаваться из поколения в поколение. В Башкирии и сейчас много таких деревьев, возраст которых — столетия, и сегодняшние их владельцы знают только, что они унаследовали их от своих дедов и прадедов.

Залезть на дерево пчеловоду не составляет ни малейшего труда. Опясаив ствол ремнем и зная на нем каждый сучок и каждую зарубку, он поднимается к борти в мгновение ока. Собственно говоря, надобность в этом возникает раза два в год: весной, когда надо проверить состояние пчелиной семьи, и осенью, когда берут мед.

Вот все это и называется — заниматься бортничеством...

Считается, что в России бортничество было наиболее развито до Петра Первого. Затем оно сильно пошло на убыль из-за развития пасек. Пасека и улей были, конечно, методом пчеловодства более, как говорим мы теперь, прогрессивным. Вот прогресс и победил. Бортъ стала фактом истории.

Но в Башкирии, а точнее в Бурзянском ее районе, каким-то непостижимым для нас образом бортничество сохранилось, не умерло до наших дней. Живая история! Заповедник бережно охраняет примерно 150 бортей с пчелиными семьями, родословная которых — в глубочайшем прошлом.

Причем бурзянская пчела, может быть, в силу расположенности в горных обособленных районах Башкирии, сохранила в беспримесной чистоте свою породу, свою расу. А это, как можно понять, очень важно в селекционной работе. Таким образом, ценность этих 150 заповедных бортей еще более возрастает. Каждый день в лесу под гудение тысяч пчел они нагляднейшим образом расшифровывают нам школьное и историческое понятие — занимались бортничеством. Так было здесь и двести лет назад (Иван Лепехин, 1772 год: «Редко было можно видеть густую и гладкую сосну, около которых бы не журчали толпы медоносных пчел»), так было и тысячу...

Я полностью оставляю в стороне научную сторону дела. Я оставляю ее в распоряжении Ивния Вахитовича, главного здесь специалиста по пчелам. Он ведет работу, называющуюся «Изучение акстерьерных и

хозяйственно полезных признаков бортовых пчел Башкирского заповедника». Ему, таким образом, и карты в руки. Я же хочу засвидетельствовать только одно: бурзянская пчела очень злая. Об этом меня сразу предупредил Ивний Вахитович, еще когда мы с ним разговаривали теоретически, и это я почувствовал всеми фибрами души, когда нас на пасеке «Капова пещера» нарядили в белые халаты и защитные сетки, чтобы мы познали на практике, что такое пчеловодство и как непросто добывается мед. Мы с моим другом Вадимом сами накануне, подчиняясь исследовательскому инстинкту, напросились на это, но сейчас, содрогаясь, готовы были кричать:

— Нет! Нет!

Но было уже поздно. Мы стояли среди ульев, и желательно было не шуметь и не делать резких движений.

Ни на секунду не осуждаю бурзянскую бортовую пчелу за свирепость нрава. (А на пасеке «Капова пещера» жили именно они, только переселенные из бортей в ульи.) Разве не суровые жизненные обстоятельства вынудили ее быть такой? Попробуй, живя в лесу, поотбиваться из года в год — и так сотни лет — и от различного зверя, и от нехорошего человека! Поневоле станешь не очень гостеприимной и вежливой. Мне только хотелось бы, чтобы для первого близкого знакомства с мохнатыми труженицами нам попались бы не бурзянские пчелы. Но с этим ничего поделать уже было нельзя: на нас пикировали именно они.

Есть выражение: потревоженный улей. Вот именно потревоженный улей, и даже не один, а несколько, имели здесь, говоря по-казенному, место. Потому что Ивний Вахитович и лаборант открывали ульи и вытаскивали из них рамки с медом. Как водится, они окуривали пчел дымом, и это несколько успокаивало тружениц, прекрасно сообразивших, что их пришли грабить. Успокаивало, но не всех. Некоторые, развив бешеную скорость, подобно пулям металась вовле улья, бились в сетки, защищавшие наши лица, и легко можно было себе представить, во что обратились бы наши носы и щеки, если бы они могли до них добраться!

Однако руки у нас были открыты, и именно в руку меня и ткнула первая, оставив жало. Может быть, презрев солидность, я тотчас же бросился бы наутек, но прозвучал приказ:

— Вот эти рамки можно нести.

Вторая пчела меня ужалила почти в то же самое место на руке, но, преодолевая жжение, тащу рамки.

Накануне я спрашивал Ивния Вахитовича:

— А вам больно, когда жалят? Или привыкли?

— Больно, конечно, — признался пчеловод. — Но рамку же не бросишь.

Вот и мы не бросали рамок...

В общей сложности я получил семь ужалений. Вадим — столько же. Ничего. Будем надеяться, что это нам только на пользу. Во всяком случае, Ивний Вахитович, застигнутый несколько лет назад сильным приступом радикулита — поясница не разгибалась, — прописал сам себе 162

ужаления. В первый день — восемь, потом по нарастающей все больше и больше, а потом, наоборот, по нисходящей. Сам же и приводил в исполнение этот приговор. Как свидетельствует пациент и он же врач, последние ужаления были очень болезненны. Не хотел принимать организм яда! Неизвестно, как смотрит на все это передовая медицина, но радикулита у пчеловода больше нет...

[170]

Рамки мы носили в избу, где была установлена медогонка. Это такой бак. В специальные кассеты вставляются рамки и вращаются с помощью рукоятки с системой шестеренок. Центробежная сила выгоняет мед из сот.

Попробовали продукцию. Прекрасно! Это был настоящий башкирский мед, более того, прославленный мед из горных районов Башкирии. Тот самый, липовый, который специалисты на международных ярмарках по аромату и вкусовым качествам безошибочно выбирают из сотен других.

— Каждый человек, — сказал Ивний Вахитович, — должен заниматься пчелами. Кто ими занимается — все нормальные люди. Будь пчеловод глубокий старик — с ним всегда можно поговорить по душам. Пьяниц нет.

Что и говорить, некоторые специальности требуют от человека повышенных моральных качеств. Таково пчеловодство. Близость к природе диктует простые законы нравственности...

Ну вот, собственно говоря, и вся торжественная ода в честь очень влиятельных бурзянских пчел. Все видят, что несмотря на ужаления, я изо всех сил старался быть объективным.

Прощание с высоты

Ближняя к Центральной усадьбе заповедника горюшка отмечена на карте цифрой 667,5 метра над уровнем моря. Именно на нее и решили в один из дней взобраться мы с Вадимом, чтобы обозреть окрестности.

Что интересно, когда совершаешь восхождение на горюшку заповедника, так это пересечение, смешение и смена различных зон растительности на очень коротком пути. Казалось бы, только что мы были в хвойном лесу с присущими ему травами, а вот уже и степь вступает в свои права (ковыль), а дальше, через каких-нибудь пятьдесят метров, типично горное, альпийское растение — мордовник — кивает под ветром своей круглой зеленой головой. Эхинопс — его научное название и, соответственно, эхинопсин — получаемое из него лекарство (к сведению усердных читателей журнала «Здоровье»).

Это не то что мы так неожиданно поумнели, а просто результат вчерашней беседы с Ольгой Афанасьевной, биологом из Куйбышевского университета. Симпатичная женщина как раз вела в заповеднике свои научные изыскания.

И опять-таки, как и в случае с таксидермистом Яковом Ивановичем, я испытал на себе магию чьей-то увлеченности своим делом. Травы

после нашего разговора с Ольгой Афанасьевной словно приблизились ко мне; с этого дня я неизменно пристальнее стал присматриваться к разрезу листьев каждой былинки, к каждому полевому цветку.

И бабочки, порхающие над этими цветами, тоже словно стали моими знакомыми. И опять в этом был «виноват» увлеченный человек, еще один научный сотрудник заповедника — Венер Искандерович, недавний выпускник Башкирского государственного университета. Отсюда, с высоты, мне кажется, я угадываю те полянки среди зеленеющих сосен, где мы ловили с ним бабочек.

Да, я напросился с Венером Искандеровичем в научный поход за макрочешуекрылыми (я впервые узнал, что так официально называются все эти порхающие вокруг нас пестрые насекомые, то есть бабочки), наслушался предварительно всяких сведений о 140 тысячах видов бабочек в подлунном мире, о всяких разноусых, булавоусых, дневных и ночных чешуекрылых, и только после того, как мы уже почти заговорили на чистой латыни, башкирский энтомолог вооружился марлевым сачком на длинной рукоятке и мы вышли в путь. И вот уже на первой поляне началось это волшебство новой увлеченности — ловля бабочек.

Венер Искандерович так зорко высматривал каждое пестрое насекомое, преследуя его, бегал так быстро и выполнял такие немислимые прыжки и прочие элементы художественной гимнастики и даже акробатики, что каждый его выход на ловлю несомненно представлял бы собой угрозу для мировых рекордов, если бы на лесных полянках, как на стадионах, сидели квалифицированные спортивные судьи. Затем он с завидной ловкостью извлекал, не повредив, пойманное насекомое из сачка, рассматривал и оценивал его, излучая вокруг неистощимую любознательность, и, наконец, любовно и нежно прятал в специальную ловчую коробку с ватой.

Потом я видел у него уже составленные коллекции бабочек под стеклом. Ей-ей, я нисколько не преувеличиваю: эти изящные собрания серых, коричневых, голубых насекомых представляют собой помимо научного также несомненный эстетический потенциал. Словно категории науки и искусства слились воедино в этих плоских застекленных коробках.

Венер Искандерович испытывал особое вдохновение в это лето: ему выпало редкое счастье сделать существенное в его деле открытие. Да, да, он поймал на цветущем майском лугу буровато-серую бабочку, на которую все мы, не знатоки, просто не обратили бы никакого внимания. Летаёт, ну и пусть летаёт... А это было, между тем, настоящее научное открытие: до сих пор таких чешуекрылых (имя бабочки по-латыни звучит поэтично — трифиза фриана) наука фиксировала только на Кавказе и в юго-восточной Азии. На Урале ее впервые обнаружил Венер Искандерович. Ну как, глядя на этого вдохновенного и удачливого притом человека, не захотеть сделаться энтомологом!

Это одна из отличительных черт заповедника — он не может не быть рассадником живой любви к самым разным научным специаль-

ностям, изучающим (и охраняющим тем самым) родную природу...

Но вот мы и на вершине. И опять сердце щемит от красоты земли. Как раздвинулся горизонт! Как остро чувствуешь себя в этот солнечный летний день не гостем и созерцателем, а родным сыном матери-природы. Читаем у Марины Цветаевой:

[172]

Обнимаю тебя кругозором
Гор, гранитной короною скал...

Сколько новых гор и горушек открылось взгляду! Внизу — домики заповедника и извивы реки Узян, в которую на наших глазах впадает Саргая и еще какой-то ручеек. Тишина, спокойствие, красота!

Кавюк ширяет над верхушками деревьев по своим хищническим делам. Мы видим его сверху.

На том склоне горы, который обращен к поселку, на полянке стоит одинокая мертвая сосна. Время отшелушило ее кору, выбелило ствол и ветви, будто скрючившиеся от боли. Она видна отсюда, как чужеродное серое облачко среди зелени травы и деревьев; она — маленькое напоминание о смерти в общей картине торжествующей здесь жизни. В картине широкой, вбирающей в себя все: от зеленой мохнатой головки бойкого под ветром мордовника-эхинопса до красавца марала, который вполне может в любую минуту появиться из зарослей на противоположной горе, но вот все никак не появляется.

Мы смотрели и смотрели окрест, и глаза с радостью впитывали красоту и не могли наглядеться. И к тем картинам, которые были перед нами, память добавляла все, чем одарила нас здешняя природа. Тут был и прекрасный колокольчик, и выводок пестрых рябчиков, не очень испугавшихся людей, и следы медведей, достигших в этих местах невиданной плотности на квадратный километр, и холодок Каповой пещеры с красными рисунками наших далеких предков, и та сильная широкая рыба-переспёр, которая подпрыгивала, извиваясь всем телом, на прибрежной гальке Агидели, когда ее вытащили на спиннинг, и злое гудение бортовых бурзянских пчел...

Страна гор и горушек, благодатные места! Нельзя вас не сберечь, и почетную эту задачу вот уже больше полувека успешно выполняет Башкирский государственный заповедник.

Содержание

Уральские путешествия 5

Предисловие В. Николаева

Михаил Заплатин

К северным ледникам 8

На Народную 20

У королевы альпийского Урала 27

В хрустальных погребах Пуйвы 42

На гору каменных идолов 53

В зауральской тайге 69

Весенние турниры 77

Феликс Вибе

Печорский дневник 94

На Тыныле 116

Чусовая — река-музей 141

Самая красивая Башкирия 153

Заплатин М. А., Вибе Ф. И.
З-32 Самый красивый Урал: Очерки/ Предисл. В. Николаева.—
Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.— 176 с., вкл. 16 с.

80 коп. 15 000 экз.

Очерки об уральской природе, о путешествиях по родному краю. Адресуется юношеству.

З $\frac{4803010102-086}{M158(03)-83}$ 84-83

ББК 84Р7

ИБ № 1121

Заплатин Михаил Александрович
Вибе Феликс Иванович

Самый красивый Урал

Редакторы М. П. Немченко, Н. И. Трубникова
Художники А. М. Туманов, А. В. Вохмин
Художественный редактор О. И. Журавлева
Технический редактор Т. Н. Черепанова
Корректор Е. И. Ерина

Сдано в набор 21.01.83. Подписано в печать 17.06.83. НС 12166. Формат 70×84¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,1. Усл. кр.-отт. 14,4. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 15 000. Заказ 82.
Цена 80 коп.

Средне-Уральское книжное издательство,
620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.
Обложка и вклейка офсетные, отпечатаны
в производственном объединении «Полиграфист»,
620151, Свердловск, Тургенева, 20.

**ЧИТАЙТЕ КНИГИ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ,
ВЫПУСКАЕМЫЕ В 1983 ГОДУ
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКИМ КНИЖНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ:**

Е. Анимиаца. ГОРОДА СРЕДНЕГО УРАЛА. Справочник.

Справочник содержит сведения по истории, географии, экономике всех городов Свердловской области.

Издание второе, дополненное.

Коллектив авторов. СВЕРДЛОВСК. Справочник-путеводитель.

Второе, дополненное и переработанное издание справочника-путеводителя включает в себя практически все стороны жизни самого большого уральского города и будет незаменимым спутником в прогулках и поездках по Свердловску как его жителям, так и гостям.

П. Коверда, А. Брылин. АРТЕМОВСКИЙ.

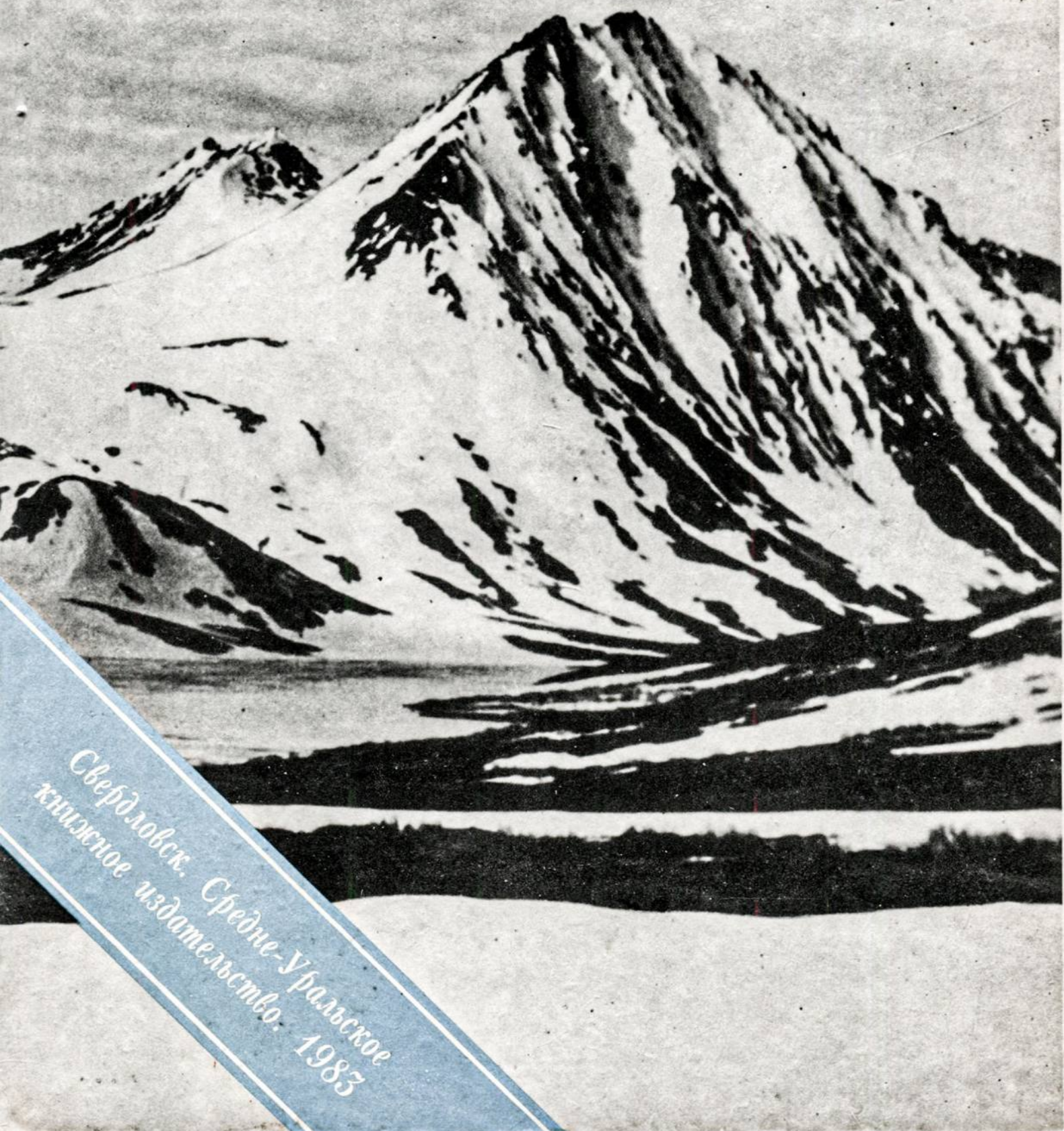
Артемовский — один из интересных городов Свердловской области, значительный промышленный центр. Об истории города, об открытии знаменитого Егоршинского угольного месторождения, о сегодняшнем дне Артемовского рассказывает книга.

М. Куприянова. ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ.

Рассказ фенолога о деревьях, кустарниках, травах уральского леса, о жизни леса в разные времена года.

Книга иллюстрирована цветными слайдами.

80 коп.

Свердловск. Средне-Уральское
книжное издательство. 1983

